

Время совы

Природа разместила на своём теле десятки разумных рас, каждое существо нашло прибежище на Новой земле. Но правители соседних провинций нуждались в ресурсах; они объявили военный поход на девственную природу, огнём и мечом прогоняя несогласных.

Нанаши Мумей — одна из немногих уцелевших, собирается бросить вызов захватчикам возвращая к жизни разбитую горем землю.

Это её время, время совы.

Встреча королев

Природа божественна в своём существе. На теле этой женщины, матери всего сущего, множество родимых пятен — поселений существ, где обитают эльфы, гномы, зверолюди и иные виды. Прародительница мира нага; её ступни холодны, как снежные земли Авруля; бёдра и ягодицы крепкие, словно горные массивы Макруш'ес. Она не стесняется своей красоты, открывает лоно — пещеры, подземные города для всех авантюристов мира. Ах, а как же прекрасны её волосы, эти девственны джунгли на юге Крошрольда. Матушка природа всегда сонлива: за своими отпрысками, она наблюдает лишь одним глазом; солнцем — днём, а луной ночью. Ничто не способно скрыться от материнского взгляда, и её сердце — столица жрецов Кукукуку, подчас тревожно замирает, будто бы предвкушая семь несчастий. И слыша разговоры своих детей, матушка рыдает; от счастья морозящим дождиком, от боли непрекращающимся ливнем. Когда прародительница улыбается, солнце на небе ярко светит, но иногда, когда, она хмурится, на её челе пробегают грозные тучки. Матушка природа всех любит, и все любят её.

Каждое существо — это микроорганизмы прародительницы, потому все относятся к ней с великой любовью и благоговением. Летом жители Мегулинора устраивают Блиницу, зимой Саницу, весной Виницу, осенью Кряницу — к этим праздникам матушка-природа обретает форму, чтобы почтить своим присутствием любимых детей. В этом цикле бесконечных эпох, её выбор пал на нимфу по имени Фауна. При взгляде на эту девушку, сразу становилось понятно: она произошла от природы.

Существо о коем далее пойдет речь, имело травяные волосы барашками волн опускающиеся на плечи; густые ресницы накрывали медовые глаза; тонкие губы извечно застывали в томной улыбке. Будучи нимфой, Фауна никогда не покидала родных лесов Изуркати, где обитали огромные мамоносы — существа, словно горы обросшие шерстью, передвигающиеся на шести лапах и имеющие длинные хоботы. Они служат средством передвижения, но двигаются со скоростью черепах. Именно по этой причине Мумей — подруга девушки, опоздала к Блинице, и была вынуждена довольствоваться остатками блинов.

Они встретились на знакомой опушке, коя используется ими уже много лет. В воздухе благоухало зеленью и ромашками, солнце игриво поглядывало за встречающимися. И вот спустя четыре года разлуки, подруги встретились под раскинутыми ветвями дерева.

— Фауначка! — девушка кинулась на встречу нимфе, заключая в крепкие объятия.

— Мумей... — голосом теплее парного молока, встретила давнюю подругу Фауна.

Мумей была представительницей семейства сов; её народ жил в Барсучьих землях, и являлся хранителями древних знаний. Она скрыла волосы цвета раннего каштана за яркой шапочкой, на плечи накинула пончо разукрашенное узорами родного племени; чулки подчеркивали бёдра, а холщовую рубаху обнял красный пояс. Всем своим видом, это существо являло безмятежность.

После встречи девушки гуляли, встречая жителей лесов: белок из деревни Большого ореха, и Большого ореха два, нескольких троллей ученых, а также лисичек-сестричек. Они посетили ближайшее селение, под названием Осётро, где закупили самые вкусные блины с мёдом. Там же, в таверне Карлуши, девушки принялись за трапезу. В одночасье Мумей заявила:

— А у меня для тебя подарок!

— Ах, что же это, — глаза Фауны мечтательно заблестели, венок из лилий скользнул на чело. — Помнится в последний раз ты подарила мне мазь от загара. После этого я неделю ходила, как варёный рак.

— Та-дам! — девушка изъяла из-за пазухи каменный медальон; шесть вкрапленных камней тускло мигали. — Предвижу вопрос: это предсказатель будущего версия два точка ноль три пять один.

— Как много цифр...

— Старики из племени долго с ним мучились.

— Мучились и... Погоди, то есть ты...

— Не украла, а одолжила. Иначе, как бы я тебя удивила? Вот, клади ладонь сюда. Давай не бойся. Вот так, а теперь задай вопрос.

— Любой?

— Любой.

Фауна насупилась, но это выглядело так невинно, что её подруга прыснула от смеха. После нескольких секунд дум, девушка задала вопрос про себя. Она спросила: не играет ли матушка-природа со жрицами Кукукуку, что предсказывают тёмные времена. «Угрожает ли Матери опасность?» — пронеслось в сознании девушки.

— Ой, покраснел.

— Муми, и что это значит?

— Здесь шесть цветов: чёрный, тёмно-синий, зелёный, жёлтый, красный и белый. Ответом служит степень яркости, от меньшего к большему. Очевидно то, что ты загадала, скорее всего сбудется.

— Сбудется...

Фауна сконфуженно допила нектар, и больше не притрагивалась к блинам. Остаток дня, она пыталась забыть злополучный вопрос, но он засел в мозгу словно клещ, впился крабьей хваткой и не отпускал. Собираение грибов, поход на речку и совместный сон с Мумей помогли хоть немного отвлечься. И всё-таки сердце девушки било тревогу, она знала, что случится нечто нехорошее, но не хотела почему зря пугать народ.

Её опасения не были напрасны.

Тёмная комната. В свете канделябров за круглым столом собралось несколько существ. Стульев было пять, но одно место пустовало, другие же занимали личности в тёмных широких балахонах, сшитых из толстого сукна.

Один из них поджёт свечу стоящую на столе, а после принялся за доклады. В одном из них сообщалось про громадный флот Посейдона, причаливший к Кальмаровым берегам; на его борту находилась царица морей, которая встретилась с правительницей Песочных замков. Больше их никто не видел. Третий и четвёртый были скреплены, они поведали страшиле о прибытие чумной госпожи, которая скооперировалась с царицей фениксов; агенты потеряли их след на заводских землях.

— Четыре пешки в сборе, где пятая?

— Опаздывает, — с иронией ответил один из страшил, остальные раскатисто захохотали — Нельзя быть в двух ме...

— Мы не спешим. Раз королевы встретились, нам остаётся только ждать. Ждать и надеяться, что они найдут общий язык.

Четвёрка смежила веки в длительном ожидании.

Птица спикировала вниз, села на жердь бело-красного шатра в полосках. Возле него стоял фургон запряженный парой ракообразных. Их хозяйка первой отворила дверцу, вступила на землю. Это была девушка средних лет: хилая, наряженная в серый мундир моряка с волосами тёмного оттенка и мудрыми глазами.

За ней вышла ещё одна представительница прекрасного пола. Будучи на две головы ниже, эта девочка (уж слишком маленькой, она была) носила белоснежную тунику, коя была идентична цвету волос. В руках грозно блестел трезубец, им же, девчонка стукнула, пронзительно воскликнув:

— Ну и ужас! Как вы здесь вообще живёте? Я уже вся иссохла.

— Согласно Гура, здесь слишком душно.

— Мало того, что душно, так ещё и ждать приходится. Скажи мне Ина, ради каких вод ты меня сюда притащила? Ты и правда считаешь эту затею, ту самую о которой было написано в письме, хорошей?

Названная Иной не ответила, устремив взгляд в небо. Там парило громадное существо. Крылья создания вобравшие в себя солнечные лучи, слепили ярким сиянием. Вскоре, оно опустилось, и туфелька наездника ступила на землю.

— Дылда с крашеными волосами, нарядившаяся на бал. Ты ли это Таканаши Киара? — на лице Гуры застыла улыбка, она осматривала пестрящее драгоценными камнями платье.

— Моё почтение царице морей, и её верной союзнице из Кальмаровых берегов. — девушка почтено поклонилась — Я рада вас видеть.

— Где Калиоппа?

Киара не успела ответить; на поляну вынесли катафалк: четверо крепких носильщиков обливались потом, поднимая переносной дом. За ними двигалась толпа скелетов. Когда носильщики остановились, мертвецы построили из своих тел ступени на которые через долю секунды ступила мраморная ножка. Троица заморожено глядела на богиню смерти: высокую девушку в шелковом саване; каждое её движение отдавало грацией, она словно танцевала в замедленном действии.

— К делу. — сорвалось с алых губ.

Собравшиеся перешли в шатёр. Собрание объявили открытым.

Они наклонились над картой, рассматривая знакомые и новые земли. Здесь собрались представительницы Кальмарых берегов, Чумных земель, королевства Флайма и Посейдона. Новыми же землями называлась территория не принадлежащая ни одному государству — это были свободные, но населёемые, земли.

— Эй Калли, может подвинешься поближе? — Киара со свойственной ей улыбкой, донимала богиню смерти; та была непреклонна.

— Кхм. Ладно, к сути.

— Погоди Калли, Аме ещё не явилась.

— Чёрт... — прошипела девушка, укрывая обнаженные плечи саваном — И где её носит?

— А важно ли это? Её пустынная шайка насчитывает несколько сотен — факт, но одних мертвецов Калиоппы нам хватит по горло, — агитировала Киара, но заткнулась, стоило занавеси шатра распахнуться.

Внутри вошла очередная девушка. Высокие сапоги, облегающие бриджи, свободная жилетка; за спиной меч, через плечи перекинута сумка для ножей. Она поздоровалась опустив козырёк шляпы, и цокая прошла к столу; заявила:

— Я в деле, и в отличии из вас не стесняюсь признаться в беспомощность перед неизменным будущем. В пустыни заканчиваются залежи золота, через каких-то два десятка лет и руда подойдёт к концу. Скажем правду: мы здесь, чтобы спасти свои народы, людей которые в нас верят.

— Если ты решила эффектно появиться, то лучше место пустой бравады, принесла бы план, — ощерилась Калли.

Ина и Гура, как бы в подтверждении слов новоприбывшей, встали по обе стороны от неё. Они поддерживали Аме, и находили каждое слово верным, ведь королевства обеих было под угрозой. Рыбы, крабы и иные морские виды, начали мигрировать на запад, что сказалоь на торговле обеих королев. Их правление стало шатким.

— Оставим разногласия, и будем работать вместе, — вновь заговорила Аме, указала на карту. — Земли на западе лакомый кусочек которого хватит на всех.

— Это правда, — подтвердила Киара, склоняясь над столом, — Мои фениксы залетали туда с разведкой. Там нет ни вышек, ни патрулей.

— И замков нет?

— Ни одного замка Гура, ни одного. Это и подозрительно. Взгляните, — четвёрка окружила Киару, — на юго-западе располагаются Уничтоженные земли, а Новые земли пролегают на западе; их разделяет цепочка горных массивов.

— И?

— Не гони коней Калли. Слушай: если мы объединимся и расположимся цепочкой с Флайма по Кальмаровым берегам, то у противника не будет ни шанса на спасения.

— Рано называть их противниками, — отметила Гура, — К тому же, судя по плану, в нём фигурирует мой флот?

— Да. Твои войска должны окружить их с северо-запада, перекрыв доступ к морю.

— Мы хотим их загнать, но куда?

— Вот именно этого вопроса, Аме, я и ждала. Помните я говорила, про Уничтоженные земли? Помните, славно, так вот всё что нам надо, это просто сместить населения Новых земель на Уничтожение земли. И вуаля, победа наша. — Киара упёрла руки в бока, с широкой улыбкой осматривая лица собравшихся.

Гура хмурилась, Ина, как и всегда была безмятежна; Аме и Калли разделяли сомнения.

— Откуда мы знаем, что они не двинутся дальше на запад?

— Нет ничего проще. Я натравлю на них своих курочек, а тебе Калли, предстоит давить их численным превосходством.

Воцарилось душное молчание. Пятёрка сверлила карту взглядом; все очи были направлены на Новые земли. Ни одна из девушек не была тираном, и даже богиня мёртвых уважала свой народ. По этой же причине, им во что бы то ни стало, требуется захватить соседние провинции. Желание проливать кровь не было ни у кого, но нужда затмевала совесть. Наконец, после тяжёлых дум Гура первая прервала молчание:

— Что бы вы не ответили, следующим летом я буду штурмовать берега Новых земель, — и словно в оправдания добавила: — Если до этого времени мой народ не умрёт с голоду.

— Если, — тяжело вздохнув говорила Ина — Это единственный шанс... Я в деле.

— Я приведу всех, от мала до велика — сообщала воодушевленная Аме; на лице

девушки застыла маска хладнокровия.

— С учётом новых душ... Пожалуй стоит вам помочь.

— Ну вот! Раз сама богиня смерти соглашается, то и Флайм вместе со своей королевой: обворожительной, сверкающий ярче солнце, пленяющей...

— Да Киара, мы поняли, ты тоже в деле.

Условились встретиться на этом же месте через три года. За это время собрать силы, припасы и вооружения. Им понадобится всё: от топора до требушета. Без сомнений, Новые земли хранят опасные тайны, и кто знает, что их там ожидает. Нужно быть готовым ко всему.

Стоило девушкам выйти, старый ворон со сверкающими агатами глаз, взлетел высоко в небо и пропал за облаками. Его пронзительный «кар», предвещал беду, но об этом героини ещё не догадываются.

Сложности семинаристки

Мумей провела две чудесные недели рядом с Фауной. Они много гуляли, ещё больше говорили и почти никогда не расставались. Каждое мгновение проведенное вместе, было навесом золота для обоих. Так сильно им было приятно общество друг друга.

Иногда Мумей замечала странное поведение подруги: та подчас беспокойно озиралась по сторонам, словно ожидая какой-нибудь подлянки. На вопрос: «Что же тебя беспокоит?» Фауна не давала однозначного ответа. Порою нимфа просила у гостыи привезённый медальон, и всегда возвращала несколько сконфуженной. На её устах всё чаще покоилась притворная улыбка, словно её нечто терзает изнутри, но она не решается в этом признаваться.

Эта мелочь, словно капля яда отравляла счастливые дни приезжей совушки. Но она не отчаивалась, и продолжала окружать подругу самой тёплой заботой на которую только была способна. Мумей уже несколько раз прокляла своё любопытство и зареклась больше никогда не удивлять Фауну странными амулетами из барсучьих лабораторий. «Наверняка это всё из-за магии» — решила она.

И вот наступил день прощания. Это было солнечное душистое утро; в воздухе порхали стрекозы, укладывались спать светлячки. На поляне мамоносов собирались пассажиры; когда придёт время, волосатый исполин подберёт их хоботом и усадит себе на спину. До этого момента девушки не смолкали — слова заменяли кислород. Они обсуждали всё и в то же время ничего, наслаждаясь последними мгновениями проведёнными вместе. Кто знает, когда подруги сумеют встретиться в следующий раз. Как бы то ни было, наверняка это будет нескоро.

— Я буду скучать! — кричала Мумей уносимая хоботом мамоноса.

— Когда доберёшься, напиши мне письмо, — слезливо просила Фауна, но подруга её уже не слышала.

В тот день нимфа позабыла о странном предсказании медальона, но уже на следующее утро вновь поддалась меланхолии. «Матушке-природе угрожает опасность. Теперь я чувствую это. Ох, что же будет, что же случится...» — эти мысли сопровождали Фауну от заката до рассвета. Она была натурой впечатлительной, а потому верила всякому маломальскому предсказанию, будь то слова белочки-проказницы или шаманов болот.

Стоило Мумей отбыть, как тут же все страхи и опасения взяли верх над Фауной. Она заболела...

Узнай Мумей о тяжких хворах подруги, её слезах отчаяния, нескончаемых молитвах Матушки, она непременно бы бросила семинарию и вернулась в Изуркатию. Но совушка об этом не догадывалась, а письма получаемые от нимфы всегда содержали только положительные строки. Это здорово радовало девушку, придавало сил, разбавляло унылые будни.

Мумей обучалась в Совиной семинарии, откуда каждые семь лет выпускались жрецы, так называемой Кукусы. Эти существа клятвенно вверяли свои сердца служению Матушки-природы и всячески задабривали её подношениями. Собственно, это было их основной задачей.

Стоило Мумей вернуться в семинарию, ей тут же сделали выговор. Директор — барсук

преклонных лет, обладатель пышной шерсти и самого толстого носа во всей деревни — Был крайне жесток и назначил девушке исправительные работы. «Ещё одно замечание Нанаши, — говорил он — И я сошлю тебя в Кукукуку, а там уж будь уверена, ты не побалуешь!»

Эта угроза была для Мумей страшнее удара ножа. Отправляться в столицу жрецов, туда, где бесконечные молитвы и унылые физиономии верноподданных Матери, ей ужасно не хотелось. Чтобы смягчить директора, она вернула медальон и заверила того, что загладит вину как можно скорее. С той минуты, швабра и ведро стали главными атрибутами девушки на полгода. Ей приходилось вставать с первыми петухами (благо в деревне все петухи были крайне пунктуальны и кукарекали ровно в шесть утра), и укладываться спать после наступления кромешной тьмы, чередуя уборку с занятиями.

Письма Фауны были единственным лекарством от неизбежной хандры. Ситуацию усугубляли насмешки семинаристов, в частности зазнайки Шиён Сумору. Это была напыщенная девица из знатного рода; она любила кичиться своим происхождением, разглагольствовать об амбициях и принимать лесть от подруг. Но ещё больше ей нравилось издеваться над Мумей — это доставляло ей величайшие удовольствия. Причина этого заключалась в глубокой зависти к Нанаши.

Шиён до глубины души ненавидела совушку за её чудесные волосы, и мечтала, чтобы однажды её собственные отросли хотя бы до предплечья. «Я так хороша собой, но мои волосы...ох эти ужасные волосы. Ну почему они не растут?!» — размышляла Сумору одинокими вечерами. Она и правда была вполне недурна, даже излишняя худоба не умоляла женские прелести. Ухажеры писавшие ей, упоминали про голубизну глаза, аккуратный носик, изящные пальчики и т. д, но никто не говорил про волосы. Это было табу.

Однажды во время перемены, Шиён проходила между Мумей. Совушка работала шваброй, а чтобы волосы ей не мешали, заплела их в хвост. Это настолько сильно взбесило завистницу, что она опрокинула ведро девушки, за что получила в нос. Разбирательствам не было конца.

В тот же день Мумей была вызвана к директору. «Ещё одно замечания Нанаши, — напоминал он — И я обещал выслать тебя в Кукукуку. Не имеет значения, что ты «немного толкнула» Шиён. Ты совершила ужасный поступок!» Директор был верен своим словам, и уже на следующий день совушку отправили в столицу в сопровождении жрецов.

И всё-таки она была довольна собой.

Наёмница из Песков

В Песках выживает сильнейший — эту простую истину Аме усвоила с рождения. С ранних лет, она была вынуждена бродить по песчаным дюнам, примыкая к разному рода отребью. Наёмники, бандиты, авантюристы — вот с кем являлась героиня. Несколько лет кряду девушка провела среди них, перенимая дурные привычки и манеры, обучаясь владеть оружием и защищать себя.

Аме была способной ученицей, а молодость помогала ей превосходить учителей. Она сыскала славу сорвиголовы, с которой всегда можно обмозговать, прибыльное дельце, безусловно не слишком законное. В свои девятнадцать, девушка добилась успеха, в охоте на могильных червей. Это помогло ей завладеть вниманием вождей племён. Они боялись её, но в страхе этом читалось уважение.

Томными вечерами Аме размышляла, как здорово было бы родиться во Флайме, Кальмаровых берегах или даже на Посейдоне. Про эти королевства, она слышала из разговоров со странниками, случайно забредшими в Пески. До этого момента ей не верилось, что где-то за пределами бесконечных песчаных дюн находится нечто, называющееся морем. Травянистые луга, замки, шумные города — для неё это были байки.

В один прекрасный день, Аме решила во что бы то ни стало отправится в путешествие. Это было самоубийство, но нет ничего, чего не могла бы оправдать мечта. Она двинулась в дорогу, под испепеляющим взглядом солнца.

В Песках особенно ценятся картографы. Благодаря их творениям жители узнают про источники воды, оазисы и селения. Но каждый из них был близорук, видя мир как бесконечную пустыню. По этой же причине Аме не знала в какую сторону двигаться. Она просто шла невзирая ни на что, до тех пор пока ноги не устали брести, а в глазах заплясали миражи. У неё были некоторые припасы, но они быстро кончились, бурдюки с водой опустели.

Она находила силы в энтузиазме, но он не заполнял желудок, не утолял жажду и вскоре девушка сникла от бессилия. Тогда Аме повезло найти небольшую пещерку; там она медленно высыхала от зноя. Проходили дни, миновали ночи, а состояние наёмницы ухудшалось с незавидной скоростью.

Как-то раз ей померещился призрак в балахоне. Кажется он смочил ей губы несколькими каплями воды, или же это был её собственный пот? Аме не поняла, но чем дольше рядом с ней находился незнакомец, тем лучше она себя чувствовала. Вскоре вернувшиеся силы, позволили ей задать вопрос.

— Кто ты? — спросила девушка, убеждаясь что это не плод её воображения.

Незнакомец не сразу раскрыл свою личность. Он говорил загадками, много спрашивал и редко отвечал. Его интересовали загадочные руины, оставленные первыми существами. Но в Песках никогда не возводили города, и стало быть никаких руин и в помине не было. Аме сказала об этом, на что загадочный индивид многозначительно усмехнулся.

Разыгравшаяся буря сроднила их. Они разделяли одно убежище и за это время неплохо поладили. Незнакомцу нравилась решимость девушки. Её глаза, цвета небесной лазури, часто становились предметом созерцания. Рассматривая их, он уходил в себя, и вновь возвращался стоило взгляду собеседницы пронзить его упрёком. «Чего ты смотришь?» —

решительно спрашивала Аме, не догадываясь, что всем своим видом отчаянного головореза, она пленяла сердца.

На следующий день, когда буря улеглась, чужак предложил Аме роль провожатого, намекнув что по окончанию дел, намеревается покинуть Пески.

— Мой дом далеко отсюда, — говорил он — Я возьму тебя с собой, если мы и дальше будем хорошо ладить.

С той минуты, Аме завела нового друга. Он не был похож на её предыдущих соратников. Сдержанный, гордый, эксцентричный — вот каким он виделся девушке. Они стали путешествовать вместе, обходя Пески в поисках загадочных руин. Несмотря на зачаток доверия, незнакомец никогда не расставался с балахоном, а лицо скрывал за накинутым капюшоном. Это поистине удивляло наёмницу, но спрашивать об этом было глупо — все вопросы обрывались на полуслове.

Однажды незнакомец назвал своё имя. Он представился Мелинором, и дал понять, что служит некому тайному обществу, намекая при этом, что и Аме сможет разделить с ним эту честь, если конечно, они и дальше будут хорошо ладить.

Время пролетало незаметно. Миновал год. Поиски продолжались, а между путниками всё больше крепло доверие. И вот наконец, им удалось обнаружить засыпанную песком гробницу. Когда, они с трудом её откопали Мелинор заявил, что дальше справится сам. Аме осталась ждать у входа, разглядывая темный проём. Через несколько минут ожидания, девушка ощутила странную вибрацию пятками. Она отошла на несколько шагов, привычно схватившись за рукояти ножей.

— Аме, видели ли ты когда-нибудь деревья? — послышался вопрос из темноты.

Мелинор вышел на свет, зажав между пальцев крохотный золотой шарик. Он раздавил его и тот осыпался на землю тысячей частиц. В месте куда упали осколки частиц, сквозь песок стала пробиваться трава. Пару секунд спустя зелёный ковёр разросся на несколько метров. Аме лишилась дара речи, пытаясь совладать с охватившими её эмоциями. Теперь она смотрела на товарища, как на некое божество владеющее невиданной силой.

— Я не божество, — усмехаясь отвечал Мелинор — Мы с тобой чем то похожи. Возможно пришла пора признать это, и объяснить тебе.

Они расположились под выросшим кустарником. Аме слушала внимательно, стараясь осознать каждое слово, ибо вещи о которых говорил товарищ, были такие же странные, как и трава на коей они сидели. Он говорил про далёки земли обречённые на вымирания. «В Песках есть жизнь, а там лишь смерть» — утверждал Мелинор. Путник не забыл упомянуть про тайное общество, в правдивости культ, целью которого является восстановление родных земель.

— Эта трава, этот кустарник всего лишь капля той силы, которую мы ищем, — рассказывал Мелинор — На твоих глазах я разбил так называемое сердце Матери. Оно было крохотным, но есть и больше, намного больше. Когда мы отыщем их, а это лишь вопрос времени, Уничтоженные земли вновь станут плодородным краем.

Аме совсем ничего не понимала. У неё до сих пор не укладывалось в голове, что за пределами Песков может находиться жизнь. Это походило на шутку, но Мелинор был серьёзен. Он заявил:

— Я хорошо к тебе присмотрелся, ты достойна вступить в наши ряды. Но перед посвящением, тебя ожидает вступительный экзамен. Испытание, понимаешь? В качестве жеста доброй воли, я отправлю тебя в соседние королевства: Флайм, Посейдон, Кальмаровы

берега и Чумные земли в роли гонца. Твоя задача найти ключик к сердцам королев. О них я расскажу тебе позже...

С той самой минуты жизнь Аме круто изменилась. Она исполнила свою мечту — отправилась за тридевять земель, следуя воле Мелинора. Он взял её под своё крыло, и обещал щедро вознаградить за успехи. Но для героини не было ничего важнее воздуха свободы и новых горизонтов. Девушка посетила величественные горы Флайма, берега Песочных замков, убегала от скелетов в Чумных землях и даже нанимала судно идущее в Посейдон.

В каждом из четырех королевств, она добивалась аудиенции с правителями и всячески старалась заручиться их доверием. Встречаясь с королевами, девушка представлялась вождём Песков и преподносила черепа самых свирепых тварей пустоши. Финансовая помощь Мелинора, позволила ей платить шайкам из родных дюн. Они путешествовали с ней для вида.

Когда пришло время, Мелинор нашёл её. Он с неподдельной радостью выслушал доклад и заявил:

— Ты втёрлась в доверие к королевам. Это отличные новости, и благодаря твоей работе, мы можем приступить к самой важной части плана. Аме, ты будешь ключевой фигурой в этой партии. Но прежде чем делать следующий ход, я хочу достойно тебя отблагодарить.

В награду Мелинор представил девушку товарищам, и поднял вопрос о посвящении Аме в члены культа. Споры велись долго, и как итог путешественницу приняли, но с большой неохотой, словно делая одолжение за её работу.

Вскоре для Аме, появилось новое задание. Мелинор вызвал её к себе, в одно из убежищ и заявил самым серьёзным тоном:

— Мы обнаружили ещё одно семечко. Оно в Новых землях и его ревниво охраняют тамошние существа. Настоящие монстры! Они ни за что его не отдадут, а значит нам придётся забрать его силой. Вот теперь-то Аме, нам и понадобятся твои деловые отношения с королевами. Убеди их пробить нам дорогу, развязать войну. Это единственный шанс заполучить семечко. Помни Аме: ты клялась служить культу до последнего вздоха.

Несмотря на вступление в культ, девушка не выказывала веры в общее дело. Более того, она подчас открыто говорило, что вступила только ради перспектив. Но говоря об этом, Аме кривила душой. Ещё одной важной причиной её вступления, являлся Мелинор. Он стал для неё важным другом, единственным кому она могла доверить свою жизнь. Его приказы, героиня выполняла беспрекословно. Война её не страшила, да и чего может бояться человек выросший в диких пустошах?

Пришла пора действий. Культ стал подрывать экономику королевств, убирать нежелательных персон. Иначе говоря, делать всё, чтобы дестабилизировать государственный строй.

Первый удар был нанесён по Гавр Гуре — правительнице Посейдона. Некто скидывал в морские просторы бочки с ядом. Через несколько недель тридцать процентов жителей плавучего города, скончались от холеры.

Это же нанесло удар и по Ина'нис Ине — регентше Кальмарового берега. Она сколотила целое состояние на продаже рыбы, но теперь океан был заражён, а некоторые виды морских обитателей мигрировали в безопасные воды. Морской рынок стремительно пустел.

Таканаши Киара — владычица Флайма, пострадала не меньше. Злоумышленники

орудующие на её землях, поджигали поля пшеницы, лишая корма десятки тысяч куриц. За две ночи она лишилась три гектара урожая.

Единственная кто продолжал смеяться со своего высокого замка, была Каллиопа Мори — королева мертвых и Чумных земель. Что для одних было концом, для неё становилось началом. Но и она испытала проблемы: из-за высокой смертности в соседних королевствах, её земли полнились мертвыми душами, но мест на всех не хватало, и это вызывало множественные конфликты.

Пока культ занимался саботажем, Аме посылали в роли агента. Она собирала информацию, продолжала встречаться с королевами и как бы невзначай упоминать Новые земли. «Новые земли? Это ещё что такое?» — спрашивали они.

Первой кто задался вопросом: «Где эти твои Новые земли? Покажи на карте» была царица фениксов. Она выслушала рассказ Аме, и после этого собственноручно (что было крайне редко) написала письма правителям соседних государств. Уже тогда, Таканаши Киара была готова собирать войска, но ей было важно одобрение, особенно от Каллиопы. К ней правительница, была настроена с опаской.

Вскоре Аме вновь вызвал Мелинор. Он снова был доволен проделанной работой, и заявил, что члены культа продолжают саботаж. Девушке же, патрон приказал присутствовать на встрече правительниц, и направить их в нужное русло. Она не смела возразить. Смирненно выполняла указание.

Гикат наносит удар

С последней встречи правительниц прошло три года. Они вновь встретились всё в том же шатре, неизменно бело-красного цвета в полоску. За прошедшие тридцать шесть месяцев многое изменилось. Например, была основа коалиция Гикат, включающая в себя пять королевств: земли Флайма, Посейдон, Кальмаровы берега, Пески и Чумные земли. Этот союз облегчил правления каждой госпоже. Таким образом Гавр Гура получала провиант от Таканаши Киары, а Ина'нис Ина вместе с Аме собирали экспедиции в Пески, ради тамошней живности и за несколько месяцев наполнили склады Песочных замков. Но этого было недостаточно, а члены культа продолжали свои злодеяния. Последняя надежда осталась на Новые земли.

Итак, правительницы встретились в шатре, вновь нависли над картой. За три года они досконально изучили план Новых земель. Он был невероятно обширный и плодородный. Чего только стоят леса Изуркати (называемые так местными), да и в горах может быть залежи ценных минералов. Жажда наживы, мысли о добыче развратили умы собравшихся. Лишь Аме была непреклонна — она выполняла задание культа, а наградой избирала новые впечатления.

Девушка внимательно следила за взаимоотношениями правительниц. Ранее ей казалось, что все друг другу как минимум союзники, а как максимум друзья. Но это было большим заблуждением. Она заметила, что царица фениксов, прохладна к царице Посейдона, и высказывает большое уважение к госпоже Чумных земель. Регентша Кальмаровых берегов старается сохранить нейтралитет, но кажется они с Гурой уже давно строят козни против королевы Флайма.

— Ну, больше некого ждать? Все отряды на месте? — спрашивала Киара; она выступала в роли главнокомандующего смежными войсками. — Мои курочки готовы.

— Войска Кальмаровых берегов на месте, — доложила Ина.

— Флот Посейдона готов, — утвердила Гура.

— Шайка Песков в сборе, — кивнула Аме.

Калли лишь деловито изогнула брови. Вонь её мертвецов говорила сама за себя. Аме внимательно следила за поведением госпожи Чумных земель. Совсем недавно она поняла, что Каллиопа может стать главной помехой для культа. Ведь после их саботажей, количество мертвецов, то есть её подданных, стократ возросло. Об этом знали все, а потому невольно преклонялись перед этой мощью.

— Ну что ж, пора начинать.

« Раз, два, три, четыре,
мы идем, забудь о мире,
раз, два, сталь запоёт,
тёмная госпожа души пожнёт. »

До шатра доносились раскатистые песни мертвецов. Скелеты-барабанщики задавали ритм, всадники без головы руководили пехотой, огры тащили требушеты. Лавина двигалась в сторону Новых земель, сверкая сталью и оставляя за собой могильный смрад, от которого вяли цветы, чернела зелень.

« Кук, рек, пок,

мечом, хряс, пяс, в бок,
не смотрите на перья наши,
мы сильны, мы отважны! »

К югу от мертвецов двигались войска Таканаши Киары. Это были курицы исполины, облачённые в крепкую броню; стальные когти на лапах оставляли гигантские следы на земле. Их окружали собратья поменьше: круглые словно мячи, с короткими конечностями и грозно ревущие боевую песнь курочки. Над головами войска кружила эскадрилья ослепительно ярких фениксов, в сопровождении своей царицы. Она наблюдала за полем битвы с видом победительницы.

« Ульк, пульк, грох,
врок, нок, сох,
шуп, жип, кох,
мок, гок, дох. »

Берега сплошь и рядом были усеяны войсками Песочных замков. Они представляли собой закованных в броню двухметровых крабов, раков, креветок и других выращенных в лаборатории существ. Увы, слова их песни никто не понимал. Рядом с ним двигались строем люди с заряженными мушкетами. Ина'нис Ина так же была там, кооперируя действия с царицей Посейдона.

Флот Гуры обгонял войска на берегу. На борту плавучего города, стояла гробовая тишина. Каждый из обитающих там людей, был настроен решительно. Мужчины и женщины взяли в руки оружия, приготовились заряжать пушки. По слухам орудия Посейдона способны уничтожить целое королевство, стоит только правительнице нажать на кнопку. Сегодня этот слух сможет стать правдой.

Наёмники Аме стояли в арьергарде, пропуская вперёд смежные войска Калли и Киары. Сама девушка отдала нужные распоряжения и поспешно скрылась. Ей нужно во что бы то ни стало добраться до сердца Матери первой. Но где оно расположено, оставалось загадкой. Культ предполагал, что подобного рода артефакт должны хранить где-то в храмах. Но Новая земля была слишком необъятна, а потому нужное направление выбрать было тяжело.

Они выступили на рассвете, и к закату добрались до границ Новых земель.

Природа страдала. На теле этой женщины, матери всего сущего появились синяки. Её кожа покрылась тёмными пятнами, стоило чужеземцам спалить несколько деревень. Она рыдала без продыху, но огонь врага был неестественный, магический. Чем дальше они забирались, тем больше боли причиняли Матушки-природе. Её сердце разрывалось — столица жрецов Кукукуку была в осаде, но послушники неистово сражались с напирющими силами врага; её ступни жгло пламенем ненависти — он был способен растопить снега Авруля; её волосы стали тусклыми — вражины прорубали себе путь через джунгли Крошрольда; её лоно нестерпимо болело — гадкие чужеземцы забрались в сеть пещер, осквернили само нутро! Матушка природа страдала.

Эту боль, каждой частичкой своего тела, чувствовала Фауна. Она корчилась в агонии, одна-одинёшинка в своей пещере. Смерть её была мучительна...

В войсках Киары были курочки-почтальоны. Они быстро бегали, высоко прыгали и отличались пушистыми брюхами. Через них царица фениксов поддерживала связь с союзниками. Она написала о положении дел, и предложила встретиться в одной из

захваченной деревень. Через двое суток правительницы скооперировались, отсутствовала лишь Аме.

— Я ведь говорила: никаких стен, ни одно замка! — возбуждено кричала Киара; она успела сменить броню на очередное платье.

— Всё идёт как нельзя лучше, — говорила Ина, сонно смеживая веки; она не спала уже трое суток — Мои войска полностью контролируют берег. Флот Посейдона уже присоединился к ним.

— Мы понесли минимальные потери, — дополняла ответ Ина'нис Гура — Если так и дальше пойдёт, победа будет за нами.

— Есть осложнения, — смакуя вино, откинувшись на стуле начала Калли — Мои войска остановились то ли у города, то ли у храма.

— И в чём дело? Мои курочки закончат начатое!

— Не спеши Киара, время ничего не значит, по крайней мере после смерти, — совершив очередной плоток, девушка обвела взглядом присутствующих, словно убеждаясь все ли слушают; после продолжила — У меня есть повод предполагать, что за этим скрывается нечто большее. Вот уже сутки мы осаждаем этот храм, и не добились ровным счётом ничего. Говорю вам: там есть что-то, ради чего стоит умирать.

— И что это меняет? Пусть твои войска сомнут сопротивление и дело с концом.

— Ты считаешь раз мертвецы, так значит ничего не чувствуют? — Калли зло ощерилась, гневно зыркнула на Гуру — Стыд, унижение, боль — всё это остаётся с ними навсегда. Может и тебе пора приложить усилия для этой победы, а, не пора ли?

— Всё кончено, — внезапно вмешалась Аме, появившись тише тени — Столица жрецов Кукукуку приняла капитуляцию.

Столица жрецов Кукукуку

Для Мумей не было ничего ужаснее ежедневных молитв. Жрецы в столице Кукукуку редко говорили, много молились и плохо питались. Здесь все носили белоснежные рясы, и при вступлении стриглись налысо. Мужчины отпускали бороду, а женщинам разрешалось отращивать волосы до уровня скул. Нанаши уверяла себя, что это наказание вскоре закончится и она вновь вернётся в семинарию. Её чаяния были напрасны.

Через три года пребывания в городском храме (он был ограждён от города высокой стеной), она узнала про ещё одного виновника, который прибудет со дня на день. Девушка выпытала у старосты, что он такой же семинарист и был выслан из семинарии за дурное поведение.

Мумей очень ждала приезда брата (а может сестры) по несчастью. Каждое событие в храме, становилось праздником, и приезд новичка не был исключением. Вскоре настал долгожданный день. По традиции храмовники собрались в главном зале, за большим столом заставленным яствами, встречая неофита.

И вот наконец двери открываются, и басистый голос старосты объявляет:

— Шиён Субору.

Эти слова ледяной водой окатили совушку. Она прекрасно помнила все выходки Шиён, и пожалуй единственная вещь которая радовала её в храме — это отсутствия Субору.

— Нанаши Мумей, — продолжал староста — Сегодня ты будешь сопровождать новоприбывшую.

Мумей была вне себя от злости. В дни приезда новичков, к привычной трапезе добавлялся пудинг, что было крайне редко. Но девушке кусок в горло не лез, так сильно Нанаши была взволнована приездом Шиён. Она скрывала предательские слёзы, и пыталась искоренить желание вторично ударить Субору.

Какая бы злость не полыхала в сердце Мумей, но приказ старосты нужно выполнять. После трапезы, она кратко рассказала Субору о распорядке дня, правилах и жизни в храме. Шиён была обескуражена.

— И обязательно стричь волосы, да ещё и под ноль? — спрашивала она.

— Это правило едино для всех. Здесь все равны.

Субору скорчила недовольную физиономию. Её раздражали наряды послушников, жирные столы, затхлый запах. Короче говоря, она была всем недовольна, кроме разве что стрижки совушки. Увидев что Мумей лишилась знатой доли своих волос, кое, впрочем, уже отросли до ушей, Шиён была невероятно довольной. Ей даже почудилось, что она счастлива. «Так ей и надо, — думала она».

— И что, даже в город нельзя выйти?

— Нельзя.

— Да это же тюрьма!

— Это храм. А теперь заткнись и читай молитву.

Если в семинарии отношения между девушками были напряжены подобно струне, то сейчас эта струна лопнула хлестнув обеих. Они ненавидели друг другу. Каждый день встречаясь, Шиён обменивалась с Мумей гневными взглядами, но ничего больше сделать не могла — боялась наказания. В храме наказывали редко и строго. Любимым наказанием старосты, был чан воды, куда сажали виновника. Блиницей воду подогревали, Саницей

оставляли холодной. В шести из десяти случаев, виновник выживал, и лишь в четырёх мог продолжать прежнюю жизнь. Это было жестоко, но действительно.

Несмотря на антипатию Мумей к Шиён, в одном она была права — это место очень похоже на тюрьму. И совушка всем сердцем желала отбыть наказание, и как можно скорее вернуться в родную деревню. Она с болью вспоминала о Фауне, и тех письмах, которые та непременно ей пишет, адресуя в семинарию. «Когда я отсюда выйду, — сбегу к Фаунечке.» — мечтала Нанаши.

Её чаяниям не суждено было сбыться.

— Наступают враги! Бегите дети мои, бегите хучее! — кричал пожилой глашатай, на площади Кукукуку.

Эти новости, нападение коалиции Гикат не добрались до стен храма. Тамошние жрицы словно жили на необитаемом острове, настолько им были чужды новости извне. Они не узнали, что жители города (подавляющее большинство) взяли свои котомки и поспешили отправиться на запад, куда двигались тысячи беженцев. Их деревни, города, сёла сожжены. Эта участь ожидает и столицу.

Внутри храма было спокойно. Никто не помышлял о захвате столицы. Всё так же проводились молитвы, совершались обряды, сжигались благовония; всё те же персоны, после наступления темноты, встречались в саду, рассказывая выдуманные истории и предания. Мумей, будучи в числе этих персон, запомнила одну из них:

«Каждое столетие Матушка-природа выбирает себе оболочку из живущих. Через неё она глядит на мир, помогает своим детям, несёт процветание нуждающимся, и хлеб обездоленным. По легенде, когда оболочка погибает, её сердце превращается в семечко. Здесь, в Кукукуку, погребено тело одной из самых великих дочерей Матери. Её сердце, то есть семечко, мы охраняем несколько поколений.»

Ещё долго Мумей вспоминала этот рассказ, мыслями устремляясь к Фауне. Ходила молва, что её выбрала Матушка-природа, но всё это были слухи, а сама совушка считала подругу обычной, хоть и весьма привлекательной, нимфой. Но чтобы дочь Матушки-природы... Нет, пожалуй это было слишком.

«Выберусь отсюда, и обязательно её спрошу» — думала Мумей, но её чаяниям не суждено было сбыться.

Спозаранку, послушников разбудил не медный язык колокольни, а гул боевых труб. Мумей была в числе первых, кто вскочил с кровати, и ринулся в сторону ворот. Там уже водружали укрепления, готовили баррикады. Девушку охватила паника, она не знала что делать в этой суматохе. Все куда-то бежали, что-то кричали, толкали из стороны в сторону. У совушки закружилась голова, подкосились ноги; она пала на землю, закрыв лицо ладонями.

— Будь сильной дитя моё, успокой своё сердце, очисти разум, — староста за шкуру оттягивал Мумей за укрытие — Нет ничего, с чем дети Матери не могли бы справиться. Готовьте вёдра со смолой! К оружию братья! К оружию сёстры!

Над головой Мумей пролетали тучи стрел, ворота храма старательно таранили, со стен один за другим падали послушники. Староста, вооружённый бо скидывал лестницы осаждающих, вместе с братьями выливал на голову штурмующих кипящую смолу, с сёстрами скидывал камни. Главным преимуществом обороняющихся, был защищённый крутым

склоном тыл; враги штурмующие лишь главную стену, всегда получали сопротивление. Мертвецы не успевали ступить на лестницы, а их уже опрокидывали.

В штурме принимали участия мертвецы королевы Чумных земель. Больше десяти часов, они тщетно пытались взять храм напором, пока повелительница, отправив гонца, не дала сигнал к отступлению. Потери были велики.

Тоже можно сказать и про послушников храма. Многие были ранены, ещё больше убито, но староста до фанатизма преданный Матери-природе, никогда бы не отдал храм захватчикам. Погибающих старик утешал: «Твоё дело велико: ты умер ради Матери. Она примет тебя в объятия, наградит поцелуем. Иди же, ступай к ней...»

Мумей не верила во всю эту чушь (она богохульствовала без зазрения совести), и лихорадочно думала, как избежать смерти, но как мышка загнанная котами в угол, так и она не имела шансов на отступление. В самые тяжелые минуты, совушка вспоминала Фауну. Это придавало ей сил.

Как только противники отступили, защитники получили возможность перевести дух. На полевой кухне раздавали хлеб с маслом, вино и сыр. Женщины ухаживали за ранеными, мужчины точили оружия. Большинство из послушников, никогда не держало оружия в руках, но их страх затмевала фанатичная преданность Матери-природе. Они были готовы на всё.

На второй день осады, поздним утром, когда вражьи силы вторично собрались вокруг храма, в столицу прибыла наездница. Это была девушка с ярко-красной банданой на голове, облачённая в свободную жилетку и узкие бриджи. Её сопровождали несколько темнокожих воинов, с копьями в руках. Когда лич, — офицер в армии Каллиопы спросил, кто они такие, девушка ответила:

— Аме. Подкрепление из Песков.

Лич пожал плечами, мол, ну и пусть с вами. Аме добралась до храма, и громко предложила капитулировать. На что старик взобравшись на стену, ответил:

— Только через мой труп! Никогда ни один из нас не осквернит вековые заветы Матери, ни один из нас не станет подчиняться вам — гнусные скоты, ни один...

Неожиданно для всех отворились ворота, и полчища мертвецов ворвалось внутрь. Староста в отчаянии побежал на врагов, но его быстро обуздали. Послушники, отличающиеся благоразумием, сложили оружия, Мумей, в том числе. Наездница въехала внутрь, окинула взглядом стоящих на коленях заложников, хохочущих мертвецов. Дверь башни отворилась, и к незнакомке подбежала Шиён. Она пала на колени, сложила руки в молитвенном жесте.

Мумей не слышала о чём, она говорит, но судя по кивкам наездницы, та была довольна. Один из послушников сидящий рядом, нарёк её предательницей. И только теперь Нанаши вспомнила, что в башне из которой выбежала Шиён, находится лебёдка, поднимающая ворота.

Через четверть часа Мумей и остальных пленных, повели через город. Всё было разрушено, вокруг валялись тела погибших. Кошмар, родом из утопии безумца. Странное дело, но Шиён в числе пленников не оказалось. Возможно она вымолила прощение, а быть может разделила участь павших братьев.

«Матушка-природа должна нас защитить. Я верю, мы верим. Ну же, когда, ну когда же...». Мумей ждала спасения, но чаяния её были напрасны.

Пятиглавая гидра

В комнате повисло тяжёлое молчание. Все взгляды были устремлены на Аме. Девушка вскинула руку, показывая собравшимся трофеем, служащий доказательство. Это была голова старика. Гура поморщилась, Ина отвернулась, Киара разглядывала с явным любопытством, Калли осталась холодна.

— Столица жрецов Кукукуку, — повторила Аме — Пала несколько часов тому назад. Новые земли наши.

— Прошу убери её, — указывала на голову Гура — Она такая... Брр!

— Значит всё? Конец? Наша компания окончена?

Все взгляды были устремлены на Калли. Она стала негласным лидером коалиции, впрочем, отнюдь не по своей воле. Королева Чумных земель вальяжно откинулась на стул, закинула ноги на стол и смакуя каждую мысль, стала рассуждать о трофеях, полученных владениях и заслуженной награде. Говорила она так смачно, что у всех (особенно у Гуры и Ины) потекли слюнки. В завершение своего монолога, добавила:

— Теперь осталось добить оставшихся селенцев, восстановить души и можно ставить точку в этой истории, — Киара кажется хотела возразить, но не нашла нужных слов; королева мёртвых продолжила: — За трое суток я потеряла семьдесят процентов войск, Киара лишилась нескольких фениксов, а они, если я не ошибаюсь, очень редко дают потомства; про Гавр и Ина'нис говорить не стану, они вели другую войну, вдали. Населения Новых земель умирали как букашки, но мы сражались не с ними, мои войска уничтожала природа.

— Ты хочешь награды, — угадывала Аме, выдерживая презрительный взгляд Калли — И по согласию коалиции можешь выбрать любые захваченные земли. И существ на них обитающих.

— Верно. И я заберу всех пленных.

— Нет, не заберёшь.

Пламя камина заволновалось, по спинам присутствующих пробежал холодок. Никто из них не был способен спорить с Каллиопой, разве что Аме, но она совсем тёмная лошадка и правительницы всегда относились к ней со скрытым презрением, словно говоря: «Ты не из нашей породы.»

— Нам всем нужно восстанавливать силы, и люди хотят награды за свои труды, — продолжала Аме — Я посчитала правильным договориться с работоторговцами. Это сделка вернёт затраченные ресурсы.

— Ты забываешь с кем, имеешь дело, — ощерилась Калли — Мне золото ни к чему. Души — вот что мне нужно, и тем больше, тем лучше.

— Ну, в таком случае ты ничего не получишь.

Бокал в руке Каллиопы треснул, так сильно она сжала кулаки. Девушка опустила ноги на пол; в её глазах сверкнула ненависть. Неизвестно, чем это могло кончиться, если бы незаговорила Киара. Она ловко жонглировала словами, и сохраняла нейтралитет в ставшем вопросе. Конфликт удалось задуть в зародыше, но между Аме и Калли остался холодок.

— Значит так: — подытожила Гура — Одна треть рабов идёт на убой, остальные уходят за золото. Всё верно?

— Да, так и решили — кивала Киара, — А теперь пойдёмте, душно здесь да и винс

закончилось. Поглядим на предмет спора, быть может он не стоил таких горячих торгов.

Пленных гнали словно скот, награждая плетью тех, кто отставал. Здесь были белки из племени Большого ореха, парочка жрецов, несколько десятков гоблинов, эльфы, нимфы (им было тяжелее всех), гномы и остальные существа, среди которых брела Мумей. Ей хотелось рыдать от жестокости этого мира, умолять на коленях Матушку-природу, но всё что она могла делать, двигаться вперёд под хлёткие удары бичей. Надсмотрщики были жестоки. Девушке повезло затеряться в толпе, но даже так и на её долю выпали удары. В грязной рясе, с застывшими слезами и кровоточащими рубцами на спине и плечах, совушка волочила ноги. Отвратное зрелище.

К следующему утру, они добрались до границ Уничтоженных земли. На обширной поляне их встречали несколько шатров, из которых выходили закутанные в балахоны персоны. Они скомандовали распределить пленников на небольшие скопы, по десять-двадцать существ.

Когда их воля была исполнена, а это заняло больше двух часов, на поляну выехала карета. Прислужники открыли дверцу и подали руку сидящим внутри. Мумей отчетливо видела их лица, а в одной из них признала наездницу, прибывшую в Кукукуку.

Стоило им скрыться в шатрах, кажется даже воздух стал тяжелее, все словно зависли в нерешительности. Вскоре к офицеру личу подбежала маленькая круглая курочка, она прокукарекала нечто, и мертвец дал команду к действию. «Начинайте» — приказал он рядом стоящим лейтенантам. Толпа пленников заволновалась. Несколько скопов существ, взяли в кольцо, и по команде, десятки копий пронзили их насквозь. Мумей повезло оказаться в другой толпе, но она знала, что рано или поздно, придёт её черёд.

— Пожалуйста, не надо! — кричали эльфы.

— Мы отдадим вам всё, смилуйтесь! — умоляли гномы.

— Мо гу ро, но да бо! Да бо! — верещали гоблины.

Палачи были глухи и в холодном исступлении выполняли свою работу. Кровь лилась рекой.

Когда группу Мумей взяли в кольцо, она приняла тщетную попытку к побегу. Ринулась вперёд с отчаянным криком. Знала что умрёт, но свою жизнь задорого продаст. Ей удалось вырваться из кольца мертвецов, но на этом её удача кончилась. Меткий выстрел в ногу свалил её наповал.

Лёжа ничком, рыдая от боли и несправедливости, она глядела, как из шатра выходит пятёрка девушек, прибывших в карете. Они почтили её надменным взглядом, и прошли мимо, смотря на работу палачей, как на нечто должное.

Позади послышались шаги. Мумей поняла, что это её последняя секунда. Взмах топора. Она зажмурила глаза, пыталась закрыть голову, словно это могло как-то помочь. Но удара не последовало — топор встретился со сталью, а следом прозвучали слова.

— Мы договаривались на триста девяносто два раба, а не триста девяносто одного, — сказал хриплый голос рядом с Мумей.

— Да-да. Эй Каллиопа, ты получила свои души, резня окончена, — отвечала обладательница банданы — Отзывай войска. Пленники теперь не наша забота.

Мумей подняли, обработали рану, чтобы девушка не скончалась раньше времени, и снова вернули в строй. Теперь с пленными обращались куда нежнее, но только потому что впереди долгий перевал. Они стали товаром, портить который себе дороже. В течение часа,

их ноги и руки связали ужасно тяжёлыми гириями. Теперь о побеге не могло быть и речи. К совушке отнеслись гуманнее — при переходе через ущелье, заперли в одной из клеток, кое перевозили странные паровые животные. Туда отправляли всех, кто был слишком изможден, чтобы двигаться самостоятельно.

Сидя рядом с такими же несчастными существами, Мумей впилась взглядом в удаляющуюся пятёрку. Она поклялась, что запомнит их навсегда, и однажды придёт день, когда они поменяются местами. Эти мысли были продиктованы гневом. В действительности совушка прекрасно понимала, что с этой секунды её жизнь кончена.

Впереди боль и страдания. Впереди смерть.

Уже на следующий день, каждый картограф корпел над созданием новой карты. На ней больше не было Новых земель, отныне они превратились в королевство Гикат. После успешной компании по завоеванию, владычицы пяти провинций, решили укрепить свой союз и рентабельно распределить территорию. Это было выгодно всем, ведь захваченные земли являлись кладезем природных ресурсов.

В связи с этим Кальмаровы берега признали правительницей Гавр Гуру, и плавучий город Посейдон пристыковался к докам Песчаных берегов. Это предложение поступило от Ина'нис Ины, ведь она прекрасно понимала сколь ничтожна перед мощью мертвецов Каллиопы и фениксов Таканаши. Ей нужен был сильный соратник, и она его получила, пусть и жертвуя своим местом. Отныне смежные морские войска, властвовали на берегах Гиката.

Таканаши Киара расположилась в центре захваченных земель, строя города и фабрики. Но самым лакомым кусочком для неё, оказались горы Авруля. Там девушка, намеревалась возвести цитадель для фениксов. «Холод пойдёт им на пользу, — рассуждала она — Кто знает, может благодаря морозам, они будут давать потомства чаще». В её словах была истина.

Если Киара правила на поверхности, Каллиопа захватила нижний мир — сеть сообщающихся коридоров, города гномов, гоблинов и иных подземных существ. Те, кто спрятался во время захвата (таких было много) сдались на милость Мори; отныне им уготована роль вечных шахтёров, не знающих отдыха. Там же, под землёй, королева Чумных земель расположила своё войско, проводя строительство туннелей из земель Гиката, в свою родную провинцию.

Аме и её пустынная шайка довольствовались малым: им достались джунгли Крошрильда. Там было меньше всего ресурсов, а местная фауна оживала кровожадными монстрами. Впрочем, жители Песков привыкли к этому, а потому стали переселяться в Гикат. О самой девушке, слышали крайне редко. Ходили слухи, что она путешествует по захваченным землям, но видели её только в тех редких случаях, когда правительницы собирались для решения неоднозначных вопросов.

Новые земли исчезли, на их месте стремительно росло новое королевство Гикат. Выжившие в холодном поту, вспоминают ужасы бойни, и раболепят перед вторженцами. А те делят регионы на провинции, вырубает леса, возводят всё больше городов и деревень.

Магушка-природа не допустила бы этого, но, она погибла, а тело её последней дочери Фауны, той, кто является лучом света во мраке, звездой в темноте, в этот трудный час, так и не было найдено. Народы Мегулинора, и всех Свободных, или же если угодно Новых земель, смирились с поражением, всецело отдавая себя на милость захватчикам. Лишь единицы, стали вести партизанскую войну, но их попытки были напрасны. Таких героев ловили и

убивали, без права на милость.

Гикат был зверем, что растерзал Матушку-природу, насытив свой желудок её плодами. Он был голоден к амбициям, жесток в исполнении. Это пятиглавая гидра пожирала всё на своём пути, а то, что не могла сожрать, давила мощными лапами.

Таков Гикат сегодняшнего дня, но никто не может знать, что уготовил ему завтрашний день.

Совушка в клетке

Ещё никогда Мумей не была так несчастна. Ежедневные обряды в храме, теперь не казались ей обременительными, напротив, она была готова отдать всё, чтобы вернуть то беззаботное время, когда Матушка-природа ещё вдыхала жизнь в свои земли. Многие говорят — она погибла, и совушка вынуждено с ними соглашалась.

После прихода захватчиков, прошло пять лет. С тех пор Мумей и остальные пленники, работают в карьерах на Уничтоженных землях. Это ужасное место, где повсюду прячется смерть. Она принимает самые причудливые формы, чтобы добраться до несчастных душ вынужденных корпеть под бичами надзирателей. Здесь всегда сумрачно; небо затянуто плотными серыми тучами, иногда они плачут, ядовитыми слезами.

Много пленников погибло в дороге, а те кто остался, вынуждены брести ничтожное существование в куполе. Это было яйцевидное убежище, с несколькими этажами и десятками маленьких комнаток, возведённое для рабов. Оно помогало переживать осадки, магические бури и иные катаклизмы.

Пять лет назад пленников было триста девяносто два, теперь же едва насчитывается сотня. Существа погибали от хворей, жестокости надзирателей, но чаще всего от голода. Их кормили раз в два дня, выделяя каждому порцию дурно пахнущей субстанции. Те кто был сильнее, без зазрения совести отнимали порции у слабых. На этом фоне происходили множественные конфликты, заканчивающиеся новыми жертвами.

Пленники стали собираться в группы — это облегчало выживание. Схема была проста: три-четыре существа отдают порции «крепкому малому», а тот работает за них в карьере. Увы, эти избранные силачи чаще всего оказывались негодьями и обманывали доверчивых слабаков.

Женщинам приходилось вдвойне тяжелее. После рабочего дня они валились с ног, и всегда держали ухо востро — боялись насилия со стороны «крепких малых». Такое уже происходило, и редко без последствий. Одна из девушек, звали её Сюзи, покончила с собой, узнав что беременна. «Какое счастье не родиться!» — это были её последние слова.

Никакого милосердия от надзирателей ожидать не стоило. Они не проявляли эмоций, никогда не говорили, двигались словно заведенные солдатики, и не снимали свои серых балахонов. За пять лет, ни один из них не изменил своего привычного маршрута во время патруля. А когда заканчивали обход, возвращались в строй недалеко от одного единственного шатра. Там обитал тот самый скупщик рабов, который и привёл пленников к кратеру. Его прозвали Страшилой.

Обращение за помощью надзиратели игнорировали, а стоило тронуть подол балахона, как тут же трубили тревогу и несчастного прошенца убивали на месте.

За убитых возносили молитвы. Мумей поминала каждого из них.

Несмотря на незавидное положение рабыни, можно сказать, что Мумей везло. Первое время после прибытия в карьер, она провела на лежанке с перевязанной ногой. Дальше, когда персоны в балахонах стали возводить купол, её по счастливой случайности заселили на верхний этаж. Там обитали ещё три персоны: старая сова Бург, с выпадающими перьями, тучным телом и глазами-блюдцами сверкающими серебром; гном Регнир — маленький, бойкий с рыжей бородой старик, и гоблин Плутуш — зеленокожий карлик с острым носом и

не менее острым взглядом. Беда сроднила их, и вечерами четвёрка коротала время за разговорами.

Бург вспоминал Матерь-природу, рисуя живописные пейзажи в воображении слушателей. Регнир был не из болтливых, но иногда рассказывал про свою службу капитаном стражи в подземном городе. Плутош говорил на только ему понятном жаргоне, и зачастую молчал.

Четвёрка часто работала вместе, махая кирками и орудя лопатами. Они были отщепенцами среди пленников, и не вступали в «группы», где за порцию еды была обещана защита. Некоторых личностей это бесило, и Регниру приходилось доходчиво объяснять (зачастую на кулаках), что он и его новые друзья не станут, никому подчинятся. Вскоре их оставили в покое.

Мумей часто вспоминала храм Кукукуку. Там было относительно тепло, вполне удобно и жилось сытно. Теперь же она лежит в обносках, едва прикрывающих срам, голодная, грязная и нуждающаяся. Её волосы — её прекрасные волосы! — вились в колтуны; их приходилось обрезать, и чем короче тем лучше. С этим помогал Бург: у пожилой совы всегда находилась парочка острых перьев. Это превратилось в ритуал. Сначала девушка заканчивала, его слезами горечи, но вскоре не нашлось и их. Всё исчезло, осталось лишь тупое ноющее тело, которое болит.

Она часто думала: для чего продолжать влачить существование? Какой смысл в этом выживании? Однажды утром Мумей отыскала ответ: смысла нет, это лишь заложенное Матушкой правило. Ещё одно правило, которое ныне совушка оспаривала.

Права была Сюзи: «Какое счастье не рождаться!»

Дни проходили тягостно и томно. После работы в карьере, Мумей ложилась в углу комнаты словно битая собака, и иногда выпускала эмоции через слёзы. Никакой мебели не было, лишь четыре голых стены.

Случалось к ней приходили гости. Бург умел слушать и утешать; Мумей нравилось их совиное родство. И несмотря на то, что старик был истинной совой, а девушка лишь плодом кровосмешения, он относился к ней тепло и ласково. Вместе, они вспоминали прошлое, строили планы на будущее (надеясь когда-нибудь выбраться отсюда) и если настроение у гостя было хорошее, обучались языкам различных рас. Это помогало не сойти с ума.

Не только Бург любил навещать Мумей, но и Регнир. Несмотря на свою молчаливость, он создавал вокруг себя атмосферу защищенности. За ним, как за каменной стеной. Как-то раз гном сломал две кирки, и стащил их рукояти. Он принёс их совушке, и они стали учиться фехтованию. Это помогало держать себя в форме.

Когда Мумей жаждала странных историй, она обращалась к Плутошу. Гоблин всегда удивлял её манерой говорить, и этим своим странным жаргоном. Смысл некоторых слов, девушка поняла спустя время. Ей нравилось изучать его, словно иностранную книгу. Это помогало отвлечься от настоящего.

Со временем Мумей поняла: будь она здесь одна, уже давно бы погибла. Друзья — её меч и щит, и она ни за что их не подведёт.

Мумей редко видела сны, но в них всегда была Фауна: беззащитная, бледная, лежащая на полу родной пещеры. После пробуждения, совушка ещё долгое время не могла прийти в

себя, размышляя, что же это может означать. С этим вопросом, девушка обратилась к Бургу.

— Фауна, судя по твоим рассказам, была дочерью Матушки-природы. Это даёт ей определенные способности, — отвечал Бург — Возможно она пытается связаться с тобой, быть может что-то сказать...

Слова товарища, обнадеживали Мумей, но она не хотела создавать себе пустых надежд. «Все они погибли, — размышляла девушка — И мы разделим их участь».

Однажды во время раскопок, произошло происшествие. Несколько пленников совершили покушения на одного из надзирателей. Они подловили его во время обхода, и накинудись толпой. Несколько тяжёлых ударов киркой, и он уже не мог пошевелиться. По слухам, которые добрались до Мумей, когда пленники стянули с жертвы балахон, увидели странного индивида похожего на человека. У него была стальная кожа, а внутри гудели шестерёнки. Правда ли, нет ли, совушка могла лишь догадываться, но дальнейшее поведение надзирателей говорило само за себя. Теперь кормили раз в четыре дня. Это было невыносимо.

— Ну вот, доигрались бугры-хухры, — ворчал Регнир — Еда раз в четыре дня, вода каждый второй день. Тьфу на этих гохна-бохна.

— Ты прав, мой добрый друг, — соглашался Бург, как всегда преисполненный хладокровием — Видимо надзиратели, хотят узнать предел наших сил.

— Но ведь это невозможно, — вмешалась в разговор Мумей — Мы работаем с рассвета до заката, тратим уйму сил и не можем восстановить их!

— Нужно вертухать быстро, — посудил Плутуш — Поднять кипишь и смыться.

Воцарилось молчание. Товарищи по привычке расположились в узком тёмном коридоре, обдумывая слова гоблина. Побег был невозможен — это факт. Надзиратели патрулируют поверхность карьера, а когда сгоняют рабов в кучу, чтобы отвести в купол, держат их на мушке арбалетов. Дважды уже пытались вырваться из толпы, и каждый такой смельчак заканчивал с болтом в спине. Ночью же дверь купола запираются дистанционно, и как это происходит, четвёрка лишь догадывалась.

— Что вы, мои хорошие, — хрипло говорил Бург — Знаете о механизмах?

На следующий день группа вновь обособилась от остальных пленников, и заняла левую часть карьера. Им вновь предстояла работа лопатами. Они стали капать вниз, в то время как Бург неожиданно для всех, принялся разбивать стену карьера киркой. Проходящие мимо надзиратели не сказали ему ни слова.

— Набор приказов, — объяснил он, — Я говорю тебе Мумей: ты должна питаться, но я не говорю что именно для тебя пища. Понимаете?

— Старик кажись, окончательно хорбо-кобро.

— Да ну тебя Регнир. Ну Мумей, ты поняла?

— Вы работаете, — отвечала девушка — И не важно, что именно вы делаете.

— Верно. Видите ли, мои дорогие друзья, мы имеем дело с удивительными технологиями.

— Какими патологиями?

— Нет Плутуш, не патологиями. Тех-но-ло-ги-ями. Я читал о них в книгах, но думал это фантазии авторов. Наши надзиратели — механические создания, и недавнее покушение на

одного из них, это доказывает. Они как дети, подчиняющиеся опыту родителей. Стоит поставить их в тупик, и они запаникуют.

— Тушки-сушки, вот это новости! Так что ж получается, мы должны их запутать?

— Мы сыграем на их слабости, — отвечал старик — Это единственный способ сбежать.

На следующий день после своего открытия, старик свалился без сил. Его объяла слабость, и встать пожилая сова не могла. Товарищи тотчас поняли, что дело в голоде, но никак помочь другу не могли. Сегодня был второй день после происшествия, а еду раздавали только на четвёртый.

— Нужно попросить аудиенции со Страшилой, — предложила Мумей, заикающимся голосом; ей было страшно даже подумать об этом. — Попросить порцию еды и воды. Он ведь погибнет...

— Ах, Мумей, ты добрая совушка, — хрипел старик — Но пора взглянуть правде в глаза: я оставлю свои кости здесь, в этом куполе, среди таких же рабов.

— Эх, шунго-богко что тут поделать, — ворчал Регнир — Самое время подумать о побеге. Ну старик, помнишь о своём плане? Ты же говорил у нас всё получится, да и делать то ничего не надо.

— Верно Регнир, план простой, — Бург говорил совсем тихо; каждое слово давалось ему с трудом — Но вот беда: я не смогу встать. Даже если вы меня, — ох добрые души! — если вы меня вынесете, я не смогу работать. Идите, идите мои родные вам уже пора. Слышите? Ворота купола открылись, выпускают пленников и вам нужно быть в их числе.

— Без одного крыла не полетим, — говорил Плутош — Потопим твой плот, и план на свалку.

— Идут...

Бург был прав: по лестнице поднимались надзиратели. Мумей попыталась объяснить им, что старику нужна помощь, но они были глухи. Лишь повторяли, одну и ту же фразу: «Работать. Вам нужно работать.» В порыве ярости совушка едва не начала драку, но её быстро успокоил Регнир и вместе с Плутошом, они увели её вниз.

Целый день, девушка ждала конца смены, чтобы узнать о судьбе пожилого друга. Когда долгожданный час настал, она вихрем взобралась по лестнице и забежала в комнату пожилой совы. Его там не оказалось. На полу лежало окропленное кровью перо, и рядом бордовая надпись, коряво оставленная сообщала: «Прятаться. Ночь. Побег.»

Шиён ко Субору

Они встретились на балконе усадьбы. Мелинор не изменял своему имиджу, а Аме приходилось скрывать сталь за длинным плащом с меховым воротником. За прошедшие годы между патроном и протеже разыгрывались несколько драм, в каждой из которой девушка была жертвой. Она хотела внимание от наставника, но получала лишь безразличие. Ей казалось, будто у него *нет сердца*, словно он и не живой вовсе.

Вот и сегодня, Мелинор имитировал эмоции, но едва ли он был откровенен. Рассматривая снующих по площади людей, они разговаривали на тему очередного сердца Матери. По данным одного из агентов, семечко находится у барахольщика, и он уже нашёл покупателя среди городской знати. Некая Шиён ко Субору намеревается выкупить искомый культом артефакт. Этого нельзя было допустить.

— Аме, твоя задача всё та же: заполучить сердце Матери, — цепкий взгляд Мелинора выловил старика из толпы; он указал на него пальцем — Это возница Шиён ко Субору. Думаю ты понимаешь, что нужно делать.

Аме понимала, и от этого ей стало дурно.

Сегодня Шиён ко Субору проснулась рано. Ей требовалось встретить «человека в сером», а потому, она не могла себе позволить залёживаться в постели как это обычно бывает.

— Себастьян, экипаж мне и поживее! Вели запрячь его белоснежными жеребцами! — крикнула Шиён, позволяя прислуге застёгивать корсет.

Девушка привыкла одеваться с шиком. Её наряд — тёмное платье, пестрил блёстками словно звёзды на ночном небе. Свой туалет Субору кончала шляпой с *алым пером* — подарком царицы фениксов за вклад в военную компанию. Она очень кичилась этим пёрышком, и старалась, чтобы каждое проходящее мимо существо непременно обратило на него внимание. «Они должны считаться со мной!» — восклицала юная графиня.

Прежде чем сесть в экипаж, Шиён оставляла некоторые приказы дворецкому Себастьяну, чья физиономия никогда не выражающая ничего кроме скуки, была красноречивей тысячи слов. Впрочем, несмотря на этот недостаток, мужчина был талантливым дельцом, галантным кавалером и просто хорошим человеком. Он поступил на службу графине четыре года назад, когда строительства столицы Гикат подошло к концу и с тех пор ежедневно выполняет тысячу и одну обязанность, от самых сложных до незначительных пустяков.

— Ты всё запомнил? — с нажимом спрашивала хозяйка, словно желая уличить в чём-то.

— Да госпожа, мне велено сегодня: спросить пошину с крестьян, предупредить фермером о новом корме, и справиться о состоянии Её величества царицы фениксов.

— Славно, ты всё запомнил. Можешь подарить царице моё лекарство. Кажется она слегка простудилась.

— Как будет угодно, — дворецкий почтенно поклонился — Перенести вашу игру в крикет?

— Ах, точно, я совсем забыла... Нет, не стоит. Я справлюсь за сегодня, и завтра мы с царицей славно покутим. Эй возница, трогай! Трогай быстрее я опаздываю!

Себастьян закрыл дверь, и экипаж с шумом двинулся по улочкам Цыпаграда — столицы

королевства Гикат. В верхних районах, где проживала Шиён находились богатые дома знати, а ближе к выезду тянулась вереница жилищ ремесленников, и только за городом сновали бедняги день за днём работая в поле. Зачастую этими бедняками, оказывались пленники разорившиеся во время вторжения. Оставшиеся в одних портках, они вынуждены жить под гнётам захватчиков.

Рядом с Таканаши Киарой — владычицей Цыпаграда, сидели такие, как Субору, то есть существа желающие набить брюхо и карманы, не думающие о проблемах населения. Сама правительница с холодом относилась ко всем, кто не имел пёрышки и мягкое пузико; такие индивиды казались ей монстрами, чем-то чего не должно существовать. Она их ненавидела. Исключением же становилась Шиён, ставшая любимицей царицы из-за своего скользкого змеиного нрава.

Используя всю свою спесь, Субору втёрлась в доверие к госпоже Киаре и менее чем через год, уже занимала стул подле правительницы. Это была великая честь, дававшаяся не каждому. Кроме того Таканаши наделила фаворитку своим уделом, передав в управление провинцию Ко-сек.

Чтобы поддержать свой статус, Шиён решила сделать царице подарок. Она связалась со скупщиком, и испросила нечто удивительное. Ответ её заинтересовал. «Ах, что же это может быть?» — гадала девушка поторапливая возницу.

Лошади не жалели сил, и вскоре экипаж остановился на перекрёстке дорог. Дверца открылась, и незнакомец-карлик в сером плаще с накинутым на голову капюшоном, забрался внутрь. Шиён была обескуражена, но подавила эмоции и прохладно встретила гостя:

— Вот и вы. Как и договаривались.

— Моё почтение госпоже Шиён ко Субору.

— К делу достопочтенный. У меня нет времени на пустые разговоры, — девушка тронула перо, как бы показывая свой статус.

— Прошу взглянуть, — незнакомец изъясил из внутреннего кармана сияющий камушек — Это чудодейственная вещица, способна лечить от болезней, воскрешать умерших...и она тёплая.

— Ха, тёплая, то же мне нечто удивительное.

— Клянусь госпожа, это самая редкая вещица которую видел свет, — незнакомец бережно сжал её в кулаке, хитро прищурился — Возможно бесценная...

«И этот негодяй, смеет говорить о цене! Вот жулик! Да разве на любимой царице экономят? Ну уж нет, пусть назовёт эту ничтожную цифру. Я заплачу любую сумму, чтобы порадовать госпожу Киару. Ох, я сказала госпожа Киара, вместо Её высочества Таканаши Киара. Как это интимно звучит!»

Скупщик был не пальцем делан, и заломил очень высокую цену. Он отлично сыграл на самолюбии Шиён, и набил свои карманы звонкими куриками.

— Отличная сделка госпожа! Прощайте!

От дельца и след простыл, а Субору принялась рассматривать покупку. Это был светящийся шарик; тёплый и словно пульсирующий изнутри. Он приковывал внимание, словно гипнотизировал. Поддавшись этому магическому воздействию, графиня не заметила, как экипаж тронулся. Она высунула голову в окошко дверцы, и со страхом поняла, что они едут в сторону ущелья, через который пять лет назад гнали рабов люди в балахонах.

— Эй баламошка, ты куда едешь?! А ну немедленно развернись! Развернись кому говорят!

Розгами давно не получал? Так я тебя...

— Заткнись, — ответил женский голос; экипаж набирал скорость.

Шиён стала рыться под сиденьем; под одним из них должен быть спрятан пистоль на случай чрезвычайных происшествий. В следующее мгновение девушка нащупала лакированную рукоять, высунула руку из окошка и испуганно вереща спустила курок. Бабах! Облако дыма, запах пороха, испуганный вопль стреляющей.

Лошади заржали, экипаж накренился. Лже-возница слетела с козел, чертыхаясь, с трудом удерживая вожжи. Взволнованные жеребцы взяли в сторону, сбежали с дороги протаптывая себе путь через заросли кустарника.

Одно из колёс экипажа слетело, ось расшаталась. Бам. Бам. Бам. Он подпрыгивал словно камень пущенный по воде, трещал готовый вот-вот развалится на части. Лошади мчались вперёд не разбирая дороги, лавировали между деревьями, объезжали ямы и бугры. В их ржании было что-то дикое, неестественное, из губ вырывалась пена, глаза безумно сверкали.

Впереди находился склон. Стоило жеребцам вступить на покатуую поверхность, как тут же их копыты заскользили; не в силах удержать равновесие, они повалились на бок утягивая с собой экипаж. Падение выдалось долгим...

Аме посчастливилось отпустить вожжи незадолго до падения экипажа. При падении, она потеряла сознание больно ударившись головой. Когда девушка очнулась, поняла, что её ужасно мутит. Всё тело болело, из виска сочилась кровь обильно стекая на лицо, левую ногу пронзали чудовищные боли. Больших трудов ей стоило подняться, и ещё бóльших спустится со склону.

Первое, что бросилось ей в глаза были покалеченные лошади. Одна из них свернула шею, вторая отделалась тяжёлыми переломами, и безуспешно пыталась подняться. Ей Аме подарила удар милосердия. После этого стала осматривать то, что осталось от экипажа. При падении он здорово пострадал, и ещё больше пострадали пассажиры. Шиён Субору была мертва; на застывшей физиономии покоился нерождённый крик.

— Ещё одна семечка в моей коллекции.

Аме забрала сердце Матери, но уходить не спешила. Ей нужно было отдохнуть...

После смерти Бурга, его товарищи по несчастью решили во что бы то ни стало бежать. Это была не просто попытка выжить, скорее желание утереть нос надзирателям, доказать что их воля нерушима. Но с этим возникли трудности.

На следующий день после кончины пожилой совы, в карьер приехал всадник. Он ничем не отличался от других надсмотрщиков, разве что цветом балахона. Страшила встретил его, и они вместе скрылись в шатре.

— Что бы это могло значить? — гадала Мумей, активно работая киркой, переключаясь на лопату только когда подходили надсмотрщики.

— Бухры-пухры, чтобы это не значило, нас уже не остановить!

— Против ветра наш парус плывет...

— Кончай хандрить Плутош, давай, ёптель-моптеть, бей что есть силы. Нам нужно успеть до вечера выдолбить выемку в стене, — сегодня Регнир чертыхался чаще обычного, но и работал активнее — Не везёт нам ребяташки, ни единой природной трещины нет, приходится самим... в поте лица долбить.

Кирки звенели, пот струился ручьём. Остальные пленники не догадывались о планах троицы, считая что им дали особые распоряжения. Мумей жалела, что не может рассказать остальным об их идеях. Впрочем, большинство из них совушка презирала. То были насильники, «крепкие малые» и иной сброд, готовый на всё, чтобы выжить. Она была почти уверена, что и у них запрятан туз в рукаве.

Время тянулось быстро. Троица боялась не успеть. Когда надзиратели стали созывать всех обратно в купол, они скрылись в приготовленной выемке, прикрыв себя заранее приготовленной доской. Им приходилось прижиматься друг к другу, удерживая толстый деревянный лист, некогда используемый как мост для перехода карьера.

Было тихо, лишь иногда до слуха беглецов доносились шаркающие шаги надзирателей. «Значит, они и ночью проверяют место раскопок» — раздумывала Мумей. В таком положении, троица простояла несколько часов, а когда все звуки стихли, решили выходить. Это было рискованно, но выбора не было. Сейчас или никогда.

Они отодвинули в сторону деревянный помост, в темноте нащупали рукояти оставленных кирок и вооружившись этим сомнительным оружием, двинулись по направлению к лестнице — единственному выходу из карьера. Им предстояло миновать двадцать ступенек, прежде чем подняться на поверхность. Иногда, беглецы позволяли себе перевести дух. Старались двигаться тихо и аккуратно. Стояла плотная темнота.

Когда испытание лестницей было пройдено, им предстояло выбрать дальнейший путь. Примерно в десяти шагах левее находился купол, а в противоположной стороне стоял шатёр. Можно было выкрасть лошадь, но они знали что таким образом поднимут шумиху и получат шальной болт от одного из надзирателей.

Беглецы взялись за руки, чтобы не потеряться в крошечной темноте и стали двигаться по заранее намеченному маршруту. Земля была усеяна маленькими трещинами, через них прокладывали помост, один из которых стал укрытием троицы. Несколько раз Мумей ступала в пропасть, но Регнир вовремя одёргивал её руку. Как оказалось Плутош хорошо видит в темноте; благодаря этой особенности гоблина, троице удалось покинуть карьер.

Свобода! — кричала душа; бегите! — подсказывал рассудок; «Я больше не могу идти»

— говорила Мумей.

На Уничтоженных землях не было восхода и заката, солнечные лучи с большим трудом пробивались через плотный занавес свинцовых туч. Когда стало достаточно светло для работы, Страшила отдал приказ выпускать пленников. Сам командующий восседал на кресле, медленно откручивая шланги со своего запястья. Всё его тело было покрыто слоем мягкого металла, усеянного десятками выемок, для всевозможных креплений.

— Помочь? — осведомился голос из темноты.

— Мелинор? Я думал ты вчера уехал, — Страшила расслабился позволяя соратнику отсоединять шланги — Какие новости с Гиката?

— Моя ученица нашла ещё одно семечко, — будничным тоном лишённым эмоций отвечал он — Осталось совсем немного, и наши планы пойдут как по маслу.

— «Пойдут как по маслу?» — усмехнулся Страшила — Откуда ты взял эти словечки? Кажется кто-то проводит слишком много времени с существами. Помни Мелинор: они лишь инструмент. Твоя ученица исключение во благо будущего. Я надеюсь что однажды, она вознесётся так же как это сделали мы.

— Это будет отрада для меня. Можешь вставать, и заодно проведёшь мне экскурсию. Да, я желаю посмотреть каких успехов ты достиг за пять лет. Согласись, это большой срок.

Культисты покинули шатёр, спустились в карьер. Каждый заключённый дрожал от страха стоило им пройти мимо; своей загадочностью, они внушали истинный ужас. Во время осмотра вознесённые обнаружили углубление в стене, словно злая гончая откусила кусок камня; рядом лежал помост.

— Ещё одно доказательство примитивности этих существ, — презрительно заявил Страшила — Они не способны понимать простые приказы.

— Или, — парировал Мелинор — Они слишком умны, чтобы исполнять их.

Их взгляды встретились: жестокие, беспощадные, они не жалели средств для достижения цели и были готовы уничтожить любого, кто посмеет им мешать.

— Кажется пора бить тревогу.

— Пустяк Мелинор, они того не стоят. Если их не убьёт погода, своё дело сделают местные твари.

— И всё же, я настаиваю, а тебе, впредь, советую быть внимательнее, — вознесённый развернулся, остановившись дополнил: — И дай мне ключи от грузилы. Так будет быстрее.

Когда на Уничтоженных землях стало светло, беглецы нашли убежище. Это была небольшая пустая хибарка, но даже она стала отрадой для троицы. Их животы урчали, ноги болели, силы стремительно уходили. Они отдыхали лёжа на холодном полу, подбадривая себя разговорами о будущем. Регнир уверял, что станет рыбаком; Плутош клялся бросить нечестный заработок; Мумей молчала. Совушка была истощена, старательно держала глаза открытыми. Казалось, если она закроет веки, уснёт лишь на секунду, вновь уже не проснётся.

— Залез в карман, тяни монету.

— Плутош дело говорит, хохро-бохро, нужно идти до конца! Эй Мумей, а ну не спать! Девчонка очнись, ну же! Вот, так-то лучше. Не смей закрывать глаза, ни то... Ничего хорошего не будет. С каждым шагом, небо над нашими головами становится чище, а значит мы близко к дому.

— Больше нет никакого дома, — с трудом отвечала Мумей — Захватчики убили

Матушку-природу, они...

— Всяко лучше, чем сидеть в куполе, — парировал Регнир — Кончаем говорить, нужно идти.

Стоило двери хибарки открыться, на горизонте появилось быстро приближающееся пятно. Оно мчалось со скоростью молнии; вытянутое словно стрела, загадочное нечто летело в сторону беглецов.

Троица встала по обе стены от приоткрытой двери, оставив небольшую щель, чтобы следить за разворачивающимися событиями.

— Что показывают?

— Да шогбо-хохбо его знает. Не знаю Плутош, это... Ну это что-то дикое.

Регнир с ужасом наблюдал за «грузилом». Это было механическое чудовище напоминающие экипаж, но двигалось оно без помощи лошадей. Шестерни внутри громко работали, из-под пуза вырывались клочья тёмного дыма, голова была узкой, а по обе стороны крупа находились дверцы. Они быстро открылись, и несколько надзирателей выпрыгнули из желудка твари.

— Приготовьтесь, они идут сюда!

До хибарки оставалось девять шагов.

— Нужно сматывать удочки.

— Знаю Плутош, знаю, да только уже ничего не поделаешь. Попали мы знатно!

Надзиратели обнажили клинки, зарядили арбалеты, сокращая дистанцию до шести шагов.

— Эй Мумей, Мумей не спать! Чёрт, от девиц всегда одни проблемы. Плутош, бери её на плечи, живей!

— Грузиком и прямо на дно...

Враги уже добрались до двери, и в этот момент Регнир в неистовом порыве накинулся на них. Он орудовал кирками, и воспользовавшись моментом неожиданности, тот час нокаутировал двоих.

— Идите сюда, горхо-вохры! — кричал гном; он парировал атаки, тянул время пока гоблин вместе с Мумей не отступят как можно дальше.

Плутош вместе с совушкой на плечах, не терял ни минуты, тут же выбежал из хибарки и побежал по направлению к каньону — его черты смутно вырисовывались на горизонте. Эта малая искра надежды придавала сил. Вскоре крики гнома стихли, и гоблин понял, что товарищ пал от рук врага.

Не в силах больше тащить на себе девушку, Плутош оставил её в окружении камней, а сам побежал дальше. Механическая тварь быстро выследила его, а надзиратели закончили начатое. После ещё одной смерти, они вернулись в карьер. Мелинор, командующий этой операцией, не знал сколько было беглецов, а Регнир перед смертью приковал всё внимание к себе, из-за чего вознесённый продолжил преследование одной цели.

Про Мумей забыли. Она лежала облокотившись об камень, медленно угасая...

Фаворитка Её величества Таканаши Киары

Мумей навсегда запомнит запах еловых веток — так пахла Фауна. Она будет помнить её шелковистые ладони, нежные пальчики чьи прикосновения вызывали приятную дрожь. Не забудет совушка томные улыбки тонких губ, которое нимфа дарила ей во время прогулок. Она никогда не забудет Фауну.

Нимфа снова пришла к ней во сне, но на этот раз всё было иначе. Они находились в ручье, по грудь в кристально чистой воде. Фауна стояла рядом с алтарём: нагая с грустной улыбкой, она манила к себе Мумей. Перед ней лежало тело, словно сотканное из миллиардов светящихся нитей.

— Подойти ближе, Муми, — проворковала нимфа.

С каждым шагом Мумей словно воспаряла над землей. Она ощущала душевный подъём, возносящий её в объятия Матушки-природы. Стоило ей прикоснуться к телу, светящиеся нити обвили её запястья, перебрались на грудь, к шее и голове. Нежно, но настойчиво Фауна нажимала на плечи подруги. Девушка повиновалась, опускаясь в воду. Глубже, глубже, глубже...

Она парила в невесомости, как если бы была лёгким пёрышком. В одночасье воздух закончился, дыхание перехватило. Мумей сделала глубокий вдох и...

...Выдох. Совушка очнулась, жадно глотая воздух. Тучи согнали лучи уходящего солнца в сторону ущелья, заволакивая небо Уничтоженных земель разбавленной акварелью. Стояла тишина, в округе не было ни души.

Мумей вскочила на ноги, перешла на бег отчаянно преследуя свет в конце ущелья. Он манил к себе, указывал путь, словно свет маяка в бескрайних морских просторах. Девушка ни о чём не думала, ноги наливались свинцом; ей хотелось распластаться на земле, снова уйти в мир сновидений, где прохладная вода и нежные ладони Фауны. *Фауна*. Это имя придало ей сил, открыло второе дыхание. Она бежала назло надсмотрщикам, назло самой себе и жестокой судьбе, что распорядилась закинуть её в этот богами забытый край.

Она бежала до последнего вздоха, пока ноги не отказались держать.

Мумей не помнит как пересекла ущелье, сколько времени прошло с тех пор и куда она держала путь. Девушка двигалась в тупом исступлении, словно заводная марионетка. Топ. Топ. Топ. Ступни шаркали по гравию, оставляя кровавый след, кровоточащих мозолей. В глазах застыли слёзы, горло пересохло.

В одночасье Мумей словно очнулась уловив едва различимый запах еловых веток. Девушка осмотрелась, осознавая что находится в лесу, а на дворе стоит глубокая ночь. «Ещё немного, пару шагов и сделаю привал» — сказала себе совушка, но стоило ей совершить шаг, как тут же тело подалось вперёд, калачиком спускаясь со склона. Она не издала ни звука во время и после падения. Казалось из этого тела уже давно ушла жизнь, оставляя тлеть маленький уголёк.

Возможно Мумей и продолжила бы лежать, но ужасный смрад бивший в ноздри мешал перевести дух. Она поднялась опираясь на нечто мягкое и скользкое; пригляделась, увидев силуэт лошади. В её пасти роились десятки мух, облепливая глазницы и забиваясь в уши. Зрелище отвратное, но сил на эмоции у совушки не было. Всё на что её хватило, это сделать

несколько шагов вперёд упираясь в некое сооружение.

— Экипаж?

Это и правда был экипаж; Мумей решила, что он слетел со склона. Было холодно, поэтому девушка посчитала правильным залезть внутрь. Стоило ей открыть дверь, как тут же из кабины донёлся отвратительный запах. Внутри в неестественной позе лежал человек. Совушка тут же содрала с него одежду: непозволительно больших размеров шляпа, узкое в груди платье и какие-то чулки помогли побороть холод. Она обирала труп без зазрения совести; в голове была лишь одна мысль: выжить.

Уставшая от долгой дороги, обессиленная от голода, девушка закрыла глаза, довольная мимолётным мгновением отдыха.

— Минутку. Посижу всего минутку...

Ещё никогда Её величество Таканаши Киара так не переживала. Она вся извелась, расхаживая перед дверью спальни Шиён Субору. Царица фениксов была крайне взволновала, самочувствием фаворитки, которую доставили без сознания ранним утром. Стража нашедшая девушку, сообщает о разбитом экипаже и убитых лошадях. Предположительно, произошёл несчастный случай, но владычица Цыпаграда не хотела слушать ничего подобного. Её интересовали две вещи: выживет ли её любимица, и кого следует наказать.

Лекарь, тощий седой старик, в белом халате и с чёрным саквояжем, вышел из комнаты больной. Он заверил Её величество, что состояние девушки крайне слабое, но благодаря своевременной помощи всё обойдётся.

— Я выпишу ей лекарство, и попрошу дворецкого следить за постельным режимом больной. Ей ни в коем случае нельзя покидать кровать.

— Не переживайте доктор, я лично прослежу за этим.

Они попрощались. Лекарь направился к выходу, а Её величество скользнула внутрь комнаты. Она с удовольствием рассматривала изысканные вазы на камине, несколько портретов фениксов и нагроможденный одеждой комод, пока не подошла к кровати. Это было огромное ложе с алым балдахином. За ним лежала Шиён Субору (по крайней мере все так называли Мумей, что вгоняло девушку в краску), чьё бледное лицо покрывали ссадины и синяки.

— Ох дорогуша, держись, ты у меня сильная, — Киара села на кровать, взяла больную за руку — Мы поставим тебя на ноги.

Её величество царица фениксов, относилась к Субору как к ручному питомцу; она давала ей свободу, играла с ней, покупала подарки. Иначе говоря содержала ради льстивых речей. Ей нравился скользкий нрав Шиён. По этому поводу Киара говорила: «Эти люди такие примитивные, но моя Шиён большая оригиналка!».

В действиях госпожи Киары проскальзывала доброта, но она имела оттенок эгоистичности. Каждое действие царицы, было во благо себя любимой. Это была круглая эгоистка помешанная на превосходстве крови. Своих фениксов, она считала идеалом мироздания, курочек относил к допустимой категории существ, а ко всем остальным испытывала отвращение. Ко всем, кроме Шиён разумеется.

Мумей лежала на кровати ни живая, ни мёртвая, бессильная, что либо предпринять. Совушка словно попала в кошмар, где её главный враг издевается над ней.

— Охо-хо-хо, — слезливо простонала она, в горячке ворочая головой.

Её величество встrepенулась, позвала дворецкого. Себастьян тихо вошёл в комнату, на

подносе держа нужные лекарства. Он заверил, царицу фениксов, что с его госпожой всё будет в порядке. После нескольких уколов и парочки таблеток, она придёт в себя. С большой неохотой, Киара оставила свою фаворитку, напоследок бросив презрительный взгляд на слугу.

— Не беспокойтесь госпожа, — с особой ухмылкой произнёс Себастьян — Я о вас *очень хорошо* позабочусь.

Глава в который Мумей примеряет роль графини

Мумей была сама не своя. Вот уже несколько дней, она не встаёт с кровати принимая незнакомых людей. Существа всех сортов приходят к ней в гости, оставляют подарки и желают скорейшего выздоровления. Дворецкий по имени Себастьян (она слышала, его имя от одной из служанок) всё чаще спаивает ей горькие лекарства и пичкает подозрительными таблетками. «Откройте ротик, сделайте а-ам, — говорил он — Вот и славны, вы сегодня отлично потрудились.» После уходит, оставляя совушку одну.

Пару раз приходила странная девушка с ярко-рыжими волосами. Это была высокая особа с аккуратным носиком, тонкими губами и широкими глазами. Каждый раз, она называла Мумей ненавистным ей именем Шиён Субору. Совушка не отвечала. Дворецкий объяснил это запретом лекаря, тем самым спасая её от нужды разговаривать с неординарной посетительницей.

Изначально Мумей приняла её за одну из захватчиц, повелевающей вторжением пять лет назад. Она точно помнила её лицо, и без труда возродила воспоминания. Но нежность гостыи, её легкомысленность, участность в делах болеющей, никак не вязались с жестоким нравом убийцы Матушки-природы. Совушка была в смятении.

Вскоре Мумей достаточно окрепла, чтобы подняться с кровати. Это было тяжёлое испытание, но она с блеском его преодолела, спустившись на первый этаж поместья.

— Госпожа, здоровья вам и процветания, — говорила прислуга.

— Ах, моя госпожа, сегодня вы должны хорошо отобедать, — хлопотала кухарка.

— Госпожа, извольте выбрать свой туалет на завтрашний день, — донимались озабоченные девицы.

— Госпожа, вам следует выпить таблетки, — напоминал Себастьян.

Пожалуй дворецкий был единственный, кто внушал доверия Мумей. Она часто держалась его, когда приходилось принимать решения. А мужчина мило улыбался, давая подсказки со словами: «Ох госпожа, вы наверняка забыли. Я советую поступить так...». Казалось, он всё понимает, и это пугало девушку.

Мумей была не из дурнушек, а потому быстро сориентировалась в происходящем. Здесь её называли Шиён Субору, величали графиней и госпожой. Она и правда была похожа на неё, пожалуй даже слишком похожа. Но вскоре оказалось, что только совушка так считала. Себастьян стал делать ей замечания по всяким пустякам, начиная от неправильно выбранной шапочки и заканчивая расположением вилки после трапезы. Это были мелочи о которых совушка не думала, но они выдавали её с потрохами.

Чтобы выжить, окрепнуть и собраться с силами, ей приходилось играть роль ненавистной Шиён Субору. Она ненавидела её так сильно, как сейчас ненавидит себя. Это было до омерзения противно.

— Ага! Ты не в кровати, — воскликнула Её величество застав Мумей в гостиной — Так я и знала. Вот и славно. Довольно тебе лежать как мёртвая рыбешка, завтра у нас крикет!

— Крикет?

— Крикет! Эй ходячая вешалка, да ты, поди принеси мне чая.

Себастьян поклонился, отправившись выполнять волю гостыи. Он оставил Мумей один на один с причудливой царицей, что совсем её не радовало.

— Что за убожество на тебе? Авария отбила у тебя чувство вкуса?

— Мне холодно, — неуверенно промямлила Мумей, прикрывая плечи бежевым платком, — Лекарь говорит...

— Так это другое дело! Моя дорогая, делай как он говорит. Да, я знаю как трудно тебе ходить в этом...этом, кхм, но здоровье важнее всего. Что я буду делать, если моя маленькая Шиён умрёт от какой-нибудь хвори? Да я буду плакать три дня! А это между прочим, ровно на два дня больше чем после смерти Альберта.

Мумей всё ещё не привыкла к напору Её величества. Она говорила за двоих, громко заливисто смеялась и любила шутить над слугами. Всем своим видом, царица фениксов возвышала себя над остальными, словно была муравьедом гуляющим вокруг муравейника. Несмотря на это, совушка заметила в ней железную хватку лидера, готового на всё ради своих подданных из Флайма. Это пугало и восхищало одновременно.

Себастьян принёс чай с бубликами, поклонился, удалился.

— Ты обязана завтра сыграть со мной в крикет, — продолжала Киара — Имей в виду: если ты откажешься, я вытащу тебя из дома.

Мумей не могла больше находить отговорки, поэтому согласилась. Ей хотелось как можно дольше сохранить личину Субору, чтобы пользоваться её хозяйством. Нанаши откровенно признавалась себе, что поступает подло используя имущество погибшего существа, да ещё и ненавистного ею. Но это была хорошая награда, за все те муки которые ей удалось пережить.

— Завтра утром, я пошлю за тобой экипаж. Впрочем, нет, лучше сама заеду, а то мало ли у тебя фобия разыгралась. Всё, давай свои щёки я тебя поцелую, вот так вот, да, отлично, а теперь проводи свою любимую царицу до двери.

— Как будет угодно Вашему величеству...

После ухода царицы фениксов, Мумей пожелала отправиться ко сну. От всех переживаний у неё разболелась голова. Она позволила прислуге раздеть себя, по совету Себастьяна приняла освежающий душ и легла в кровать. Сон всё не приходил. Совушка словила себя на мысли, что вскоре её раскроют, а затем выгонят, казнят, коротко говоря жестоко накажут. Это пугало, но риск был оправдан. «Лучше два дня прожить как король, чем пять как червь» — рассуждала девушка, вспоминая Плутоша, Бурга, Регнира. Ей не хватало нравучений пожилой совы, чертыханий сурового гнома и жаргона гоблина. Она скучала по ним.

С момента попадания в поместье, Мумей стала реже видеть сны. Иногда в её сновидения приходила Фауна. Подругу брала её под руку, награждала одной из своих томных улыбок и проводила в родную пещеру. Стоило ноге совушки переступить порог, она просыпалась. Возможно нимфа пыталась её что-то показать, но об этом Нанаши могла лишь догадываться.

Сегодня Мумей дурно спала. Она ворочалась с бока на бок, пока в одночасье не услышала шум. Это был едва уловимый скрип петель. Совушка обратилась в слух, выглядывая исподлобья одеяла.

Ночь была светлая, луна светила в окна, а потому пришедшего совушка разглядела без труда. Это был Себастьян. Он сжимал в руках тонкое лезвие, медленно приближаясь к кровати. С каждым шагом дворецкого, сердце Мумей было готово взорваться. Она нервничала, понимала, что нужно дать отпор и самое главное не прогадать момент. Вскочи,

она рано, это всё испортит; если опоздает, уже ничего не будет иметь значения.

Мумей дождалась, пока дворецкий склониться над ней, а после нанесла меткий удар в лицо. Кулак встретился со лбом мужчины, но едва ли это могло помочь. Он схватил её за волосы, вдавил голову в кровать; лезвие оказалось в опасной близости от горла совушки.

— Молчи, — требовал Себастьян оставляя надрез на шее девушки — Иначе убью, ты даже пискнуть не успеешь.

Девушка подчинялась. Хватка противника была сильной, никакой возможности развернуться не было. Оставалось лишь ждать и надеяться, что в план дворецкого не входит одна мёртвая совушка.

Спустя пару секунд молчания, он продолжил:

— Кто ты?

— Шиён Субо...

— Нет, — лёгким нажатием лезвие прошло по груди — Кто ты?

Мумей всё рассказала. С каждым словом хватка Себастьяна слабела, а после рассказа, он перестал держать совушку, но лезвие не убрал, всё также прижимал к горлу. Дворецкий задумался, хитро щуря кошачьи глазки. Наконец сказал:

— Госпожа, я пришёл напомнить вам выпить лекарство. Будьте умницей, сделайте а-ам...

Мумей проснулась поздно. В её комнате хлопотали служанки, активно споря по поводу сегодняшнего туалета. Зашёл Себастьян, заявив что сегодня возмёт ответственность за внешний вид госпожи. Девушки удалились, оставив совушку один на один с дворецким. Он расхаживал от шкафа к комоду с непринужденным видом, словно позабыв ночное покушение. Нанаши слишком рисковала, спрашивая его об этом, а потому посчитала за добро оставить эту тему до лучшего момента.

— Госпожа, рискну заметить, что вскоре сюда явится Её величество, чтобы забрать вас на игру в крикет. Будьте добры подняться с кровати. Славно, самое сложное позади, теперь присаживайтесь на стул и я позабочусь о вашей причёске. Нет, не на этот стул, вы что же *забыли* куда вам надлежит садиться? — Себастьян взял несколько баночек, встал позади хозяйки, приступая к утренним процедурам — Сегодня ночью вы кричали. Я подумал, вам снился дурной сон. Но знаете в чём прелесть кошмаров? *Они заканчиваются.*

Дворецкий запрокинул голову Мумей назад, впился хитрым взглядом в её глаза. Цокнув языком, заявил:

— Вы мне всегда нравились, и пожалуй я был первым обожателем, который засматривался на ваш цвет глаз.

— Хватит, — прошептала Мумей — Вы раскрыли меня, довольно потешатся. Да, на Шиён Субору я похожа лишь издали. Единственное, что в нас схоже это волосы.

— И это дурачье принимает тебя за погибшую Субору! — дворецкий сухо рассмеялся, начиная намазывать крем на щёки — Удивительный праздник скудоумия. Как же они слепы.

— Ты выдашь меня?

— Это зависит от тебя, Нанаши Мумей, кажется так ты вчера назвалась. Всё, можешь встать и раздеться. На спинке стула висит твой сегодняшний костюм для игры в крикет.

Мумей стала переодеваться. Наряд для игры в крикет представлял собой узкие легинсы и меховую курточку, завершала туалет круглая шляпа с *алым пером*. Пока девушка сменяла одежду, тщетно пыталась разговорить Себастьяна. Он отвечал однотипными фразами, или

не отвечал вовсе. Ей казалось, если сейчас допустить оплошность, пустить дело на самотёк, это рано или поздно создаст проблемы. «Мне нужно заручиться его поддержкой» — размышляла совушка.

— Ну вот, теперь вы готовы для крикета.

Девушка не нашла, что сказать и подумала раз дворецкий снова перешёл к ней на вы, значит он не собирается выдавать её. По крайней мере в недалёком будущем.

Они спустились на первый этаж. Вскоре к поместью подъехал пестрящий рубинами экипаж. Её величество была здесь.

— Не забудьте взять приглашения на бал, — посоветовал Себастьян отворяя дверь — Оно вам *очень* понадобится.

Экипаж в который пригласили Мумей, был шесть локтей в ширину и три в длину. Между двумя мягкими диванами, находился столик заставленный напитками и яствами. В воздухе витали сладкие ароматы ванили.

Её величества Таканаши Киара с наслаждением потягивала трубочку табака. Совушка села напротив, вцепилась ладонями в колени, застыв истуканом. Стоило вознице двинуться с места, царица фениксов начала говорить, и не прерывала рассказ вплоть до дворца. Она делилась сплетнями, дворцовыми интригами и рассказывала про последние новости с Посейдона. Последнее особенно заинтересовало Мумей.

— Кажется там назревает мятеж, — беззаботно пускала кольца дыма Киара — Но до нас дело не дойдёт, а впрочем, это вовсе и наши проблемы.

— Я не совсем понимаю, — Мумей пыталась придать силы своему голосу, но он заметно дрожал — Что там произошло?

— О, да ничего необычного. Одна дурочка поняла, что знатно облажалась и решила вернуть всё как было. Вот только это у неё не получатся, вот и бесится, — глотнув вина, Её величество добавило: — А когда всё закончится, я отниму у них берега.

До дворца добрались быстро. Это было величественное здание с десятками высоких башен, сообщающихся линией исполинских стен усеянных окошками, откуда выглядывали стражники. Стоило миновать первую арку, и перед глазами Мумей предстали живописные лужайки окружённые благоухающими цветами. По словам Киары, это было место ожидания, в которое приглашались послы из соседних государств.

— Что с тобой Шиён? Ты точно впервые здесь оказалась, — Киара взяла подругу под руку, здороваясь кивками с проходящими существами; все они выглядели очень красиво и вели себя учтиво. — Идём, мы и так опоздали на три минуты. Целых три минуты!

Они прошли ворота, очутившись в главном холле поднялись по высокой лестнице, а после целого лабиринта коридоров, наконец оказались на верхнем ярусе дворца, на большой площадке, под чистым холодным небом.

Мумей заворуженно глядела на открывающиеся виды: на севере возвышались шпили гор Авруля, на западе пестрили зеленью джунгли Крошрильда, и по всему Гикату располагались десятки ферм и заводов. В одночасье девушка воспылала ненавистью ко всем жителям Цыпаграда, тем предателям, которые променяли Матушку-природу на место при новых правителях. Она презирала их, но ещё большую злобу питала к захватчикам.

— Раньше ты не обращала внимание на прекрасные виды, — Киара подобралась сзади, обняла за плечи — Эти земли и правда очень красивы.

— Были. Были очень красивы.

— С возрастом красота не уходит, она меняется, — девушки встретились глазами; во взгляде Киары застыло сожаление — Да ну тебя Шиён, нашлась мне тут, философ! Идём, мы потеряли целых шесть минут времени. Шесть минут!

Правила в крикете были просты. Игрок с помощью удара биты, должен был попасть мячом в цель. В качестве мишеней использовались чучела, стога сена, деревья. Её величество Таканаши Киара была натурой своеобразной и принесла в крикет некоторые нововведения. Вместо чучел, использовались слуги подвешенные в воздухе за цепкие лапы

курочек; вместо биты использовался увесистой молоток, который бил по весам, кое сообщались с пушкой. Если удар был достаточно сильным, жерло выплёвывало ядро. «Здесь тебе понадобится смекалка, математика и сила» — любила говорить царица фениксов.

На Мумей царская забава произвела отрицательное впечатление.

— Давай, ты первая. Так уж и быть уступлю, но только сегодня!

Совушка неуверенно ухватила за молот. Она хотела отбросить его, ударить им Киару, словом сделать что угодно, но не лишать жизни десятков существ. Мумей догадывалась, что курочки держащие слуг, очевидно подыгрывают играющим, а потому шанс промахнуться был крайне мал. «Я не должна выдавать себя,» — рассудила девушка, и вложив всю свою злость в удар, стукнула по весам. Бабах! Шум от выстрела заложил уши, Её величество радостно закричало.

— Ура! Три очка!

Три очка — два существа и курочка разбитые в лепёшку. Противно. Мумей было до омерзения противно. Ссылаясь на плохое самочувствие, совушка заняла место зрительницы. Она смотрела как Киара бьёт по весам, как бухает пушка, как очередной слуга с воплями падает вниз, как в воздухе остаются перья от подбитой курочки. В одночасье совушка подумала, как же будет весело, если царица фениксов окажется на месте обречённых. Рано или поздно, она там окажется...

После игры в крикет подавали чай. Девушки расположились в богато обставленной гостиной. Мумей до сих пор воротило от забав Её величества, а сама Киара с невозмутимым видом болтала о всяком разном. Казалось её рот невозможно закрыть. Неожиданно для самой себя, совушка спросила касательно бала.

— Бал? Так ты пойдёшь на него? Вот уж не думала, услышать такое от тебя. Как ты мне сказала в прошлый раз? Что-то вроде: «Как тяжело угождать вкусу гостей, подбирать дорогую ткань, следить за шитьём платья...» или что-то в этом духе.

— Но ты позволишь мне прийти?

— Позволю ли прийти? А ты спросишь у меня разрешения? — девушка залилась глубоким смехом — Раньше ты никогда ничего подобного не выкидывала. Знаешь, после авария ты сама не своя. Я даже подумывала, может это не ты вовсе, возможно кто-то выдаёт себя за мою малышку Шиён.

Воцарилось молчание, взгляд Киары стал ледяной стрелой пронизывающее сердце Мумей. Совушка запаниковала. Если сейчас её раскроют всё будет кончено. Сегодня утром, она отнеслась бы к этому с равнодушием, но сейчас, замечая возможность для мести, девушка решила во что бы то ни стало держаться своего прикрытия.

— Ах-ха, видишь какая...

— У вас чудесная фантазия Ваше величество, — начала Мумей воркующим тоном — Уверенна её хватит, чтобы написать несколько томов душераздирающего романа. С вашим талантом, это не составит труда.

— И правда, а что если...

Киара сменила подозрение на милость, и стала рассуждать насколько удачным получился бы её роман, будь она не обременена заботами о королевстве. Мумей злорадствовала, довольная своей изворотливостью. Совушка несколько лет знала Шиён, а значит подражать ей не составит труда. По крайней мере перед Её величеством.

Встреча закончилась ближе к полудню, когда царица фениксов отправилась встречать

эмиссаров. Мумей была опустошена, и с удовольствием вернулась домой.

— Сколько очков настреляли?

— Три, — буркнула девушка, кивком головы указывая Себастьяну на свою комнату.

— Вы желаете со мной говорить?

— Да, сию же минуту.

— Как вам угодно. Позвольте я открою вам дверь, вот, проходите, — они уединились в спальне Шиён, заперевшись на щиколотку — Итак, как вам крикет?

— Это безумие с которым нужно кончать.

С лица дворецкого спала скупающая физиономия, кажется он был впечатлён словами девушки, но быстро вернул привычную маску. Мумей поняла, что Себастьян разделяет её мнение, оставалось только получить чистосердечные признания.

— Да, это совершенно бесчеловечно, — продолжала Мумей — Она с такой лёгкостью отнимает жизни у ничего не повинных существ, это... Это...

— Жестоко.

— Ужасно жестоко! С этим нужно что-то делать!

— Вам виднее.

— Это нужно остановить!

— Если вам так угодно.

Мумей отчаянно пыталась зацепить дворецкого, но тот отвечал со своей привычной невозмутимостью. В одночасье, она вспомнила про бал, о котором напоминал ей Себастьян. Это была последняя тема, способная сорвать маску с идеального слуги.

— Себастьян, я воспользовалась твоим советам.

— Вот как? Так значит вы закажите новую коллекцию фарфоровой посуды?

— Нет, я собираюсь посетить бал.

— Радуюсь за вас.

— Довольно Себастьян! Говори со мной как с Нанаши Мумей. Я знаю, что тебе выгодно моё попадание сюда, и догадываюсь, что место дворецкого ты выбрал не просто так.

Воцарилось молчание. Пустой взгляд Себастьяна лениво бродил по комнате, Мумей не могла понять, размышляет он, или игнорирует. Наконец дворецкий изъясил из внутреннего кармана пиджака тонкое лезвие, и уверенно прошёлся им по шее. Следом мужчина стал поднимать место надреза, скатывать в трубочку. Минутой спустя, на девушку глядел совершенно другой человек. Это был бледный старик с морщинистым лицом, широким лбом и маленьким носом. Узкие глаза выдавали в нём эльфа.

— Довольна? — тон мужчины приобрел стальные нотки.

— Довольна. А теперь познакомимся, — девушка сделала два шага вперёд, протянула руку — Нанаши Мумей. Сова. Жрица Матушки-природы.

Эльфа звали Самуэль. Он сражался против захватчиков вместе со своей семьёй, но силы были неравны, и дому Геноро (семейству Самуэля) пришлось бежать. Вместе с другими выжившими, мужчина скрывался в лесах, совершая вылазки и устраивая саботажи. Но вскоре понял, что они бьют мамонса щепкой и предложил план по внедрению. Союзники встретили его слова холодно, и после длительной ссоры, они разошлись.

— Мне повезло попасть к Шиён Субору, когда она ещё была маленьким человеком. С тех пор я работаю здесь дворецким. Это помогает как можно чаще видеть царицу. Я всегда

говорил: «ключ к победе — это смерть лидера.»»

— Так ты намереваешься убить Киару?

— Прошу, не произноси её мерзкого имени в моём присутствии, — эльф сморщил лицо, показывая отвращение — По крайней мере тогда, когда маски сняты.

— Маски. Точно, что за грим ты используешь?

— Мой дядя был фокусником, он умел «перевоплощаться». Его секреты достались мне. И нет, не проси, не стану я тебя учить рецепту грима. Это семейная тайна.

Они говорили как давние знакомые, вспоминали Матушку-природу и старые традиции. Вскоре должна была быть Блиница, но вот уже пять лет, её никто не празднует.

— Однажды всё вернётся, и Матушка-природа восстанет из пепла. Почему ты смеёшься? Разве наш...твой план, он...

— Мой план нацелен нанести максимальной урон Гикату, но едва ли после этого я выживу. К чему тешить себя пустыми надеждами? Всех нас ожидает смерть, и я буду рад погибнуть забрав с собой жизнь царицы.

— И ты сможешь сделать это на балу? Я угадала?

— Четыре года подряд Шиён Субору отказывалась посещать балл, а ведь это единственная возможность достать царицу. Не поверишь, но эта Цыпа только недавно стала наведоваться сюда, до этого момента ни разу такого не было.

— Поняла, значит мы нанесём удар во время бала. Ну что опять за взгляд? Да, я собираюсь помогать тебе, потому что всем сердцем презираю Такана... То есть Цыпу.

Самуэль пристально вглядывался в глаза Мумей, словно желая отыскать там решимость. Девушка не кривила душой, когда говорила о своих намерениях, но слегка приукрасила рвение помогать эльфу. У неё были свои планы, и после рассказа лже-дворецкого, она намеревалась использовать его в личных целях.

— Добро, — с улыбкой ответил Самуэль — Вот что нам понадобится...

Заговор против Цыпы

После откровенного разговора Мумей с Себастьяном (или же Самуэлем) прошло два дня. Девушка каждую минуту думала над словами эльфа. Он предложил ей совершить покушения на царицу фениксов используя яд, но совушка опасалась, что у Таканаши Киары может быть иммунитет или же что-нибудь в этом роде. «Нужно разить быстро, чтобы раз и навсегда» — говорила она, в очередной раз встречаясь с дворецким для обсуждения плана.

Их ночные посиделки вошли в привычку. Каждый вечер, после того как слуги ложились спать, они собирались в комнате Мумей и обсуждали, обсуждали, обсуждали... Казалось, не существует на свете мелочи, которая могла бы испортить столь продуманный план. Они просчитали тысячу и одну возможность, продумали несколько развития событий в каждом из которых Таканаши Киара погибает. «Она умрёт» — твердила совушка — «От яда или стали, неважно. Умрёт и точка.»

На четвёртый день в поместье прибыла курочка-почтальон. Она отдала приглашения на бал. Теперь Мумей знала, что для подготовки всего необходимого у них в запасе ещё два дня. Себастьян (девушка продолжила звать его по второму имени, чтобы не вызывать подозрений у слуг) был доволен таким вестям. В тот же день, он отвёл хозяйку в укромный угол и прошептал:

— Тебе во что бы то ни стало нужно забрать яд, — он говорил тихо, мягким, казалось чужим, голосом — На заднем дворе, в саду, есть трещина в стене. Надави на неё. Это тайный проход, но только не переусердствуй, иначе всё обвалится. Я советовал бы тебе переодеться во что-нибудь неброское и двинуться инкогнито.

— Думаешь за мной могут следить?

— Как думаешь, каким образом отыскали экипаж Шиён? У Цыпы здесь везде глаза и уши, даже — он замолк, пережидая шаги за стеной — Даже в поместье, одна из служанок работает на неё.

Мумей кивнула в ответ. Следом поднялась в комнату, старательно ища в гардеробе нечто неприметное. Все наряды Шиён была ярких цветов, со стразами, блёстками, глубокими декольте. Девушка долго рыскала в поисках подходящей одежды. В итоге отыскала широкие бриджи, белую рубаху без рукавов с высоким воротником и высокие сапожки. Завершением туалета стала накидка с капюшоном.

Вскоре совушка выскользнула во внутренний двор. За ней следила одна из служанок. Она видела, как хозяйка направляется к стене. Отвлеклась на разговор с подругой. Когда вернула внимание во двор, девушки и след простыл.

Мумей арендовала лошадь в городской конюшне, и верхом направилась по указанным дворецким координатам. В пути, она много думала. Думы её неизменно касались Таканаши Киары. Царица доверяет ей, вернее доверяет Шиён Субору. Этим можно, и нужно воспользоваться. Девушка посчитала за добро, использовать доверие Себастьяна и при удачной возможности, возвысить себя в глазах Её величества. Совушка разделяла стремления дворецкого, но они были слишком просты. Он думал как воин, но не как стратег. Идея с ядом была тривиальна, и пусть Нанаши высказала добро за этот план, в глубине души понимала, что ничего путного из этого не выйдет. Она не могла рисковать.

Дорога предстояла дальняя. Стояла тёплая солнечная погода. Повсюду кипела жизнь: по

дорогам ездили возы, издали доносился гул фабрик. Существа работали на фермах, купались в речках, детвора строила шалаши из веток. Мумей почувствовала умиротворение, и остаток пути провела наслаждаясь душистым запахом леса. В одночасье, она словила себя на мысли, что её родные земли, совершенно не изменились. Но стоило выйти на луга и поля, заставленные рабочими цехами, её мнение резко менялось.

— Нет, отчизна уже никогда не будет прежней.

Мумей нашла лекаря, коего рекомендовал Себастьян. Это был немногословный, насупившийся с каменным панцирем на спине тролль. После тайных паролей, они прошли в его мастерскую. Так он называл небольших размеров лачужку, хорошо спрятанную в березовой чаще. Не прошло и пяти минут, совушка вновь сидела в седле, в карме храня баночку с ядом. «Серьёзная штукавина» — предостерегал лекарь, — «Свалит даже мамонса.» Совушка верила на слово.

Перед тем как возвращаться в поместье, Мумей решила навестить жилище Фауны. Она понимала, что не застанет там подругу, не кинется в её объятия, не поцелует румяную щёчку. Но тем не менее твёрдо решила посетить знакомую пещерку. Когда добралась, впала в ступор. Казалось, она повторяет свои сны. На секунду девушка задумалась: наяву ли это?

Во тьме пещеры замаячил огонёк. Ярким свечением лазури, он манил к себе. Мумей спешила, подавляя внутреннюю тревогу зашла под каменный свод.

Пещера в которой жила Фауна, была домом для нескольких семей; каждая из них жила в своём крыле. Большинство туннелей обрушились. По пути девушке то и дело встречались тела жильцов. Она миновала один поворот, второй, третий... Без сомнения, огонёк вёл её в убежище нимфы. Мумей почувствовала головокружение, ноги едва держали её, казалось ещё шаг и совушка свалится на месте. Но двигалась, двигалась, двигалась...

Огонёк устремился вперёд, поднялся к потолку взрываясь десятками светящийся икринок. Стало светло. Но лучше бы не становилось. Мумей увидела её. Это была Фауна. Лицо нимфы увяло, как цветок без солнца; тело стало дряблым, словно у старой карги; волосы выпали вслед за зубами, глаза потухли.

Мумей подвели колени. Она свалилась без сил. Зарыдала, охваченная неопишным ужасом. В плену, она многое видела, не раз находилась рядом с трупами, но то что произошло с Фауной, это не просто смерть. Теперь совушка поняла: дочери Матушки-природы умирают вместе с родительницей.

Слёзы лились рекой.

Светящиеся огоньки окружили тело Фауны. Они тянулись друг к другу, объединяясь в нечто единое. Через долю секунды, Мумей признала в них малыша совёнка. Он сидел на плече погибшей, глазами нимфы осматривая девушку.

— Что же всё это значит?

Совёнок вспорхнул вверх, направляясь в сторону выхода. Он прав: Мумей здесь делать нечего.

В поместье Мумей возвратилась подавленной. Она воспользовалась секретным ходом, и стараясь не попадаться на глаза слугам, поднялась в комнату. Хотела позвать Себастьяна, но мысли отказывались складываться в единую цепочку. Перед глазами лежало тело Фауны,

укрытое слоем земли и совёнок с пристальным взглядом. Как только девушка, похоронила подругу, эфемерный зверёк исчез. Странно, но даже сейчас, она ощущает его присутствие. «Фауна помогает мне даже после смерти» — размышляла Нанаши.

— Достала? — Эльф зашёл тихо, крадучись словно кошка.

— Да, он у меня, — Мумей изъяла из наплечной сумки маленькую баночку — Лекарь уверял, что повалит даже мамоноса.

— Значит Цыпу и подавно.

При мысли о предсмертной агонии Таканаши Киары, Мумей злорадно усмехалась. Ей хотелось, чтобы она испытала те же страдания, что выпали на голову Фауны; чтобы мучилась в судорогах, чтобы каждая частичка её тела нестерпимо болела, чтобы она теряла сознание от боли, и приходила в себя из-за ещё большей боли.

— Себастьян. Таканаши Киара умрёт. Обещаю.

Настал день бала. В назначенное время, после наступления сумерек, в дворец Цыпаграда стали съезжаться существа всех сортов. Были здесь мастера ремесленники в потёртых фраках, банкиры в щегольских пурпуэнах, дамы лёгкого поведения с глубокими декольте для развлечения, фигляры и фокусники в смешных колпаках и т. д. Прибыли так же госпожа Чумных земель и воительница из Песков. По слухам, Каллиопа Мори уже несколько часов занимает одну из гостиных дворца, а Амелия Крошкрольд (получившая прозвище из названия контролируемой территории) успела продегустировать все виды настоек. Ночь стояла тёплая. На небе не было ни звезды.

Чтобы не выделяться из толпы и поддерживать свою роль повесы, Мумей нарядилась в элегантное алое платье с дерзким вырезом и длинным подолом; туалет дополняла незаменимая шляпа с *алым пером*. Себастьян, отправившийся в роли прислуги (подобное допускалось) был в привычном фраке. Во время поездки в экипаже, они ещё раз обговорили план. Он был прост до безобразия: подлить в питье Цыпы яд, и наслаждаться падением диктатора. На всякий случай, они взяли по стилету; совушка прятала его в сумочке, эльф же за пазухой. Добрались быстро.

— Приветствую вас госпожа Шиён ко Субору, позвольте взглянуть на ваше приглашение, — привратник был молодым блондином, с вытянутым напудренным лицом — Всё в порядке. Прошу вас, проходите. Её величество жаждет увидеть вас.

Они прошли через арку, вливаясь в поток существ. Основные развлечения и застолье располагалось в так называемой зоне ожиданий. Прислуга постаралась на славу: несколько длинных столов были заставлены яствами, около них стояли фонтаны с пуншем, всю эту прелесть освещали десятки воздушных фонарей, привязанных к специальным столбам.

Фигляры играли с огнём, дамы лёгкого поведения флиртовали с банкирами, мастера ремесленники клюкали как в последний раз. Себастьян подал условный сигнал, означающий: «Мне нужно осмотреться». Мумей ответила кивком, и стала пробираться через толпу гостей. На каждом шагу с ней здоровались, старательно навязывая своё внимание.

— Ой, посмотрите какая милочка. Это же госпожа Шиён ко Субору. Графиня, красный вам к лицу, — делали комплименты незнакомые женщины.

— Госпожа ко Субору, для меня честь встретить вас сегодня. Позвольте пригласить вас на танец? — вопрошал усатый старик.

— Вы поглядите какая дива, — шептались за спиной барышни — Это ведь знаменитая Шиён ко Субору!

Мумей старательно избегала общество кого бы то ни было. Её раздражало имя Шиён ко Субору. Шиён ко Субору. Как ненавистны ей эти слова! Но она держала себя в руках, лавируя в поток существ, улыбочиво кивая головой и выискивая Её величество. Искала зря, ибо царица сейчас находилась во дворце. Государственные дела не ждали.

— Прекрасно госпожа, могу ли я попросить вас закинуть левую ногу на спинку дивана? Чудно. С вашего позволения, обоприте правую руку под голову. Великолепно, вы невероятны. Слегка опустите простынь с груди. Да, вот так лучше. Осталось ещё немного, пару штрихов и картина готова. О, не переживайте, я рисую всю свою жизнь и для меня

честь писать вас. Ох, как же вы прекрасны...

Каллиопа Мори лежала на диване в гостиной, располагая конечности по указке мастера кисти. Вот уже два часа, он рисует её портрет. Получалось дивно. Художник не успел закончить, в помещение цокая каблуками вошла Киара. Она глазами приказа портретисту удалится.

— Калли, без савана ты выглядишь намного краше. Можешь не одеваться, твоя нагота тебе к лицу.

— Ответь мне Киара, почему я должна развлекать себя на протяжении всего вечера? Мне обещали веселье. Где же оно, это веселье?

— Веселье подождёт. Ты покрасила волосы? Кажется они стали ярче...

Хлопнула дверь — в гостиную ступила Аме. Несмотря на дресс-код, девушка пренебрегла платьем, надел кожаную куртку и легинсы. Этот наряд был смешон, по сравнению с рубиновым платьем Киары, усеянным десятком свисающими, словно капельки крови, драгоценными камнями. На её голове покоилась диадема, как бы подчеркивающая элегантную причёску.

— Ну, — начала Аме — Что хотела обсудить?

— Дела? — презрительно фыркнула Калли, укрывая плечи саваном — Становится ещё скучнее, чем было изначально. Я разочарована.

— Дорогие мои, — Киара усадила Аме — Это не займёт много времени. Вы знаете какая ситуация сейчас на берегах. Знаете, отлично. Если мы и дальше будем игнорировать этот конфликт, можем потерять выгоду.

— Пять лет назад я вам уже помогла, и профита с этого никакого не заработала. Играйте в свои игры сами.

— Согласна с Калли. Это не наше дело. Если Ина решила играть в войнушку, флаг ей в руки и пушку в придачу. Нам до этого нет дела.

— Хорошо Аме, а что ты скажешь про Гуру? Посейдон не может пришвартоваться к берегу, Ина ведёт огонь на поражение.

— Если Гура *действительно* захочет, она нажмёт на одну очень заманчивую кнопку, — с усмешкой рассуждала госпожа Чумных земель.

— Но если мы...

— Нет Киара, строй свои козни одна, нас в это не втягивай.

Царица фениксов поглядела на Аме, глянула на Калли, как бы стараясь понять, окончательное ли это решение. Вскинула руками, мол, ваша взяла.

— Насильно мил не будешь, — заключила Киара — Идёмте. Нас уже заждались.

Первой кого заметили правительницы, спустившись во двор, стала Мумей. Аме остолбенела от неожиданности. Она спросила, кто это особа в красном с алым пером на шляпе. Девушка знала ответ, но не хотела себе в этом признаться.

— Это моя фаворитка, великолепная Шиён ко Субору. Слышала бы ты, какие остроумия она отпускает!

Киара заговорила, но её речь была белым шумом для Аме. Наёмница цепким взглядом преследовала Мумей, вороша в памяти события двухнедельной давности. Она точно помнит, что Шиён ко Субору погибла. Графиня не могла выжить. Это невозможно. Абсурд!

Аме не подала виду, и поспешила скрыть замешательство. Но её очень интересовала Шиён ко Субору, вернее та кто выдаёт себя за неё. Кто же это? Рано или поздно, она получит

ОТВЕТ.

— Минуту внимания, — Киара поднялась с места, ударила ложкой по бокалу — Благодарю всех здесь присутствующих. Сегодня, этот прекрасный вечер я хочу посвятить своей любимице: Шиён ко Субору! Спасибо, спасибо. Шиён, моя дорогая, иди сюда. Аме, двигайся, давай-давай.

Под десятками взглядов Мумей зашагала к столу правительниц. Киара любезно усадила её подле себя. Пока царица фениксов отвлекалась на гостью, один из дворецких наполнил бокалы. Девушка поняла: Себастьян начал действовать. Он не мог рисковать, а значит добавил яд в общий графин, содержимое коего налил всем, включая её. Совушка запаниковала. Дело шло скверно.

— Моя хорошая, — всё не унималась Киара — Во Флайме существует легенда про царя феникса в обличье человека. Он погиб от рук своей возлюбленной... Что? Да Калли, можешь выпить и мой бокал. Так вот, это чудесная легенда рассказывает нам, что даже самые близкие люди подчас могут предать. Держи Калли, это бокал от Аме, пей на здоровье. Но я верю, что моя фаворитка, неподражаемая Шиён ко Субору, для меня просто малышка Шиён, никогда не предаст оказанного ей доверия. Давайте выпьем...

Мумей услышала быстрые шаги, приближающиеся сзади. Она посчитала, что это Себастьян и не ошиблась. Дворецкий, осознавая провал, решил исполнить план Б. Эльф намеревался заколоть царицу.

Всё произошло мгновенно. Ладонью Мумей юркнула в сумочку, ухватила за рукоять стилета. Развернулась замахиваясь наотмашь. Сталь вошла глубоко. Послышались крики, дамочкам стало дурно.

Она остолбенела, читая в глазах Себастьяна непонимание. В этом взгляде было кое-что ещё: сожаление. Он не смог отомстить, его смерть была напрасна. Стиллет пронзил сердце. Очень удачный удар для той, кто совершает его впервые.

Мумей отшатнулась, трясущимися руками вытирая лицо. Тело дворецкого упало подле царицы фениксов. Она обернулась; поглядела на труп неудачного убийцы, следом на свою фаворитку. После рассказанной легенды, поступок совушки возымел большой эффект. Девушка понимала это, *рассчитывала* на нечто подобное, но не могла представить какого это — предать и схитрить. Она ощутила себя змеей: гадкой, склизкой, подлой.

— А пожалуй не так уж здесь и скучно.

— Не то слово Калли, не то слово...

Секрет царицы фениксов

После казуса произошедшего на балу Её величества, большинство гостей выявило желание покинуть дворец. Большой волной, они ринулись в сторону арки. Калли же, вместе с Аме не сдвинулись с места. Они следили за суматохой, слышали как Киара отдаёт приказы убрать тело. Следом царицы фениксов взяла свою спасительницу под руку, и без лишних слов увела её в сторону дворцовых дверей. Вскоре воцарилась тишина.

— Смаковка, — протянула Калли, смакуя вино в бокале.

— Прости?

— Яд. Смаковка. Сильная штука. Меня даже начало мутить.

Только сейчас Аме осознала, в каком долгу перед Каллиопой. Она одна выпила три бокала, и взялась за четвёртый, а следом опустошила кувшин. Для царицы мёртвых это пустяки, но если бы кто-нибудь из живых попробовал капельку смаковки, тут же погиб.

— Вот тебе и пресловутый Цыпаград, — продолжила королева Чумных земель — Как думаешь, кто был целью покушения?

— Очевидно все мы.

— Нет Аме, это не очевидно и даже более того, кажется Киара об этом не знала.

— Думаешь, хотели отравить её? Нас? Ну да, чтобы не рисковать яд разбавили в общем кувшине. А учитывая в скольких руках он побывал добравшись до стола, выявить злоумышленника будет проблемой.

— Тебе следовало делать карьеру сыщика, слишком интересные умозаключения. Но негодяя надо найти, во что бы то ни стало. Уж больше смаковка пришлась мне по вкусу.

Мумей стало не по себе. Она поняла, что видеть труп и быть той, кто отнимает жизнь, это совершенно разные вещи. Перед глазами до сих пор всплывала удивлённая физиономия дворецкого. Он не ожидал этого, а совушка к своему стыду, замышляла нечто подобное. Сначала девушка хотела разоблачить отравителя, тем самым сыскав благодарность царицы. Это позволило бы ей сблизиться с Киарой, и в удачный момент нанести удар в спину. Всё пошло не по плану, но отнюдь не так плохо, как могло быть.

Её величество отвела Мумей в свои покои. Всю красоту комнаты скрывала непроглядная темень. Двигаясь на ощупь, девушки добрались до кровати. Киара опустила спасительницу на ложе, настойчиво уложила её на спину.

— Ложись Шиён, отдохни, это скоро пройдёт.

Под «этим» Киара подразумевала состояния аффекта. Но Мумей (к своему удивлению) была спокойна и рассудительна. Она понимала, что её роль ещё не отыграна, и начала всхлипывать, напуская лживые слёзы.

— Моя дорогая, ты всё сделала верно, — Киара легла рядом, обняла подругу, прижимая голову к груди, словно мать желающая успокоить ребёнка; она была тёплой, пахла цитрусом — Секунда промедления могло стоять мне жизни, и чтобы ты тогда делала, без своей любимой царицы?

Они лежали в обнимку. Молчали. За окнами громыхал салют, на небе разлились яркие краски.

— Я благодарна тебе Шиён, очень благодарна. Говоря откровенно, я считала тебя подхалимкой пользующейся благодарностью за старые заслуги, — Мумей стихла, пальцы

девушек переплелись — Но после аварии, ты круто изменилась. Мне... Мне казалось, что мы и правда стали подругами. В сказках которые я читала, подруги всё и всегда делали вместе, а перед сном они откровенничали. Вот как мы сейчас.

Замолчали. Сердце Киара учащенно забилося. За окном печальную мелодию играл ансамбль.

— Помнишь легенду, о которой я рассказывала за столом? Так вот: тот царь, был моим отцом, пока не лишился человеческой оболочки и не улетел на *край свет*. Я сказала, что он погиб от рук возлюбленной. Приукрасила. На самом деле такие как мой отец, в том числе и я, не погибают от ударов в спину, — Киара наклонила голову; Мумей ощутила тёплое дыхание у своего уха — Пока это тело живёт, я буду рядом. Когда его постигнет смерть, ищи меня на *краю света*. Там, где фениксы обретают покой. Это мой маленький секрет. Теперь ты его знаешь. Шиён. Шиён? Ты спишь? Что ж, значит ничего ты не услышала...

Мумей не спала. Она слышала *каждое* слово.

Мумей спала дурно. Она то и дело просыпалась, от очередного кошмара. Если раньше её сны нарушала Фауна, то теперь Себастьян. Девушка просыпалась в холодном поту, и снова засыпала прильнув к груди царицы фениксов. Киара тоже уснула, прямо так, полусидя. Теперь совушка понимала, насколько глупа была идея с покушением, ведь её жертва останется жива, даже от тысячи ударов стилетов. План изначально был обречён на провал.

Просыпаясь и засыпая, Мумей долежала до утра. В одночасье Киара поднялась, скинула с себя платье, расплела волосы. Всё указывало на утренние процедуры. И правда: девушка взяла гребень, стала причёсываться, подмигивая спасительнице. Видимо поняла, что та уже не спит.

— Доброе утро Шиён, — особенно ласково сказала Киара — Сегодня ты разделяла ложе с царицей. Это великая честь!

Она залилась смехом, как и обычно, словно задыхаясь. Мумей быстро пришла в себя. Никаких эмоций, только холодный расчёт. Совушка талантливо балансировала между ролью нарциссической сучки и любящий подруги. Нельзя было перегибать, становится слишком ласковой, или слишком чёрствой, иначе у царицы могли появиться подозрения.

— Цвет сегодняшнего дня — оранжевый!

Киара открыла огромный гардероб, стала подбирать платье. Мумей всячески помогала ей, советовала и как итог сама стала целью этого модного приговора. Царица заставила её примерить одно платье, следом второе, третье, четвертое... Это продолжалось долго. Совушка заметила, с какой улыбкой подбирает туалет Её величество. Это была искренняя улыбка. Она была счастлива.

— Нет-нет Шиён, моя дорогая, эти туфли уже давно вышли из моды. Тебе ведь важно носить всё самое новое, а это уже моветон. Вот, примерь вот эти.

Время пролетало незаметно...

— Теперь я без сомнения могу доверить тебе свою жизнь, — заявила Киара, позволяя спасительнице приглаживать свои волосы — О, и тебе полагается награда. Хочешь что-нибудь необычное? О, придумала! Давай я отдам тебе ещё одну провинцию. Например: Неготер. Будешь Шиён ко не Субору. А что, звучит!

Мумей соглашалась. И злорадствовала. И снова соглашалась. А потом опять злорадствовала. Она ощущала себя змеей, и ей это нравилось.

— Если это желание *моей подруги*, то я подчинюсь.

— Шиён, — сказала Киара после минуты молчания — Ты не спала вчера, всё слышала.

Ну ты и хитришь!

— Вы даже не представляете насколько.

— Шиён.

— Ваше величество, не дёргайте головой, я почти закончила.

— Шиён, я могу тебе доверять? Могу. Славно. Помнишь я рассказывала про мятеж на берегах, — Мумей помнила, утвердительно «угукнула» — Как думаешь, могу ли я с этого что-нибудь поиметь?

— Что-то кроме геморроя?

— Ах Шиён, да ты остришь! Я тебя обожаю! — Киара разразилась хохотом, словила ладонь Мумей — Я рассудила так: если победит Гавр, она займёт берега, а если Ина'нис то ничего толком не изменится.

— Разве Гавр Гуре нужны берега?

— Вот именно! — царица возбуждённо сжала ладонь девушки — Ты мыслишь, как и я. Правду говорят, что гении мыслят одинаково. Не хочешь ли часам, съездить в командировку?

— Всё о чём *попросит моя подруга*, будет исполнено.

Мумей ощущала себя змеёй: гадкой и скользкой. Ей это нравилось.

Девушки покинули покои царицы лишь в середине дня. Ужинали они уединившись в саду. Во время трапезы обсуждали положения на берегах, и отправку Мумей в роли медиатора. Киара всерьёз загорелась идеей, сломить Ина'нис, прогнав её с Песочного замка. Таким образом территория перейдёт под контроль Флайма; флот Посейдона же, ничего не потеряет, а значит ни на что и не станет предъявлять права.

— Я не совсем понимаю, — говорила Мумей, разрезая сочный стейк — Отчего вы решили, будто Гавр не пожелает оспаривать права на правления берегами?

— Она заправляет морями, — отвечала Киара, смакуя сидр — Нет никого и ничего, что могло бы укрыться от флота Посейдона. Но зачем ей берег? Для чего? Она приняла места правительницы Кальмаровых берегов пять лет назад, и с тех пор ничего не изменилось. Да и что могло измениться? Гуре невыгодно вести дела на суше. Её стихия море. Ина ведь рассчитывала с помощью союза, когда отдавала власть, что Гавр поможет ей укрепить авторитет, а как итог царица морей решила прибрать к рукам территорию берегов. На этом, собственно и всё.

— Значит ей не нужны берега?

— Она презирает сухопутных жителей. Ей противно находиться на суше.

— Ина'нис и правда является угрозой для её флота?

— Ну как тебе, моя дорогая, сказать. Во время мятежа, когда в Песочных замках были люди Гуры, Ина'нис устроила резню. Царица морей за это в обиде. Раз. Ина перекрыла ей импорт. Два. И просто является прыщом на попе. Три. Три причины, чтобы покончить с ней.

«Да. Самое время покончить с ней.» — злорадно улыбалась Мумей. У неё появился план.

После трапезы девушки прогуливались в саду. Киара взяла Мумей под руку, прильнула к её плечу. Царица была на голову выше, а потому это смотрелось достаточно комично. Они

обсуждали разные разности, пока Её величество не призналось:

— Шиён, моя дорогая, моя любимая Шиён. Прошу тебя, когда мы одни, обращай ко мне на ты. Ведь ты моя подруга, моя спасительница, моё самое главное сокровище. Ещё никогда я не была так счастлива, ни разу за тысячи лет я не ощущала ничего подобного. Ты ведь разделяешь эти чувства, понимаешь меня?

— Если моя *подруга* этого хочет, — Мумей встала на цыпочки, на ухо царице произнесла: — Киара, идём пить чай.

Красная от смущения, царица кивнула. Она была счастлива. Впервые за тысячи лет.

— Шиён, моя дорогая, я обожаю твою оригинальность, — Киара мерила шагами комнату; Мумей собирала чемодан — Вместо того, чтобы полететь на фениксе, ты отправляешься к берегам на экипаже. Вместо пышного платья, кое ты всегда носишь, надеваешь дорожную одежду. Моя дорогая, не заболела ли ты часом?

Девушки находились в поместье Шиён. Сегодня утром царица отправляла в дорогу, свою подругу. Мумей была невозмутима.

— Киара, моя дорогая, взгляни на улице. Там стоит страшная жара. Надень я платье, мигом вспотею. Практичность — вот что важно в пути.

Киара смотрела восхищённым взглядом, а когда Мумей закончила складывать чемодан, вместе с ней схватилась за ручку. Подруги спустились на первый этаж, вышли на крыльцо. Экипаж уже был готов. Возница скрывающая лицо за капюшоном плаща, терпеливо дожидался хозяйку.

— Итак Шиён, ты отправляешься с важной миссией. Поручаю тебе дестабилизировать обстановку в Песочных замках, и во всех Кальмаровых берегах, во славу нашего величественного Флайма и Гиката соответственно. Будь смелой, сильной, непоколебимой. Будь собой.

— Благодарю за оказанную мне честь. Я не подведу, — Мумей кинула быстрый взгляд по сторонам, поднялась на цыпочки, прильнув к щеке Киары, сказала: — Я не подведу тебя, моя дорогая подруга. Оставляю поцелуй, в память о себе.

Ещё долго царица фениксов глядела вслед удаляющегося экипажа. Она была счастлива.

Ещё долго Мумей хвалила свой злобный гений. Она ощущала себя змеей: скользкой и гадкой. Ей это нравилось, больше чем когда-либо.

Экипаж покинул пределы Цыпаграда свернув в противоположную берегам сторону. Говорят шутка рассказанная дважды не становится смешнее. Аме имела другое мнение.

Враг моего врага — мой друг

Мумей не сразу поняла, что её везут в противоположном берегам направлении. Она упивалась своей изворотливостью, а потому ничего вокруг не замечала. Но наконец осознание снизошло на неё, и девушка потребовала у возницы объяснений. Дуло пистоля говорило очень красноречиво. Так красноречиво, что совушка решила больше не искать разговоров с возницей, и спокойно дожидаться остановки. «Это похищение» — размышляла пассажирка и была права.

Экипаж остановился у небольшой лачужки в лесу, спрятанной в густой роще. Увидеть её можно было только подойдя на близкое расстояние. Как только возница спрыгнул на землю, из здания вышли несколько существ в серых балахонах.

Мумей поняла, что её дела плохи.

— Как твои раны Аме? — спрашивал Мелинор, встречаясь с девушкой в лачуге.

— Позволяют продолжать работу, — небрежно отвечала девушка — Я привезла её.

— Чудно. Так значит, она хотела убить Таканаши Киару?

— Всё указывает на это, — дверь лачуги открылась, несколько надзирателей потащили Мумей за руки, за ноги в подвал — Она выдавала себя за погибшую Шиён Сумору, ту самую графиньку, которая собиралась купить семечко. Вчерашнее покушение не могло быть случайностью.

— Сдаётся мне, — говорил Мелинор, после минутного размышления — Что вы из одного теста сделаны. Куда она направлялась?

— Берега. По поручению Таканаши Киары.

— Плохо. Если не доберётся, то поднимется суматоха. Начнут рыскать.

— Но ведь она об этом не знает.

— И это хорошо.

Они кружили вокруг неё словно коршуны. Мумей старалась сохранять невозмутимость, но страх пыток заставлял её дрожать. Девушка знала, что рано или поздно этот маскарад ей аукнется, но не ожидала что так скоро. Более того, она узнала эти балахоны. В таких ходили работоторговцы.

— Имя, — мужчина остановился, положил ладони на плечи задержанной.

— Шиён ко...

— Имя, — повторила та, что выдавала себя за возницу, красноречиво прижав дуло пистоля к ляжке совушки.

— Нанаши Мумей.

— Куда путь держишь?

— Берега.

— Причина?

— Политика.

Мужчина сел напротив Мумей, девушка не убирала дуло пистоля с её ляжки. Совушка была готова рассказать всё, и не преминула сделать это. В течение десяти минут, члены культа обо всём узнали. Мелинор был настроен благоприятно.

— Прелестно. Так значит ты пользуешься чужим именем, чтобы отомстить

захватчикам?

Это звучало нелепо, но было правдой. Мумей кивнула.

— Дай угадаю: твоя поездка на берега, должна закончиться для одной из правительниц смертью. Верно?

— Я буду счастлива, если это случится, — прошипела совушка.

— Что ж, в таком случае добро пожаловать в клуб анонимных убийц. Мелинор, будем знакомы.

— Ты сказал ей своё имя, — презрительно фыркнула Аме, когда они с мужчиной уединились наверху.

— Да. Это называется: установить доверие. Роль девчонки становится всё дороже, и впору сделать ставку, чтобы не проиграть.

— Не понимаю.

— В этом и проблема Аме. Ты не понимаешь, а она понимает. Понимает, что этим миром управляют из-за кулис. Правительницы — это королевы в шахматной партии, но их движениями управляют играющие. Ты не понимаешь, а она понимает. Понимает, и не хочет пачкать руки, играет спектакль вместо того, чтобы лезть на рожон. Она понимает, а ты нет.

— Угм. Поняла.

— Нет. Не поняла.

— Итак, Нанаши Мумей моё имя Мелинор, эту девушку зовут Аме. Только не зови её Амелией, она терпеть этого не может, — похитители вернулись в подвал; Мумей не прекращала волнений — Мы предлагаем тебе сотрудничество на взаимовыгодных условиях.

— В чём подвох?

— Ты понимаешь, — Мелинор с усмешкой глянул на Аме — Ты понимаешь это. Славно. Я не назвал бы это подвохом, скорее нюансом. Мы не гарантируем гибель кого бы то ни было, но с помощью нашей помощи ты сможешь попасть туда, куда другим вход воспрещён.

— Например?

— На Посейдон.

— Ты отпустил её в экипаж без сопровождения. Не вини меня, если она сбежит.

— Это называется: установить доверие. Пусть почувствует себя свободной, — члены культа покинули лажучку — Она не убежит, потому что...

— ...Понимает. Да, поняла.

— Нет, не поняла.

Аме вновь села на место возницы, управляя экипажем. Внутри находились Мумей и Мелинор. Между ними завязался разговор:

— Вы упомянули Посейдон.

— Да. Посейдон — это... А, вижу ты знаешь. Хорошо. Так вот, каждое судно приближающиеся на сто метров, расстреливают из пушек. Гавр боится войск Ина'нис, опасается абордажа.

— Вы думаете мне понадобится отправляться на Посейдон?

— Плохой из тебя медиатор раз ты не говоришь с двумя сторонам конфликта. Рано или

поздно, тебе предстоит это сделать.

— И вам что-то нужно, что-то что находится на Посейдоне.

— Ты понимаешь. Это хорошо. И должно быть понимаешь, что у нас нет причин там появляться, а у тебя есть письмо с печатью царицы. Не смей говорить, что это неправда. Аме видела, как Таканаши Киара суёт его тебе в карман. Это даёт тебе неприкосновенность. Гура ни за что не решится убивать посла, к тому же любимчика правительницы Цыпограда.

— Ну так что вы ищете? За чем меня отправляете?

— Слушай внимательно...

Семечко о котором говорил Мелинор, было знакомо Мумей. В храме Кукукуку, находилось одно из них. Девушка не решалась спрашивать для каких целей, оно понадобилось культу. Это могло быть чревато последствиями. Теперь совушка видела картину целиком, и оценила подвернувшуюся ей удачу. «Он поможет мне, а я ему, да ещё и на выгодных условиях.»

Через три дня и четыре ночи, экипаж добрался до берегов. Песок, глиняные изваяние принимающие своеобразные архитектурные постройки, морской бриз — вот как можно описать это место. Территорию населяли множественные существа, в том числе и люди, но большинство было панциобразные. Раки и крабы, по три метра ростом, играли с глиной; небольшое поселения омываемые водой, занимали резвые малютосы и креветосы — очень своеобразные, низкие существа. Чтобы добраться до столицы Кальмаровых берегов, приходилось ехать ещё несколько часов. И вот наконец, перед глазами Мумей предстал Песочный замок.

Несмотря на название, замок был вовсе не песочный. Его окружали тёмные движущиеся столбы, расступаясь перед входящими и выходящими жителями. Здесь жили люди и кальмаросы — существа с круглыми мягкими головами, кое опоясывали несколько десятков щупалец. По их количеству можно было судить о возрасте персоны.

Например, кальмаросу, встретивший экипаж, было не меньше двенадцати лет. Он говорил захлёбываясь, набирая воздух и выпаливая слова. Смотрелось это потешно.

— Ктovyтакиецельпоездкии?

— Эмиссар от Флайма, — отвечала Мумей, подчёркивая тем самым госпожу Киару — По её приказанию прибыли к Ина'нис Ине. Прошу впустить в город и сопроводить к правительнице.

Кальмарос кивнул, что-то записал. Стены раздвинулись в стороны, экипаж проехал внутрь.

Дилеммы Ина'нис Ины

В последнее время Ина'нис Ина плохо спит. Ей чудится будто звонят колокола, стены собирается в купол, тщетно пытаясь предотвратить удар с воздуха. Она боялась. Страх мешал ей спать. Чтобы отвлечься, с ночи до утра девушка занималась бумагами, нагружая себя сверх необходимой меры. Теперь, когда власть вернулась в её руки, требовалось многое решить и о многом подумать. Думала. Ночи и дни напролёт.

Когда зашёл паж, Ина подписывала очередную бумагу. Бегло глянула на слугу, тот встал у двери, звучно объявив:

— Медиатор от Флайма, госпожа Шиён ко не Субору собственной персоной!

Ина не слышала ничего кроме «Медиатор от Флайма». Она ждала этого, чаяла надежды на письмо посланное Киаре с требованием о помощи.

Девушка поднялась из-за стола, открыла окно впуская в просторный кабинет захламлённый судовыми журналами, книгами и другой макулатурой свежий воздух. Поправила манжеты, застегнула мундир, причесалась и только после этого, кивнула пажу давая сигнал впускать гостя.

— Не люблю долгих прелюдий, — с ходу начала Ина — Сколько?

— Прошу простить? — сконфузилась Мумей.

— Сколько снарядов? Не снаряды? Хорошо, сколько фениксов? Тоже нет. Тогда какие отряды пернатых? Не смей говорить, что ты... — девушка сжала ладони, поджала губы; вполголоса добавила: — Ну конечно, Киара не стала бы помогать. Эта сука уже позарилась на мои берега...

— Госпожа регент, позвольте мне рассказать о цели визита.

— Позволяю.

Девушки расположились за столом. Слуги принесли горькую настойку. Мумей не пила, говорила. Ина пила. Много. Очень много. И слушала. Слушала всё и в заключении сказала неприличное слово, настолько неприличное, что всё приличие совушки сжалось от непристойности.

— Значит, ты посланник. Значит, ты вроде как медиатор. Значит никакой помощи ждать не стоит.

— Моя повелительница желает найти компромисс между Кальмаровыми берегами и Посейдоном. Вот с какой целью я прибыла.

Ина поднялась, стала мерить кабинет шагами. От неё веяло напряжением. Пахло настойкой.

— Шиён? Я не ошиблась, — заговорила регентша — Послушай Шиён, ни ты, ни твоё повелительница не знают, что происходит. Это выше вашего понимания, это выше понимания смертных...

Девушка остановилась у картины. На ней рука художника запечатлела исполинское создание с огромными шупальцами, и гигантским оком.

— Кальмаровы берега, в частности Песочный замок был воздвигнут жителями глубин. Кальмаросы, ты наверняка уже встречалась с ними, их прямые потомки. Люди, в том числе и мои предки, объединились с ними в борьбе против захватчиков, — Ина запнулась осушая рюмку настойки; громко дынула, чертыхнулась, продолжила: — Мой народ и кальмаросы

жили в добре и уважение бок о бок долгие года. В качестве жеста доброй воли, их шаманы выбрали человека в качестве представителя Кальмаровых берегов. Думаю ты понимаешь причину.

— Понимаю. Я очень понятливая девушка. Но как это связано с мятежом?

— Мятежом? — прошипела Ина — Ты видишь в этом мятеж, а я удар по оковам, в которые нас заковали. Мой отец доверил мне регентство, доверил беззащитный народ кальмаросов.

— Тогда зачем вы отдали правления Гавр Гуре?

— Я думала мы похожи. Ошиблась. Очень, — графин настойки опустел, Ина покраснела — Она помешана на превосходстве своего народа. Якобы полубогов, в действительности же самых обычных людей.

— Кальмаросы стали нежелательными...

— ...Совсем нежелательными. Приятно говорить, когда тебя понимаю с полуслова, — госпожа регентша опустошила рюмку Мумей, снова чертыхнулась, выдохнула, продолжила: — Не в силах терпеть этого гнёта, мы выгнали их с берегов. Но кальмаросы недовольны, *Он* недоволен. Нет, не смей спрашивать меня о ком я говорю. Мы не достойны произносить его имени. Он требует расплаты с захватчиками.

— Думаю, вы с радостью это устроите.

— Да. Но не могу. Хочу, очень, но не могу. Если это случится, Посейдон задействует снаряды и...нам всем конец. Гура прекрасно продемонстрировала их единожды, и готова сделать это ещё один раз. Вот только боится. Боится Его. Понимаешь Шиён, я сунула руку в капкан и теперь пытаюсь достать её. Каждая попытка может стать последней.

Мумей понимала и от этого ей стало дурно.

— Ты верно понимаешь, — заговорил Мелинор — Регентша Кальмаровых берегов в полном дерьме.

— В этом же дерьме и Гавр Гура, — подтверждала Аме.

Мумей ничего не ответила, тыкая вилкой в нечто напоминающее мясо. Они расположились в первой попавшейся таверне, занимая неприметный столик в тёмном углу. В воздухе висели облака дыма, смердело рыбой. Было тихо и тепло.

После прибытия в город, троица разделилась. Мумей направилась на встречу с Ина'нис, а её новоиспечённые друзья проводили разведку местности.

Дуэт культистов был прав: Гура и Ина в полном дерьме.

— Я не знаю что делать, — созналась совушка — Для этой задачи нет решения.

— Для каждой задачи есть решения. Да Аме? Ну вот, она со мной согласна и ты скоро согласишься.

— Ну и что вы предлагаете?

— Чтобы ответить на твой вопрос, мне нужно знать, чем окончилась ваша встреча?

— Ничем. Мы разошлись на полуслове. Я обещала написать Таканаши, но в действительности хотела поскорее убраться оттуда.

— А может и правда? — встряла Аме, поднимая бокал пива — Написать Киаре. Глядишь, та чего-нить и придумает.

— Эх Аме, — резюмировал Мелинор — Ничего ты не понимаешь...

Стоял тёплый вечер. Ставни комнаты скрипели, схожий скрип издавали кровати на

коих сидел дуэт культистов. Они сняли две комнаты, одна из которых, по соседству, на эту ночь принадлежит Мумей.

— Я ничего не понимала, не понимаю и не пойму, поэтому буду спрашивать как существо неразумное, за которое меня здесь держат. Какой план?

— Аме, не твоя вина, что ты не понимаешь, — Мелинор поправил капюшон балахона, — Ты не обязана понимать, просто исполняй что велено и служи делу культа. А что касается плана, то он будет. Обязательно будет.

Замолчали, занимая рты яствами. Послышался бубнёж кальмаросов на улице. Ставни раздражающе скрипели.

— Посейдон. Думаешь семечко там?

— Нет Аме, я не думаю. Я знаю, — Мелинор задумался, цепко поймав девушку взглядом — Аме, видели ли ты когда-нибудь мужское тело?

Культист поднялся, уверенно сократил дистанцию. Девушка интуитивно потянулась к рукояти ножа, ощерилась грозно зыркнув. Мелинор скинул балахон, с размаху ударил ладонью по острию ножа. Тишина. Капли крови падают на пол. Кап. Кап. Кап.

— Посмотри на меня Аме. Я идеален, — Мелинор принялся ширить рану, довёл лезвие до запястья; крови было много — А теперь глянь на руку. Что ты видишь?

— Металл?

— Это титанит. Мои внутренности надёжно защищены, но не так надёжно как Посейдон. Ну Аме, понимаешь?

— Хотела бы, но нет...

— Значит ты...робот? Как в сказках.

— Нет Аме. Я — Вознесённый, отринувший человечью плоть и принявший подарок Тех-Кто-Пришёл-Раньше, — Мелинор снова накинул балахон, перевязал кровоточащую рану, чтобы кровь не заляпала кровати (он любил спать в чистоте) — Догадываешься как это связано с Посейдоном?

— Догадываюсь.

Аме всё поняла. Впервые за все годы Аме словно озарило. Члены культа пользовались не магией, как ей изначально казалось, а устройствами первых людей, заселявших землю. По словам Мелинора, Те-Кто-Пришёл-Раньше появились из воды, даруя свет знания неандертальцам. После тысячи лет обучения, совместной работы с предками Кальмаровых берегов, они старательно заселяли пустующие земли. Одна из их главных баз, была в Уничтоженных землях, но после неудачного эксперимента вызвавшего целый ряд катаклизмов, эти полубоги, как их называют, вернулись в море. Море. Посейдон. Гавр Гура.

Аме всё понимала. Ей стало страшно.

— Поняла, — кивнула Мумей — Ина'нис по макушку в дерьме.

Мелинор рассказал совушке обо всём, ничего не утаил. Они вновь заняли уже привычное место в таверне. Кружки пива опустели, до омерзения смердело рыбой. Где-то спорили кальмаросы.

— Это мягко сказано, — соглашался культист — Знай что Гура одна из Вознесённых, Ина'нис ни за что бы не решилась пробуждать Древнего.

— А этот Древний, — встряла Аме — Неужели он такой страшный? Ну вроде как

большой кальмар, но...

— Слишком большой Аме, слишком большой.

— Мелинор, — уверенно начала Мумей — Гавр Гура...

— ...Умрёт чего бы мне это не стоило, — закончила мысль Мумей стоя перед регентшей.

— Похвальное рвение, — Ина улыбнулась одними губами; глаза её плыли от настойки

— И какой у тебя план?

— Ваше высокочестье уверяю вас: он придётся вам по душе.

Море пенилось, волновалось. В небе летали чайки, на поверхности водной глади плавали медузы. Они расступались перед небольшим бригом. На борту находились трое: Аме, Мумей и Мелинор.

— Она согласилась, — будто бы радуясь утверждал мужчина — А значит у нас есть все шансы. Мы отправимся на Посейдон, разведем обстановку и отыщем семечко.

— Мелинор...

— Да. Договор в силе. Я помню, что Гавр Гура не должно умереть раньше Ина'нис. Нет, не надо ничего объяснять. Понимаю: Таканаши попросила об этом. Впрочем, это слишком очевидно.

— Но если, — встряла Аме — Если Гура останется в живых, переживёт всё это, значит будет править на берегах.

Мелинор и Мумей переглянулись, обменялись многозначительными улыбками.

— Ничего ты Аме...

— ...Не понимаешь.

У него, как и у остальных членов культа, не было имени. Однажды, при работе с тёмными личностями, один из них назвал его Вестник. Эта кличка прижилась и стала использоваться повсеместно.

Вестник откликнулся на зов Мелинора. Пригнал в нужное место «косатку». Так называлась подводная субмарина небольшого размера. Овальный мячик — вот на что это было похоже. Её строили при помощи титанита, как и всё что было возведённо у культистов.

— Опаздываешь Мелинор, — бриг пришвартовался к субмарине; герои забрался внутрь.

— Лучше поздно, чем никогда, — Мелинор сел за штурвал, потянул рычаг, нажал на кнопку — Аме, Мумей пристегнитесь.

— Послушай Мелинор, — начала Аме, беспокойно ёрзая на месте; ей было некомфортно, стены словно давили на неё — Если эта образина, Древний, живёт на дне океана, какие гарантии, что мы на него не нарвёмся.

— Гарантий нет.

Субмарина опустилась вниз. В тёмные морские глубины...

Аудиенция Гавр Гуры

Древний, или как говорила Аме, страшная образина не почтил вниманием гостей морских глубин. Субмарина беспрепятственно продвигалась по координатам Посейдона. Стоило им приблизиться на расстоянии ста метров, датчики стали неистово пищать.

— Пытаются взять в прицел, — объяснил Вестник — Запустить торпеды.

— Торпеды? — недоумевала Аме.

— Иначе говоря бомбы.

— И что мы будем делать?

— Я глушу сигнал, — отозвался Мелинор — Мы должны пропасть с их радаров.

— Ну и защита, — вполголоса отметила Мумей — Непрístupная крепость.

— Непрístupная, — соглашался Вестник — Если брать штурмом. Но мы сделаем по-умному, по-хитрому.

Сделать по-умному, по-хитрому означало пробраться на Посейдон через отхожую трубу. О ней рассказал Вестник. Откуда у него эта информация, оставалось загадкой. Впрочем, для находящихся в субмарине главным был результат. Каким путём он будет достигнут, уже не так важно.

— Стыкуемся через три, два, один. Вестник, радар?

— Чисто.

Троица, исключая Вестника, облачилась в странные ярко-жёлтые костюмы со стеклянными шлемами. «Это скафандры, — объяснил Мелинор, — Позволяют дышать под водой.» Для девушек это было что-то сродни магии. Но удивляться времени не было. Открылся люк в задней части судна, и пловцы покинули субмарину.

Мелинор схватил спутниц за руки, потащил в сторону трубы. Она была достаточно широкая, чтобы пропустить их через себя. Теперь оставалось надеяться, что Вестник не ошибся.

— Живы?

Они выплыли в тёмное, вонючее место. Выбрались на сушу. Мумей стошнило.

— Идите за мной. Я смогу ориентироваться в темноте.

— Ну и вонь, — резюмировала Аме — Так и копыта откинуть можно. Давайте убираться отсюда.

— Мумей, готова?

Мумей тошнило.

Мелинор, судя по всему, мог видеть в темноте. Каким образом мужчина это делает, оставалось загадкой. Впрочем, для Вознесённого это простые фокусы.

Троица покинула сточные туннели. Герои вышли в нижние районы, тускло освещённые светом недосыгаемых ламп. Они светили словно звёзды, освещая миллиард лестниц, сплетённых хитроумным узором.

Над головами чужаков раздавались шаги, на лестницах виднелись силуэты местных жителей. Это были уродливые, грязные, вонючие люди вынужденные расплачиваться за любовь своих родителей. Во время движения, Мелинор объяснил:

— Я не застал приход Тех-Кто-Пришёл-Раньше. Тогда меня даже в планах не было, но Вестник, самый старший из нас, он рассказывал, что любовь между Вознесённым и человеком или существом, была запрещена. Плоды этой любви, никто не признавал. Когда возвели Посейдон, им позволили здесь заселиться. На нижних этажах, под ногами полубогов.

— Опять это слово: «полубоги», — шёпотом говорила Мумей, старательно не смотря вниз.

— Для тебя это чуждо, — отвечал Мелинор — Но Те-Кто-Пришёл-Раньше по праву могут считаться высшими существами. Я верю в их богоподобность, ты веришь в Матушку-природу, Аме ни во что не верит. Не всё ли равно, а?

— Мелинор.

— Что Аме?

— Заткнись и следи за дорогой.

Казалось это никогда не кончится. Они двигались по петляющим туннелям, миновали десятки лестничных пролётов. Фонари, местные звёзды с каждым шагом оставались недостижимыми.

Наконец-то троица добралась до лифта. Он вызывался с помощью специально ключа; Вестник предусмотрительно снабдил товарища всем необходимым, в том числе и ключом. Поднимались быстро.

Во время движения лифта избавились от скафандров. Дышать стало свободнее. Весь смрад остался внизу.

Мумей стояла истуканом, пялившись на жителей Посейдона. Это были люди с белоснежной гладкой кожей, облачённые в разноцветные хитоны. Они смеялись, гуляли, танцевали, бросали в корзину продукты и просто общались. Никто из них не мог увидеть троицу чужаков, скрывающихся за зданиями.

— Невероятно, — бормотала Аме — Здесь так...

— Чисто, красиво, благоухающей и ещё можно привести тысячу эпитетов, — закончил Мелинор — Да, здесь прекрасно, но нам нужно спешить. Идёмте. Дворец Гавр Гуры должен находится на главной площади...

Чтобы добраться до главной площади, приходилось петлять узкими улочками, забираться на крыши зданий (благо, они располагались впритык друг к другу, и зачастую сообщались навесными мостами), и делать ещё тысячу и одну хитрость, дабы избежать обнаружения. Двигались тихо, быстро, осматривая окружение и окружающих. Пахло чем-то вкусным. Небо было до неприличия голубым. С севера доносился плеск волн.

Троица потратила много времени, но наконец добралась до цели. Дворец о коем шла речь, был и не дворец вовсе. Киара бы высмеяла его. Это была небольших размеров двухэтажная постройка с куполом на крыше, и единственной башней в двенадцать локтей длины. Через массивные ворота сновали люди; на их головах, как бы показывая статус, лежали золоченые венцы. Они проходились по сверкающему чистому асфальту, обходили зелёные уголки с удивительными растениями.

— Добраться то добрались, но, что дальше? Каков план?

— Аме, знаешь ли ты что такое: «Импровизация»?

Мелинор не умел (да и не любил) импровизировать, возможно поэтому его импровизация не увенчалась успехом. Мужчина предложил подловить несколько жителей, раздеть их и под маскировкой зайти внутрь дворца. Подловили, замаскировались, зашли внутрь. И тут их приняли. Очень больно приняли. Так больно, что Аме потеряла сознание. Мумей едва осталась стоять на ногах, а Мелинор выругался такими словами, о которых местные стражники даже не догадывались.

Троицу повели к царице.

Гавр Гура трапезничала, когда ей доложили о пришельцах. Девушке пришлось прервать ужин и позволить пажу сопровождать себя. Слуга привёл её в комнату, где повязанные словно тюки сена лежали чужаки. Их обвязали стальными цепями, заковав руки и ноги. На всякий случай.

— Эти люди выбрались на поверхность, несмотря на ваш запрет, — объяснил один из стражников — Мы хотели исполнить приказания, то есть уничтожить на месте, но...

— Свободны, — повинувшись царице Посейдона стража бегло покинула комнату; закрыла дверь. — Люди значит. И правда, вы только поглядите кто здесь у нас: Аме из Песков, дитя природы и... Вознесённый. Допустим меня не интересуется, что наёмница из Песков делает здесь, допустим также что я закрою глаза на отпрыска Матушки-как-её там, но Вознесённый...

— Ваше величество, — заговорил Мелинор — Мы можем всё объяснить.

Воцарилось молчание. Гура сидела на стуле, подле лежащих на земле чужаков. Девушка стучала пяткой, старательно обдумывая сказанное. Ей всё рассказали, особенно красочно нарисовали угрозу Ина'нис.

— Значит вы пришли помочь? Не верю. Не верю я так же в Древнего. Это всё сказки, ровно, как и ваша самоотверженность.

— Моя владычица...

— Молчи ничтожество, — прервала царица Мелинора — Вознесённый? Нет, ты жалкая поделка на детей Тех-Кто-Пришёл-Раньше.

— Мы можем убить Ина'нис Ину!

— И что Аме? А я могу убить вас, что и собираюсь сделать. Признаюсь: нечасто меня посещают гости. Это единственная причина по которой вы живы.

— И мечь... — неуверенно начала Мумей — Мы вам нужны. Я знаю это. Я знаю как выглядят глаза человека, живущего мыслями о мести...

Мумей была права. Гавр Гура была обозлена на Ину, ведь та посмела тронуть потомком Тех-Кто-Пришёл-Раньше. Резня в Песочном замке, и во всех Кальмаровых берегах больно ударила по самомнению царицы Посейдона. Она ощущала себя котом, которого победиламышь.

— Да, — спокойно призналась Гура — Это так, но какой вам с этого прок? В частности тебе рабыня. Что, удивлена? У меня отличная память, особенно на тех кто пытается спасти свою жизнь бегством. Ты мнишь себя великой мессией, мстишь одному и второму, ощущаешь себя скользкой змейкой? Ну, я права? Права, конечно права. Мелинор? Так твое имя? Могу поспорить что тебя, и Аме впридачу, ваша уважаемая подруга хочет убить.

— Знаю. Это очень бодрит.

— Ха! Бодрит! — Гура пристально взгляделась в глаза Мумей, выдержала паузу — Знаешь, и всё равно вы работаете вместе. Как там говорится: враг моего врага, мой друг? Ладно. Стража! Мужчину и блондинку в камеры. Хочу поговорить приватно.

С Мумей сняли оковы, усадили на стул. Усадили очень любезно, так любезно, что девушка боялась пошевелиться. Боялась так же глядеть на Гуру, а та смотрела прямо в глаза. Когда в комнате никого не осталось, царица Посейдона заговорила:

— Ты влезла в опасную игру рабыня.

— Я...

— Мне безразлично кто ты. Ты — *рабыня*. Раньше людей в чёрных балахонах, сейчас своей мести и на данный момент моя личная рабыня. Быть рабыней твоя судьба. Ты говорила, что тебя послала Таканаши. Это ничего не меняет. Она не дерзнёт напасть на меня, поэтому ты в очень щекотливом положении.

— Я могу вернуть вам берега.

— Они мне не нужны.

— Помогу отомстить.

— Месть удел слабаков.

— Я...

— Ты ничего не можешь мне предложить.

— Но вы не убиваете меня. Почему бы это?

Замолчали. Гура снова цепко ухватилась взглядом за Мумей, словно желая сломить её, но совушка держалась уверенно. Она знала, что делает.

— Мелинор, — внезапно сказала Гавр — Он помогает тебе не просто так. Я хочу знать причину.

— Он ищет...

— Ясно. Догадываюсь что он ищет, а так же догадываюсь как вы пробрались на плавучий город, — Гура замолчала, постукивая пяткой — Погляди как выходит: Мелинора я не могу оставить в живых — он прибыл сюда как вор. Следовательно, и ты выбываешь из этой игры.

— Могла бы. Но вот в чём дело...

Дело было следующее: Мелинор имел сообщников, и базу где-то на Уничтоженных землях. Пока они живы, пока база цела, Гура будет ожидать подлянки от них. Мумей намекнула, что нажатие на одну кнопочку, позволит решить эту проблему быстро и без проблем. Но перед этим следовало предотвратить последствия в виде Древнего, ведь если Посейдон запустит снаряды, Ина'нис не станет долго думать, и спустит с поводка своего зверя.

Мумей ощущала себя змеей: гадкой и скользкой. Она ликовала.

— Bravo, bravo! — Гура сухо захлопала — Значит не правда, что у лесных жителей в головах опилки.

— Кажется моя жизнь становится ценнее с каждой минутой. Берегитесь, — дерзко парировал Мумей — Как бы цена не стала неподъемной.

Гавр насупилась, пронзила взглядом. После смягчилась, блеснула хищным оскалом.

— Убедила. Да, союз с тобой принесёт мне пользу. Ну и? Какой у тебя план?

— Дурной план, — бурчала Аме, сидя на полу камеры; рядом расположился Мелинор.

Мумей пришлось схитрить. Она приукрасила свой рассказ, и не стала говорить о целях Гавр, упомянув что она хочет ударить снарядами по Кальмаровым берегам. Каким образом эти снаряды попадут по базе Мелинора, совушка не понимала. Впрочем, сейчас это вовсе не важно. Чтобы осуществить задуманное, Гуре потребуется помощь Мори Каллиопы. Ставка была на то, что богиня мёртвых заберёт душу Древнего.

Мумей ощущала себя змеей: гадкой и скользкой. Она была воодушевлена.

— Мумей, касательно Вестника...

— Нет. Ничего о нём не сказала, да и она не спрашивала...

— Славно. Я передал ему сигнал. Он будет рыскать в поисках семечки. Да, помню: план и моё обещание. Не переживай, я держу слово.

— Давно хотела спросить, — встряла Аме — Как ты общаешься с ним? Как-то... телепатически?

— Ты не поймёшь.

Мумей под конвоем сопроводили к пристани. Она то и дело ловила на себе пристальные взгляды жителей Посейдона. В их глазах отображалась ненависть, брезгливость, страх. Возможно не будь рядом Гуры, потомки Тех-Кто-Пришёл-Раньше устроили бы самосуд. Но в присутствии царицы никто не решался переступить границу дозволенного.

Конвой прибыл на пристань, моряки стали подготавливать шлюпку к отплытию.

— Рабыня, если ты сбежишь твои друзья умрут. Впрочем, это не сильно тебя волнует, поэтому скажу иначе: если убежишь, потеряешь шанс отомстить обидчикам, тем кто пять лет назад вторгся на Новую землю.

— И вам так же.

— И мне так же. Будь спокойна, когда придёт время мы решим это. Сейчас же объединимся перед лицом общего врага. Помоги мне, а я помогу тебе.

— Когда Древний будет убит...

— Сначала я ударю по Кальмаровым берегам, а после и по Уничтоженным землям. Да, я помню что должна делать. Лучше подумай как склонить Каллиопу на свою сторону. Она не из податливых.

— Я справлюсь.

«...Потому что пути назад нет.»

Чумные земли

Чумные земли стали домом для тысячи нелюдей, мертвецов и монстров. Они ревностно охраняли свои владения не позволяя чужакам, в частности разного рода алхимикам, некромантам, и шарлатанам шастать по болотам ведьм, пустырям скелетов, деревьям вампиров и т. д. Ежели отыскивался молодец аль девица, что решали смелостью блеснуть, да во владения госпожи Каллиопы вторгнутся, то с ними не церемонились. Тела подвешивали на позорные столбы, украшали выставленные вдоль дорог шибеницы. Это должно было заставить путешественников, дважды подумать и повернуть назад. Должно было, но не помогало.

Когда вторженец пересекал границу, он тут же становился целью для роты смерти. Это был специальный отряд сформированный для защиты от чужаков. В его главе стоял офицер первого ранга при службе у тёмной госпожи, лич по имени Фельдись. Он отличался особой жестокостью, и подданных набирал подстать себе.

Зачастую, после поимки вторженца, его заставляли «петь», тем самым предупреждая возможных дружков оставшихся позади. А чтобы, он брал лучшие ноты ломали кости, предпочитая начинать с ног. Далее его подвешивали на сук, или шибеницу и развлекались пока душа не покинет тело.

Так рота смерти делала испокон веков, так она делала в прошлом месяце, и неделю назад, так она сделала бы и сегодня. Сделал бы, но приказ был иным.

— Брать живьём!

— Господин лич, — начал обросший шерстью вурдалак, возбуждённо поигрывая крылышками — Я не ослышался? Вы приказали брать живьём?

— Живьём. Следите, чтобы чужак не помер раньше времени.

Рота смерти лавиной обрушилась на дорогу. Костяные кони летели со скоростью стрел, всадники размахивали сталью. У чужака не было ни шанса. Вскоре его сбили со седла, зарезали лошадь. Слышались отчаянный визги, безумный хохот мертвецов.

Вторженца связали верёвками, словно тюк соломы. Заткнули рот. Воцарилась тишина.

— Господин лич, разрешите спросить?

— Спрашивай.

— Почему мы взяли пленника? Мы никогда не делали ничего подобного, — вурдалак зло сжал вожжи, фыркнул — Сдирали кожу, обливали смолой, выкалывали глаза, сували...

— В этот раз совать не будем, — безапелляционно ответил Фельдис — А приказ, Вурди, не обсуждается. Дать ходу!

Отряд Фельдиса расположился в одном из замков. Тамошний хозяин выделил им верхнюю комнату башни под личные нужды. Он знал: раз нагрязнула рота смерти, значит дело серьёзное. Дело и правда было серьёзное.

Фельдис остался с чужаком наедине. Это был не слишком низкой, но отнюдь не высокий индивид скрывающий свой лик за капюшоном длинополого плаща. По тонким пальцам, можно было понять что эта девушка. На удивление она держалась стойко. Скрежетала зубами, метаясь взглядом из стороны в сторону.

Лич сорвал капюшон вторженца. Лицо показалось ему смутно знакомым.

В комнате было холодно. По приказу Фельдиса принесли разогретую воду, зажгли свечи. Пока добывали огонь лич пристально вглядывался в глаза пленницы. Он видел в них решимость. «Интересно однако выходит. Три дня назад я получаю приказ от тёмной госпожи брать чужаков в плен, а сегодня ловлю такую важную пташку. Чёрт, где же я её видел.? »

Как оказалось минутой позже, он видел её при дворе Таканаши Киары. Особа сидящая перед ним, была никто иной как графиня Шиён ко не Субору. Это меняло дело.

— И что вы, достопочтенная госпожа делаете здесь?

— Вы сами меня связали, и...

— Прошу не паясничать, — глазницы лича вспыхнула алыми всполохами, голос приобрёл твёрдость — Вы, госпожа Шиён ко не Субору прекрасно понимаете мои слова. Въезд в Чумные земли запрещён. Это карается смертью. Никакая бумажка вам не поможет. А теперь рассказывайте. Всё рассказывайте и ничего не утаивайте.

И она рассказала. Всё рассказала и ничего не утаила.

Мумей начала понимать почему лжецам трудно живётся — они забывают, что и кому солгали. Впрочем, сейчас она говорила правду, по крайней мере в большинстве своём. Лич слушал внимательно, не перебивал. К концу рассказа, когда кружка опустела, а пламя поглотило половину свечей, Фельдис заключил:

— Война между Кальмаровыми берегами и Посейдоном? И вы в роли медиатора от Флайма? Верно говорю?

— Верно.

— Так что вы, медиатор от Флайма, делаете на Чумных землях? Для связи с тёмной госпожой отправляют птичек. Таканаши Киара это знает, и часто использует своих курочек-посыльных.

— Не всё можно доверить бумаге, — Мумей заговорчески поддалась вперёд — Особенно когда речь идёт о...

— Великой душе, — объяснялся перед канцлером Фельдис — Дело очень важное, как мне кажется срочное...

— Ты хорошо сделал, что прибыл в замок, — отвечал зомби облачённый в широкополую тёмную мантию с красными отточками — Уверен, она заинтересует госпожу.

— Так госпожа примет её?

— Примет. Но перед этим гостью нужно подготовить.

Мумей была ошеломлена. В комнату залетела троица духов. Это были женщины с развевающимися по ветру волосами, втаскивающие больших размеров сундук. В нём, как оказалось минутой позже, находились платья на любой вкус, косметические принадлежности и остальные «женские штучки».

— Мы сделаем из тебя кокетку!

— Ох, какая милашка нам досталась. Дорогая, сегодня ты затмишь всех!

— Всех, кроме тёмной госпожи.

С Мумей в тот час стянули плащ и всё, что было под ним. Облачили в длиннополое

платье, с глубоким до безобразия вырезом и стали пудрить щёки. Тройняшки игрались с девушкой, словно та была куклой. Тянули, щипали, тыкали. Ей было очень неприятно, и это «неприятно» было готово сложится в кулак. Но совушка стоически терпела эти муки красоты. И наконец вошёл лич, объявил:

— Отправляемся.

Каждый день Мори Каллиопа трапезничает со своей семьёй. Чем бы она не занималась, в пятом часу вечера, владычица мёртвых спускается в обеденный зал. Там она застаёт всю семью в сборе: отца, мать, сестру Эрнольд, сестру Перфору, брата Каспера, дядю Дрена, тётю Сесилию, двоюродного брата Вели, и троюродного малыша Роджера. Они сидят за устланным белоснежной скатертью столом, неподвижные как восковые фигуры, откинувшись на спинках стульев. Исключение составляет лишь дядя Дрен — его череп лежит на тарелке.

Калли дарит поцелуй родителям, здоровается с остальными и садится во главе стола, как и подобает хозяйке рода. Ни разу никто из присутствующих не отвечал ей. Они мертвы, но это не умаляет любви девушки к своей семье. Возможно когда-нибудь, они смогут получить шанс на вторую жизнь. Над этим девушка работает изо дня в день.

Звенит хрусталь. Подают блюда, наливают вино. Слуги делают всё быстро, и у тёмной госпожи нет поводов злиться. Но вот входит канцлер, и Калли острым взглядом пригвождает его к месту.

— Минута.

Канцлер уложил свой рассказ меньше чем в минуту, и довольный ожидал указаний. Он знал, что госпожа мёртвых не любит когда её отвлекают от еды. Но ещё больше она злиться, когда кто-нибудь видит её в кругу семьи. Сейчас же лицо Калли не выражало гнева. Зомби позволил себе ещё несколько слов.

— Достаточно. И где она?

— Вот-вот будет в замке. Велите пригласить к столу?

Девушка окинула взглядом семью. Никто не возражал.

— Велю.

Мумей чувствовала себя неуютно. Она сидела напротив Каллиопы. Взгляды семьи, их черепа, были обращены на неё. Для храбрости совушка выпила бокал вина. И на этом решила не останавливаться. Пока опустошала принесённую слугами бутылку, рассказывала о цели своего визита и плану по уничтожению Древнего. Краем глаза девушка замечала, как Калли бережно гладит ладони скелетов сидящих рядом. «Брр, ну и жуть!»

— Любопытно, — голос владычицы мёртвых приобрёл нежные тона — Кальмаровы берега падут, Посейдон утонет... Конец света, не так ли?

— Жизнь, — парировала Мумей — Шестерёнки жизни крутятся: одни уходят, другие приходят.

— Забавно это слышать от той, кому пришлось уйти, — воцарилось молчание; Калли продолжала гладить костлявую ладонь матери — Ты очень смышлёная для своего возраста — это впечатляет, но недостаточно смышлёная, чтобы подумать о том что пьёшь. Знаешь что такое смаковка?

Мумей знала, но не ответила. Отставила бокал, глянула на бутылку вина. «Это какая-то странная шутка или тупой блеф».

— Богиню мёртвых не так уж легко напоить. Приходится прибегать к тоникам. Смаковка один из них, — Калли пригубилась к вину, облизала губы — Сейчас тебе станет холодно. Через десять минут ты почувствуешь сильную усталость, а после...

— Зачем вы мне это говорите?

— Хочу чтобы ты покаялась. Да, раскаялась во всех поступках. Мне интересно кто ты, прячущая лик за маской Шиён ко Субору. Удивление ты скрыть не в силах. Значит я оказалась права. Твоя душа, и душа Шиён абсолютно разные. Внешне вы может быть и похожи, особенно для близорукой Таканаши, но цвет энергии у вас разный. Твоя только немного запятнана чернилами, а у той девицы, чью роль ты избрала, всё было черным черно. Ну, будешь исповедоваться?

Мумей исповедовалась. Она исповедовалась ощущая холод, исповедовалась пытаясь не уснуть, исповедовалась искреннее и рассказывала только правду. Девушка не боялась, скорее хотела выговориться, быть может получить сочувствия за перенесенные страдания. Каллиопа молчала.

В тишине Мумей уснула, уткнув нос в тарелку.

— И всё-таки смертные, ужасные эгоисты. Всё о себе, да о себе...

Мумей проснулась, но встать не смогла, тому мешало сильные головные боли и бурление в животе. Она располагалась в большой комнате, лёжа на широкой кровати, одна в мёртвой тишине. Окна были зашторены. В воздухе летала пыль.

Спустя некоторое время, слышались шаги. Через порог переступила Каллиопа. Её уста игриво ширились, глаза выдавали проказу. «Солгала. Она мне солгала. Это был не яд, это... О, Мать-природа, да я просто наклюкалась!»

— Признаюсь, — богиня мёртвых медленно брела к кровати — Твоя история меня развеселила, и даже вдохновила.

— Вы мне солгали.

— Каким же образом? Я спросила, знаешь ли ты смавку, рассказала про неё и упомянула, что это один из моих тоников, — Калли опустилась на кровать; в полумраке её силуэт дышал волшебством — Ты сама решила, будто я тебя травлю. Нет, поступать так было бы опрометчиво.

— Дайте угадаю: предложение от которого невозможно отказаться?

— Нет. Плата за просьбу. Не думала же ты, что всё будет так легко?

Всё было совсем не легко. В этом Мумей убедилась спустя несколько минут.

Они вышли на балкон. Ветер обдувал шпиль замка, приносил смрад соседних болот. Мумей кривилась от зловония, но открывающийся вид того стоял. Отсюда, с высоты более чем двадцать метров, можно было увидеть огромную глыбу, возвышающуюся над Чумными землями. По словам Калли, это обелиск душ. Именно он приманивает души, и вселяет их в мёртвые тела.

— Каждое существо рано или поздно погибает, — менторским тоном начала богиня мёртвых — После этого, его душа проходит через обелиск. Там она находит покой. Ты меня не торопишь.

— Интересно рассказываете, — Мумей скрылась под плащом, дрожа от холода — Продолжайте.

— Каждое существо подчиняется этому закону. Все, кроме фениксов. Ты знаешь, кем

является твоя госпожа?

— Знаю. Знаю также, что её тело — это лишь оболочка. Когда она погибнет...

— ...Её душа устремится на *край света*. Но, где этот край света, и почему после смерти души фениксов не подчиняются мне. Над этими вопросами я долго думала. Очень долго.

— Не понимаю, зачем оно вам? Душой больше, душой меньше...

— Я никогда не забирала души фениксов. Никогда за всю свою долгую, очень долгую жизнь. К тому же, — девушка запнулась, старательно подбирая слова — К тому же ходит легенда, что пепел феникса способен возродить.

— И вы хотите смерти Таканаши, чтобы возродить...

— Молчи. Ты очень умная девочка, и как очень умная девочка думай о чём говоришь.

Мумей замолчала. Она попала точно в цель.

— Ну, твоя голова уже прошла? Мы можем говорить о делах?

— Да госпожа, — Мумей осушила стакан воды; её мучила ужасная жажда — Если вам будет угодно.

Девушки расположились в гостиной, усадив пятые точки на мягкие кресла. Из коридоров доносилось шарканье. Свистел ветер. А может и не ветер вовсе. Из-за угла подглядывали призраки.

— Не буду петлять и заявлю прямо: я хочу душу Таканаши Киары, — не стала петлять и заявила прямо Калли, — Взамен я готова расправиться с Древним. Забавно, я помню его ещё совсем малышом. Как быстро время летит...

— Наверняка у вас уже есть способ умерщвления фениксов.

— Есть такой, и даже несколько. Один из них — ритуал. Я предоставлю тебе книгу.

Прочтёшь по пути.

— Значит, вы меня отпускаете?

— Ну, пьянеешь ты быстро, историями рано или поздно наскучишь, к тому же Таканаши будет переживать, — богиня мёртвых смерила гостью взглядом, словно желая проверить на прочность — Не забывай про наш союз, и тогда все останутся довольны.

Мумей смиренно поднялась. Сделала несколько шагов к дверям.

— А, и Шиён, — совушка застыла — Чтобы убить, мне необязательно появляться перед глазами существа. Помни об этом.

— Буду помнить.

У роты смерти было особое задание. Они эскортировали одну важную особу, доверенную им лично в руки тёмной госпожой. Задачей было сопровождение до границы, и далее в сторону берегов. Такой почёт льстил Фельдису. Он был доволен собой, задира нос перед вурдалаками. Что ж, его слава вполне заслужена.

Лич неоднократно справлялся о комфорте Мумей. Та отвечала кивками, не в силах оторваться от читаемой книги. Ни танцы скелетов, ни вой вервольфов, ни уж тем более скачки всадников без головы не могли ей помешать. Эта рукопись завладела её вниманием без остатка.

Сегодня Мумей узнала как умерщвлять фениксов.

Падение Посейдона

Две недели назад Мумей покинула Кальмаровы берега, получив разрешения от регентши. Ина понимала, что удержание медианта ничем хорошим кончиться не может, поэтому вняла гласу благоразумия и отпустила её на все четыре стороны. Эти четыре стороны, как уверяют разведчики, вели на Чумные земли. Теперь правительница берегов, многое поняла. И понимание этого, заставило её поднять купол над Песочным замком. Стены-щупальцы потянулись к солнцу, сплелись в крепкую хватку. Воцарился сумрак. Стихли голоса. Тихий шёпот гулял по районам. В окнах зажигали свечи.

С тех пор Ина'нис проводила время в пещере. На небольшом островке в окружении воды, девушка безрезультатно взывала к Древнему.

*«Взываю к тебе, морской повелитель,
на зов мой откликнись, штормов гонитель...»*

Капли воды стекали по каменному своду. Кап. Кап. Кап. Девушка лезвием полоснула ладонь. Капельки крови стекали воду. Кап. Кап. Кап. Пахло воском. Пламя свечи беспокойно плясало.

<<...Кровью насытись, пробудись ото сна,

подчинись мне Древний, услышь меня...»

Послышался грохот, земля затряслась.

— Древний пробудился.

Стояла светлая ночь. Через морские просторы, луна тянулась к утёсу. Там, на самом краю стояла девушка. Она застыла раскинув руки, обнимая целый мир. Волны штормовали прибрежные скалы, прыгали вверх, кусали пятки, оставляли капельки на белоснежной коже загадочной незнакомки.

*«В полнолуние из дома не суйся,
страшный тот час,
когда зло вылезает из гроба,
когда смерть гуляет среди нас.»*

Луна осветила девушку, сорвала людскую маску, обнажила бессмертные кости. Никто и никогда не видел истинный лик Смерти. И хорошо, ибо это было кошмарное зрелище. Тощая костлявая фигура, с копной белоснежных волос, высушенным словно лимон лицом, сжимающая в руках сверкающую косу. Вот как выглядит Смерть, так выглядит Каллиопа Мори, богиня мёртвых, наводящая ужас на живых.

Она камнем прыгнула в воду. Волны утащили её на морское дно.

— Царица! О царица!

— Пшёл вон дурковатый! Какое ты имеешь право, вваливается в комнату царицы Посейдона?! Ты — мерзкая букашка, ничтожный сопляк, как смеешь тревожить меня посреди ночи?!

— Госпожа! Госпожа пощадите! Не бейте, не гневайтесь! Море! Море волнуется, очень волнуется.

Море волновалось. Так сильно волновалось, что потопило южный порт плавучего

города. Посейдон поднял купол, поместил себя в некое подобие мыльного пузыря. Рычала гроза, небеса истерили, волны безумствовали. Это ночь была кошмарной.

— Ну, что там по радару?

Гура самолично прибыла в штаб командования Посейдона. Поднялась в главную рубку, где днём и ночью заседал флотский состав. Они сидели за терминалами, следили за показателями плавучего города. Перед ними находился большой широкий экран, с надписью: опасность.

— Госпожа, радары засекли нечто большое по курсу, — работник отбивал ритм по клавишам — Судя по данным, оно живое.

— Камеры?

— Из-за дождя ничего не видно, — отвечал второй работник — Патрули пропали. У нас нет информации.

Посейдон подпрыгивал на волнах, его бросало из стороны в сторону. Показатели купола падали, он трещал по швам.

Закончилось всё ранним утром. Проснувшиеся солнце будто нянька успокоила хнычущее море. Посейдон потерял южные районы плавучего города, нижние кварталы затопило, но он всё ещё был на ходу. Гура догадалась что произошло, и была готова выполнить свою часть плана.

— Внимание, — девушка задрала подбородок, почтила работников взглядом — Запустить снаряды. Цель: Песочный замок.

Благодаря ночным событиям, Мелинору и Аме удалось ускользнуть из темницы. Это было просто, учитывая панику стражников. В нужный момент культисты схватили одного из них, прижали к клетке, забрали ключ и отперев дверь вступили в неравный бой. Выли сирены, звучали проклятия, звенела сталь. В этой вакханалии никто не обращал внимания на беглых преступников. Все были поглощены спасением своих шкур.

Герои связались с Вестником, перегруппировались, облачились в скафандры и двинули в сторону главного реактора, питающего весь плавучий город. Это было массивное сооружение в виде огромной колбы, сообщаемой кабелями с несколькими колбами поменьше. В каждой из них находилась энергия. Первозданные души. Сущности Тех-Кто-Пришёл-Раньше.

Согласно уговору с Мумей, они дожидались первого выстрела. И вот спустя несколько часов ожидания, прозвучал хлопок. Тут же культисты разбили колбы, забрали большие тяжёлые шарики, и спешно ретировались в сторону субмарины. Стоило спешить, ведь Посейдон быстро уходил ко дну.

Через динамики сообщалось о готовности причалить к берегу, поступали приказы готовится к бою. Будет кровь, будут смерти. Но культистов это уже не беспокоило. Они выбрались из отхожей трубы, добрались до субмарины (её потрепало, но она всё ещё работала) и двинулись как можно дальше. Теперь им здесь делать нечего.

Земля дрожала, в воздухе свистели болты и стрелы. Море выбрасывало лодки посеидонцев. Кальмаросы встречали их пиками и выстрелами из пушек. Не давали высадиться на берег, живой стеной стояли за свои границы. Была страшная резня. Песок стал красным от крови.

Благодаря куполу из шупалец-стен, Песочный берег частично уцелел, но большая часть столицы была разрушена. Ина'нис Ина выжила и самолично вела в атаку своих подданных. Она билась в безумном исступлении, рубя направо и налево.

Бойня продолжалась до последнего кальмароса, до последнего кработоса и креветоса. Бойня продолжалась до последнего существа. Но она закончилась, и Гавр Гура воздвигла знамя Посейдона на руинах Песочных берегов. Это была её победа, но победа доставшаяся слишком высокой ценой.

Раненые стенали. Бойцы обирали убитых. Дул тёплый ветер, приносящий смрад мёртвых тел и пота.

Ина'нис Ине лежала неподвижно. Первая пуля раздробила ей колено, вторая пробило лёгкое. Всё что она сумела сделать — вылезти из-под трупа кальмароса, на свежий воздух и солнечный свет. Ей было холодно, кровь толстой струёй пачкала подбородок, в глазах темнело.

Некто подошёл, сел рядом.

— Сегодня на берега *вторглись* посейдонцы, — Ина узнала голос Шиён — Какого это, когда тебя выгоняют из дома, когда разрушают жилище, вырезают семью?

Ина не могла ответить, силы стремительно покидали её. Мумей стало противно смотреть на стенания умирающей; она ощущала себя выше этого. Совушка помогла ей — закончила страдания, одним быстрым, чётким ударом в сердце.

Калли вынесло на берег. К её костям прилипли водоросли, глазницы жгло ярким светом. Чьи-то руки резко подняли её, усадили в катафалк, укутали в саван.

После «обнажения» истинной сущности, иначе говоря «поцелуя луны» девушка ощущала себя ослабленной. В любой другой ситуации, она не стала бы прибегать к подобному методу, но её сила была ограничена и чтобы снять ограничения, требовалось отбросить людскую оболочку. Платой за силу, были души. Сегодня она потратила несколько тысяч, но сущность Древнего того стоила.

Ей хотелось, как можно быстрее вернуться на Чумные земли, окунуться в кровавую ванну и вновь принять человеческий облик. Но ещё остались незавершённые дела. Дела которые могут принести ей душу Таканаши Киары, и этим делами девушка не станет пренебрегать.

— Эй, кто это?

— Госпожа, имею честь сообщить, что мы — рота смерти. Личный состав первого офицера Фельдуса. Мне позвать его?

— Зови.

Калли укуталась в саван, словно желая спрятать своё сгорбленное, костлявое, веткое тельце. Она едва передвигалась, но заставила Фельдуса уединиться с ней во время стоянки. Царица мёртвых потребовала доклад.

— Ваша гостья была доставлена к берегам, — лич волновался, как волнуется слуга перед лицом повелителя — Далее пожелала отправляется одна. Мы выдали ей лошадь, снабдили снаряжением...

— Ситуация на берегах? — Калли хрипела; её голос был едва слышен.

— Флот под командованием Гав...

— К сути.

— К сути: Песочный замок уничтожен, флот Гавр Гуры захватил берега.

— Выжившие?

— Со стороны народ берегов точно нет. Их вырезали под корень. Может кто-то и выжил

но...

— Но это не важно! Не важно вам говорю! Какое ждать?! Как ты можешь советовать ждать, когда бить нужно сейчас! Какой ты к чёрту советник после этого, если советуешь мне чушь! А ну выпороть его!

Таканаши Киара топнула ногой, как топает всегда, когда злится. Плачущего советника утащили.

Пару минут назад, к ней в тронный зал ворвалась курочка-гонец. С неё лился третий пот, зрачки безумно бегали под действием адреналина, крылья дёргались от возбуждения. Она была послана, чтобы следить за ситуацией на берегах и когда Посейдон ударил по Песочному замку, вернулась к хозяйке с докладом. Умная курочка, очень умная.

— Курочку отмыть, накормить и привести в готовность, — слуги схватили пернатого героя, выбежали из зала — Птиценот, войска готовы?

— Всегда готовы! — отвечала здоровенная детина в два метра ростом, с крепкой грудью и толстой шеей — Отдайте приказ, и войска пойдут в атаку!

— Приказ, — Таканаши Киара ухмыльнулась, облизала губы — Атаковать берега. Каждого кто станет сопротивляться, под меч!

«Под меч!» — подхватили придворные. Цыпоград возбуждённо провожал героев...

Плата за месть

Удача Мумей подошла к концу. Стоило ей вогнать стилет в грудь Ина'нис Ины, как тут же послышались крики и проклятья. Это был отряд посейдонцев, то ли отставший от основных сил, то ли, что вероятно, мародёрствующий позади войска. Они, словно стая голодных псов, бежали к девушке, пророча ей не сладкое будущее. Не сладкого будущего, совушка не хотела. Встала и поспешила ретироваться. Но далеко убежать не смогла. Ещё один отряд перекрыл ей дорогу.

В яростном исступлении Мумей махала стилетом, бросалась то в одну сторону, то в другую. Враги взяли её в кольцо, пускали издёвки. Это посейдонцы, высокомерие у них в крови. Но оно закончилось, стоило девушке полоснуть одному по горлу.

Тут же воцарилась суматоха, недруги стайей налетели на Мумей. Сбили, стать бить ногами. Последнее, что запомнила девушка, это крик. Очень громкий, и ужасно знакомый крик.

После падения Посейдона, Гавр Гура задалась одним очень правильным вопросом: куда подевались пленники? У царицы плавучего города, был вариант, что они сбежали, а быть может утонули. Но раз сбежали, то куда, а раз утонули то где? Трупы нашли бы. Спасатели работают целое утро, вылавливая тела убитых.

Гура была уверена, что они сбежали, прихватив с собой частички Тех-Кто-Пришёл-Раньше, прародителей жителей плавучего города. Это не должно было сойти им с рук. Более того, без их энергии Посейдон не поплывёт. Несмотря на разрушения, флот сможет вновь выйти в море, если в реакторе будет энергия. Её нет, нет и культистов. Об этом царица Гавр расспрашивала Мумей. Очень больно, и достаточно долго расспрашивала. Расспрашивала используя разного рода инструменты с тупыми концами; расспрашивала вопреки крикам и заверением в невинности.

— Это становится утомительно, — Гура отбросила погнутую железяку, отошла от пленницы — А я не люблю утомляться.

Мумей была привязана к стулу. Путы крепко держали её лодыжки и запястья. Лицо превратилось в один большой синяк. Из-под одежды выглядывали свежие кровоподтеки, проглядывались фиолетовые гематомы. Она харкнула кровью, заляпав белоснежную тунику Гуры; улыбнулась, обнажая выбитые зубы. Её взгляд бросал вызов.

Ветер волновал стены шатра. С улицы доносился гам посейдонцев.

— Я не люблю утомляться, потому что когда я утомляюсь, становлюсь поспешной. Будучи поспешной, я могу допустить ошибку, — Гура подошла к столу, схватилась найденный у виновницы стилет — И эту ошибку, уже нельзя будет исправить. Рабыня, отвечай, признавайся, где твои подельники?! Они не могли уйти на Уничтожение земли! Они где-то здесь, ждут, пережидают, готовятся. Да, да, да?!

Царица Посейдона, приставила лезвие к запястью заложницы, второй рукой схватила за волосы, потянула на себя. В её глазах играли безумные огоньки. Она была злая, уставшая, и голодная. А когда хищник голоден, он разрывает добычу на куски.

— Где. Твои, — Гура говорила медленно, с каждым словом лезвие поднималось от запястья к локтю, оставляя за собой алую дорожку — Подельники? Где они?

Мумей не смогла ответить. Она потеряла сознание.

Ей снился сон. А быть может это и не сон вовсе? Мумей не понимала. Она стояла перед алтарём, на коем покоилось тело Фауны. Ах, тело Фауны, это прекрасно тело лесной нимфы с тонкими губами, медовыми глазами и бархатной кожей. Совушка услаждала взор этим зрелищем, не замечая лежащих вокруг тел. Это были трупы, от которых вода вокруг их островка стала алой. Она была *слепа* к другим, всецело отдавая себя подруге. Ах, Фауна, как ты прекрасна...

И снова клещи вырывают её из сна. Туда, где холод и боль.

— Госпожа, при всём уважении если вы продолжите в том же духе, она погибнет, — медик перевязал раны Мумей, заштопал запястье, — Возможно вам следует попробовать...

— Это уже моё дело, что я буду пробовать. Перевязку закончил? Ну так проваливай отсюда!

Медик ушёл, унося с собой запах шалфея. Гавр приблизилась к заложнице, впилась взглядом. Мумей была готова ко всему.

— Ты не глупая, всё понимаешь. Понимаешь в каком положении оказалась, понимаешь что не выйдешь отсюда живой, а можешь выйти, если будешь разговорчива и...

— Я не знаю, — бурчала Мумей — Не знаю где, и... Не знаю я. Не знаю.

— Ясно. Значит подожду пока узнаешь. А пока жду, проведу тебе сеанс прижигания. Хорошая штука. Говорят помогает при кожных заболеваниях. Ну, есть у тебя кожные заболевания? Да вот кажись, прямо на груди и есть. Эй ты, тот что с длинным носом, исполни свой служебный долг и принеси мне щипцы. А ты, тот что надутый как шар, разожги огонь. А ты, — Гура приблизилась к заложнице, лоб к лбу, глаза в глаза — Готовься говорить. Потому что мне становится утомительно, а когда мне становится утомительно я начинаю спешить...

Посейдонцы уже разделили добычу, возвели укрепления своего временного лагеря и теперь разбрелись на скопы, поглощая запасы провианты. Из шатра, стоящего в центре лагеря, раздавались дикие, нечеловеческие крики и хохот. Это был хохот хищника загнавшего добычу в угол, хохот нечеловеческий, хохот леденящий вены.

— Чего не ешь?

— Да что-то расхотелось...

Мумей снова отключилась. То ли из-за зрелища, кое теперь представляет её грудь, то или из-за очередного прилива боли. Гавр Гура и правда спешила, и только стойкое желание отомстить придавало заложнице сил. Она жила вопреки всему, жила с мыслью о расплате, о часе когда они поменяются местами.

Два дня и три ночи стояли истошные крики, с промежутками когда царицу Посейдона видели в лагере. Четыре дня и пять ночей слышались мольбы о помощи, призывы о сострадании и слёзы. На шестой день послышался топот, барабаны, и цокот копыт.

Посейдонцы встречали гостей.

Они пришли с юга. Лавиной врезались в лагерь. Стояла страшная суматоха, посейдонцы не успели скооперироваться. Их рубили и резали, протыкали и поджигали. Звучала грозная песнь курочек, утопающая в цокоте копыт кавалькады героев. Это была группа «золотых

воинов», чьи доспехи сияли ярче солнца. Во главе, на ярком фениксе рвала и кромсала Таканаши Киара. Валькирия снизошедшая с небес, чтобы покарать неверных.

— За Цыпоград! Ко-ко-ко! За Флайм! — кричали нападающие, смежные армии людей, существ и курочек.

— Держать строй! Держать строй! Левый фланг, на левый фланг! — перекрикивал общий гомон офицер посейдонцев.

Битва была быстрая и кровавая. Словно два хищника вцепившись друг другу в глотки, они пробовали свои клыки на прочность. Огонь был повсюду.

— Нет пощады! Руби! Рубите их герои! — вела в бой кавалькаду Киара.

— Заряжать пушки! Встать стеной! — рвала голос Гура.

Ни пушки, ни стена не помогли Гавр удержать позицию. Отряд Таканаши прорвал строй посейдонцев. Царицы сошлись в смертельном танце. Киара орудовала длинным мечом, прикрывая свой золоченый доспех каплевидным щитом. Гура держала ружьё в виде трезубца. Благодаря ему, она совершила удачный выстрел. Пуля пробила сердце феникса, та упала на грудь, скинула всадницу. Тут же на неё накинута толпа.

Птиценот и герои прорывались к царице фениксов, но толпа недруга плотным строем окружала её. Другие посейдонцы, вместе с Гавр Гурой стали наносить удары, рубить и колоть, бить выпуская всю злость и ярость. Всё закончилось, когда прогремел выстрел. Это был выстрел из пушки, направленный на правительницу Посейдона.

На секунды все застыли, наблюдая, как ядро попало в Гуру и свалило её ниц. Снаряд прошиб оболочку титанита, размозжил сердце, поломал рёбра. После такого не выживают, даже дети Тех-Кто-Пришёл-Раньше.

А после резня продолжилась. Войска Флайма добивали посейдонцев. И никому уже не было дела до *погибшей* Гавр Гуры.

Они собрались в тёмной комнате. Свет канделябров мягко ложился на круглый стол. Сегодня он был завален бумагами. В центре лежали несколько круглых больших шариков. Это были души Тех-Кто-Пришёл-Раньше.

Аме чувствовала себя неуютно в одежде культистов. После побега, она с Мелинором и Вестником вернулась на Уничтожение земли, и тотчас поднялась в башню ордена.

Мелинор взял слово:

— Братья, сёстры, воистину сегодня великий день.

— Прошу, давай без сцен, — донёлся голос Страшилы; его поддержали товарищи — Ближе к делу.

— Хорошо. Итак, мы завладели достаточными душами для реализации замыслов. Всех наших замыслов. Удивительно, но даже одна сущность Того-Кто-Пришёл-Раньше даёт больше энергии чем десять — да что там! — двадцать семечек!

— Отлично. Я давно говорил, что пришла пора действовать, — прохрипел Растяпа.

— Особенно сейчас, — поддержал приятеля Богемон — Когда Гикат ослаблен, двое из пяти погибли, ещё одна на нашей стороне. Аме, моё почтение.

Аме поклонилась. Воздуха не хватало. Было душно. Лоб девушки, то ли от жары, то ли от волнения покрыла испарина.

— Мы начнём производство солдат сегодня же, — не встретив возражения Мелинор продолжил: — И когда всё будет готово, выйдем за пределы Уничтоженных земель.

— Титанита нам хватит, — отзывался Страшила — Рабы работают хорошо. Впрочем, их

пора бы обновить.

— Ну что же братья, сёстры, сегодня день когда...

— Прошу, давай без сцен. К чему эта бравада?

— Без сцен и без бравады. К делу. Последуем воле прародителей — Тех-Кто-Пришёл-Раньше.

— Ты была сама не своя, — Мелинор взял девушку под руку, повёл по крутой лестнице башни — Кажется так говорят у вас, людей?

— Я не ровня тебе Мелинор, — она не стала отнимать руку, прильнула к товарищу — Я всего-лишь человек, букашка под ногами культа.

— Но это изменится, когда ты примешь Вознесение. В твоём сердце больше не будет недостойных страстей, в голове пустых мыслей, а в желудке пустоты. Ты будешь счастлива.

— Мелинор.

— Да Аме?

— Пока я ещё не счастлива, можно последний каприз?

— Можно.

Раскрывая карты

В середине дня, когда Её величество королева фениксов пила чай, прибыла Аме. Её сопровождали в сад, где скучала заедая горе, находилась Таканаши Киара. Культистка поклонилась, села напротив.

— Обратишь на меня внимание?

Киара даже голову не повернула, продолжила смотреть на хризантемы. Невооруженным глазом было видно, сколь глубоки страдания царицы. Её брови хмурились, в глазах застыли слёзы. Причина её душевных тягот была Шиён, кою отыскиали на Кальмаровом берегу в критическом состоянии. Лекари делали неутешительные прогнозы.

— Говори. Я слушаю.

— Это касается Шиён ко Субору.

— Шиён ко не Субору, — поправила культистку Киара — Я не позволю, чтобы её что-нибудь или кто-нибудь касался, за исключением, разве что, врачей. Ты Аме, не врачеватель.

С львиной долей злорадства, Аме рассказала об убийстве Шиён Субору и о том, кто такая Нанаши Мумей. Киара перевела взгляд на гостью. В её глазах блеснули искры.

— Ну, и как тебе такая истина?

— Вон, — Аме озадаченно наклонила голову; Киара продолжила — Если это правда, то не сносить тебе головы. Если ложь, то тем более. Вон. Убирайся наёмница, плести свои интриги где-нибудь в другом месте. Вон.

Аме ушла, ощущая как кипит гневом Таканаши. Царица фениксов была поражена. Она сопоставила даты, разоблачила странное поведение Шиён, — не Шиён, а какой-то там Мумей! — и пришла к выводу, что наёмница из Песков не лгала. Она была права.

Киара присела у края кровати, смочила тряпку холодной водой и положила её на лоб Шиён. «Нет, это не Шиён. Нана... Нанаши кажется, Мумей. Да, Нанаши Мумей. Вот кто это, а не моя любимая Шиён, моя дорогая Шиён погибла, умерла, оставила меня одну.» После открывшейся истины, обычно импульсивная девушка, ощущала себя подавленной. Ей не хватало духу достать из волос заколку, и перерезать горло лежащей мошеннице. Ей было жаль совушку, но почему, она не понимала.

Мумей шевельнулась, простонала. У неё была горячка. По ночам девушка просыпалась с криком, но тотчас засыпала без сил. Лекари обработали ей раны: промыли лекарственным раствором лицо, оставили мазь на ужасных ожогах и молились всем богам (по приказу царицы).

Киара поняла, что не хочет чтобы Нанаши Мумей погибала. Кто была Шиён Субору? Обычная плутовка и подлиза. Совушка тоже была такой, но лишь для сохранения своей жизни. Таканаши привязалась к ней, как маленькая девочка к милому щенку. Она боялась её потерять.

Тогда, на берегу, когда прозвучал выстрел, царица видела её стоящей у пушки. Это она подожгла фитиль, это она покончила с Гавр Гурой, и это ей она обязана захватом берегов. «Да. Нанаши Мумей достойно послужила мне. Она заслуживает прощения». Киара была рада *убедить* себя в этом. И с чистой совестью, продолжила ухаживать за больной.

Она не помнила как её зовут, но знала что на полнолуние нужно взять охапочку дров, да разжечь на поляне широкой, как ступа великана кострище. Она не знала, где находится, но была уверена что костры очищают и освобождают, что всё зло от них бежит. Она не знала, кто держит её руку, зато точно была уверена в цветике-светике, кое помогает изобличить душу нечистую.

А после Мумей поняла, вспомнила и осознала, что в её голове всплывает информация из трактата Каллиопы. Медленно, но верно воспоминания возвращались к совушке. Она просыпалась, снова засыпала. Иногда из-за боли, а порою отключилась не по собственному желанию.

Рядом с ней ходили люди в длиннополох плащах, трогали её, что-то спаивали и иногда шушукались между собой. Пару раз Мумей заставляла Киару. Она всегда садилась с краю, бережно брала за ладонь и устремляла задумчивый взгляд в окно.

Помощь царицы была особенно неоценима по ночам, когда совушке снились кошмары. В них была Фауна. Она убегала от подруги, а Мумей мчалась следом, но её удерживали руки убитых. Гура, Ина, Себастьян. Все они там были, цепкой хваткой удерживая совушку.

Время пролетало незаметно. Окончилась Блиница, началась Кряница. Леса покраснели, северные ветра обнажали деревья, устилая землю разноцветным ковром листьев. Мумей шла на поправку.

*<<Когда луна поднимет взор,
приготовь большой костёр,
на ступе великана разожги цветы,
и светом пусть горят они... >>*

Эти строчки стали молитвой перед сном для Мумей. Она боялась забыть про ритуал, который вычитала в книге. Благодаря ему, душа освобождается от оболочки. Людская она или феникса, не имеет значения.

Этим ритуалом, Мумей намеревалась покончить с Киарой, но после событий на берегах, едва ли была способна подняться с кровати. Она была ослаблена, и почти не двигалась. В редкие дни, девушка поднималась на ноги, и в сопровождении Таканаши прогуливалась по саду. Царица была самой лучшей сиделкой, и прекрасной подругой. Теперь совушка не желала ей зла, теперь она никому не желает, и не могла желать зла. У неё не было на это сил.

<<...И пусть огонь облизнет тело,

.....

.....

пусть душа устремится ввысь... >>

Способ расправы, и сама расправа над Киарой, теперь казались Мумей чем-то чудовищным. Она запомнила картинку на странице трактата, под названием: «Освобождения души», где человек привязанный к столбу заживо сгорает. Совушка не хотела такой кончины для Таканаши, она теперь ничего не хотела.

Ещё никогда Аме не было так страшно. Она проходила длинный зал, принимая кивки от облачённых в тёмные балахоны существ. Они замерли словно статуи, провожая девушку взглядом. В конце зала, перед алтарём, её ожидал Мелинор.

Плясало пламя факелов. Мурашки пробежали по обнаженному телу девушки.

Воцарилась гробовая тишина.

— Аме, — культист возложил ладони на плечи неопита — Сегодня ты *вознесёшься*, отринешь смертную плоть и станешь одной из нас.

Девушка легла на холодную плитку алтаря. Её тело крепко обвили провода, так крепко, что пожелай она встать не сумела бы. До ломоты в костях, до боли в мышцах, они сжимали её лишая воздуха. Страх настиг своего апогея, когда вокруг закружились шальные лезвия, заплясали стальные бритвы. Аме стала вырываться, начала кричать.

Ещё долго крики, эхом блуждали, по тёмным коридорам башни.

Разоблачение графини

Наступила Саница. На лугах и полях детвора играла в снежки, фермеры проводили конкурс на самого высокого снеговика, Цыпоград завалило снегом, а самое большое озеро в округе, покрылось толстым слоем льда.

Прошло больше трёх месяцев с тех пор, как Мумей выбралась из берегов. Девушка уже могла вставать с кровати, передвигаться без чьей либо помощи, но всё ещё находилась в состоянии глубокой апатии. По словам врачей это было опасно, и они посоветовали Киаре, (царица лично следила за восстановлением подруги) несколько раз в неделю водить её на прогулку.

Ради Мумей был устроен праздник Саницы. Город украшали еловыми венками; на двери вешали таблички с добрыми словами, происходила раздача яблок в меду. Складывалось впечатление, словно Матушка-природа всё ещё жива, что это она тряхнула головой и облака (существа считали снег замерзшими в волосах Матушки хлопьями облаков) рассыпались белым крошевом. Атмосфера располагала к хорошему настроению. Повсюду был смех и хохот, довольные и улыбочивые лица. Повсюду, но только не в экипаже царицы, где заседают Таканаши и совушка.

Киара потушила трубку, вплотную подвинулась к Мумей.

— Ну же Шиён, — девушка поправила берет на голове подруги — Лекари говорят, тебе нельзя хандрить.

Она снова ничего не ответила, как впрочем, и всегда. Экипаж покинул Цыпоград, растворяясь в снегопаде.

— Зачем ты привезла меня сюда? — спросила Мумей, осматривая руины Кукукуку.

Киара довольная своей выходкой, хлопнула дверью экипажа и воодушевленно ответила:

— Я знаю ты находишь вдохновение в древних преданиях, в том числе и в Матушке-природе.

Матушка-природа. У Мумей перехватило дыхание. Она стала беспокойно озираться по сторонам. О, совушка навсегда запомнит тот день. Полчища мертвецов неудержимыми волнами штурмующие храм, крики жрецов, всадник лич. Нанаши казалось, она слышит цокот копыт, агонию умирающих. Было холодно, но девушке стало жарко.

— Шиён?

— С твоего позволения я вознесу молитвы.

Мумей вошла в разрушенный храм. Шрамы на сердце кровоточили.

Здание храма было разрушено до основания. Видимо захватчики таким образом выместили злобу, не оставив камня на камне. Мумей прогуливалась среди руин, словно желая отыскать нечто доселе спрятанное, нечто скрытое среди завала. Но отыскали её.

Лич Фельдис подкрался незаметно. Каким-то шестым чувством девушка ощущала его, знала что, он стоит за спиной. Оборачиваться не стала. Зажмурила глаза, готовая ко всему.

— Скоро полнолуние, — начал он спокойным голосом — Идеальное время для проведения ритуала, рекомендованного вам моей госпожой, великой королевой мёртвых, чьё имя я — жалкий плебей, не достоин произносить.

Мумей не ответила. Молча уставившись на покрытые снегом руины.

— Мне велено узнать: готовы ли вы?

— Да, — прошептала Мумей, выдавив из себя это злополучное «да».

Подул ветер. Лича и след простыл.

Перед тем как возвращаться в Цыпоград, Таканаши Киара решила посетить несколько ферм. Там она стала судьей в состязаниях: <<самый высокий снеговик, и самое вкусное яблоко>>. Межрасовые существа находили общество царицы приятным. Они не раболепили перед ней, но уважительно склоняли голову. На этой ферме, куда прибыл экипаж проживали семейства курочек, что сыграло свою роль в обожании царицы. Безусловно, они возносили её, украшая образ правительницы сладкими речами. Это не сумело укрыться от взгляда Мумей. То, что в одночасье заставило её улыбнуться, в следующую минуту обернулось ещё большей печалью. Она поняла, что совершила ошибку.

Мумей боролась против захватчиков, желая вытурить неприятели с отчизны. Но это было нужно только ей. Большинство, если не все, существ в бывшем рабов, ныне же фермеров и крестьян с почтением относятся к царице фениксов. И правда, некогда Новая земля преобразилась при Гикате. Матушка-природа погибла, но на её смену пришло нечто другое, нечто неосязаемое, но неизменно возвышающее. Это был прогресс.

Теперь совушка получила жирную пищу для размышлений, которую ей предстоит с трудом переваривать.

— Стража, взять её! — в комнату ворвалась Киара и несколько курочек-стражников — Вот и всё моя дорогая. Игры кончились, твой секрет раскрыт.

Бойцы взяли совкушку под руки, усадили на кресло. Мумей не боялась. Она уже ничего не боялась. Лишь смотрела на самодовольное лицо царицы, на блюдце накрытое крышкой в её руках.

— Шиён, неужели ты думала я не узнаю? Неужели ты и правда рассчитывала одурачить меня? М? А? — девушка комично вертела головой, постукивая ногтями по блюдцу — Вот чем я буду сражаться!

Минутой спустя оказалось, что Киара узнала про любимый десерт Мумей, и благодаря ему решила сразить хандру девушки. Царица была довольна своей выходкой, как бывает довольна девочка угодившая матушке. Стражники вышли. Воцарилось молчание.

— Ну, и ты ничего не скажешь?

— Кремовый пудинг? Я не люблю его.

— Его не любит Шиён Субору, но ты — *Нанаши Мумей*, его любишь.

Совушка могла начать упираться, но не стала. У неё не было ни сил, ни желания. Сказала правду. Киара слушала, довольна кивала. Казалось в моменты тишины, можно было услышать как стучит сердце Таканаши. Она была, взволновала.

Киара знала, что Шиён не любит пудинг. Да что там, она его терпеть не может! А вот Мумей его обожает. Эту информацию, она получила из хроник семинарии, где когда-то училась совушка. Устраивая эту проверку, Таканаши желала обнажить сущность своей подруги, руководствуясь исключительно заботой.

— Ну вот, теперь ты всё знаешь. Прикажешь повесить и будешь стрелять из пушки?

— Это была любимая забава Шиён, — Киара села в кресло напротив, откинулась назад — Мы часто с ней играли.

Наступила длительная пауза. Киара уставилась в одну точку, словно ушла в себя. Через

несколько минут, она быстро замахала ресницами, подскочила с кресла и пробурчав нечто невнятное покинула комнату. У Мумей не было ни сил, ни желания догонять её.

Теперь, когда совушка поняла, что мир изменился, её отчизна безвозвратно изменилась, единственно что следует сделать — это принять вещи такими, какие они есть. Киара будет хорошей правительницей, при правильных советниках. Такие, (благодаря наузке Мумей) уже появились.

За окном шёл снегопад. Цыпоград бурлил от радости.

После вознесения Аме, миновал месяц. Девушка привыкла к «чешуе» титанита под кожей, стала меньше внимания уделять мирской суете, а вскоре и вовсе забыла утолять человеческие потребности. Она словно спала, и видела невероятно реалистичный сон. Сон про многотысячную армию машин, больших и малых, с пушками и сталью. Сон где, ей подарили место за круглым столом. Сон в котором её тело укрывает тёмный балахон. И её нравился этот сон, вернее она понимала что должна радоваться, но ощущала лишь отголоски эмоций.

Теперь Мелинор уделял ей больше внимания. Он любил брать её под руку, и прогуляться перед шеренгой «освободителей», как назвал Страшила разработанные механизированные отряды. Вот и сейчас культист взял девушку под руку, и увёл в сторону от главной башни культа.

— Аме, довольна ли ты своим местом?

— Да наставник, это честь для меня, — голос девушки стал блеклым, пустым — Я ценю вашу помощь и веряю свою жизнь культу.

Он посмотрел на её исподлобья капюшона, взглядом скрывающим теплоту. И всё-таки Мелинор слишком долгое время провёл среди существ, подцепив болезнью, названную «человечность». Он *ощущал* нечто, что среди жителей Гиката принято называть грустью. Это озадачило его.

— Вскоре придёт конец. А следом будет начало, — выдержав паузу, культист продолжил: — Мы отправимся в море, туда, где находятся Те-Кто-Пришёл-Раньше, вернее сказать их остатки. Теперь, когда нам не надо скрываться, это проще простого. «Проще простого», и снова эти странные фразы...

Шумел завод. Точили клинки, заряжали ружья. Маршировали «освободители».

— Наставник.

— Да, Аме?

— Нам придётся идти через Гикат. Стычки не избежать.

— Верно. Поэтому мы ударим первыми.

И грянул гром...

На протяжении недели Киара всячески избегала Мумей. Царица была сконфужена последним разговором с совушкой. Она знала, что та выдаёт себя за другую, но не догадывалась какую ненависть питает, или питала, к Гикату и её персоне соответственно. Теперь смерть Гуры и Ины обретали особый смысл. Таканаши боялась.

Она опасалась, что подруга (царица до сих пор считала Мумей подругой) презирует её даже после проведённого вместе времени. Опасения Таканаши были напрасны. Об этом заявила Мумей, однажды испросившая аудиенцию у правительницы. Все формальности были соблюдены, совушка пришла в тронный зал, встала на колени, как встают верноподданные. Киара глядела на неё со скорбью.

В течении этой недели, Мумей изменила не только своё мнение, но и сторону. Она посчитала, что Гикат несмотря ни на что будет хозяйничать на землях Матушки-природы, и вместо мести, следует пользоваться своим статусом, улучшая жизнь осиротевшим существам. Но перед ней стояла одна большая преграда. Это была Таканаши Киара. Вернее тот барьер, что появился между ними с момента откровенного разговора. Совушка решила присягнуть верой и правдой, поклясться на мече в своём служении царице Цыпограда. Речь имела успех, готовность к самопожертвованию довела курочек-придворных до слёз. Но самое главное, это сцена растрогала Киару. Уже вечером подруги сошлись в объятьях.

— Мууумей! Как я рада тебя видеть, как я счастлива знать, что ты не желаешь мне зла, что не ищешь для меня смерти, что не...

— Стой Киара, ты меня задушишь! Успокойся, — девушка выпуталась из объятий подруги, схватила её ладони — Я рада не меньше твоего, но всё-таки помни, что я не бессмертное существо.

— Так это правда? Ты решила занять место главного советника? О, ты будешь сидеть рядом со мной в тронном зале. Как это волнительно! Я прикажу сшить тебе красную мантию, и достану из сокровищницы жезл. Ну тот, который достался мне...

Таканаши Киару было не удержать. Царица снявшая корону, отложившая скипетр власти, этим вечером была счастлива. Мумей тоже не хандрила. Впервые за несколько месяцев, она улыбнулась. Это была её первая улыбка за Саницу.

Прошёл первый месяц Саницы. Пришли морозы; застыли ручьи; Цыпоград тонул в снегу. Киаре было неуютно, и она уехала бы во Флайм, где зачастую зима тёплая. Мумей была против. Теперь, когда совушка сидит рядом с царицей, она особенно дотошно выполняет свою работу, и лично проверяет исполнены ли их поручения. Таканаши ощущала укол ревности, понимая что придворные крайне благожелательно относятся к советнице. Да что там, они напрямую шли к ней, не особо рассчитывая на Киару.

Мумей не злоупотребляла своей властью. Она честно и непредвзято выполняла свой долг, начиная от совета каменщику и заканчивая выбором пшена для посева. Короче говоря, всё внимания совушки было направлена на благоустройство и процветания Гиката.

По вечерам (а чаще по ночам) девушки могли остаться одни, скинуть царскую мантию, берет советника и стать самими собой. Они любили ночевать в одной комнате, расчесывать друг другу волосы и спать в обнимку. Перед сном, Киара часто шутила:

— Эй, Мумей ты спишь? Не спи. Слушай: Я Таканаши Киара, а ты Нанаши Мумей.

И залиvisto хохоча, царица закидывала конечности на сопящую подругу.

За месяц совместной власти (совместной, ибо Мумей брала большую часть дел царицы на свои плечи) девушки ещё сильнее сблизилась. Они открыли друг другу мечты, секреты и страхи. Киара боялась остаться одна, мечтала встретиться с отцом и призналась в любви к мясной рульке. Совушка редко давала ответы. Как только её тело попадало в постель, тотчас засыпало. Но Таканаши это не останавливало. Она болтала и смеялась.

Таканаши Киара была счастлива.

В Цыпограде дела шли в гору, а вот Чумные земли пришли в упадок. Обелиск приманивает мало душ. Кроме того, все они малые, едва ли что-то из себя представляют. Они бесполезны.

Каллиопа Мори вновь почтила вниманием свою семью. Она целует матушку и папочку; гладит по черепам Эрнольду, Перфору, Каспера; протирает пыль с дяди, тети и Вели; поднимает на руки малыша Роджера. Девушка любит свою семью, и ради неё она готова на всё. Королева мёртвых верит, что однажды благодаря душе феникса, они смогут воскреснуть.

В момент, когда Калли посадила малышка Роджера на место, слуга объявил о визите лича Фельдиса. Госпожа возбуждено встречала офицера, в надежде на хорошие новости.

— Да моя повелительница, она готовится, исходя из вашего совета, — лич застыл в нерешительности, ожидая слов от госпожи, но та кусала губы, размышляла — Не сочтите за грубость... Моя повелительница, не разумно ли будет проконтролировать ритуал? Ведь это не просто душа, а душа феникса и...

— Я сама решу, что мне делать.

Лич пал ниц, коленопреклоненно просил прощения. Впрочем, его слова были верны и Калли была готова в полнолуние покинуть свой замок и самолично захватить душу Киары.

Ждать осталось недолго.

В середине Саницы, во время особо сильных морозов, таких сильных морозов, что сопли превращаются в сосульки, а слёзы в хрусталь, существа привыкли проводить время с семьёй. Они запираются дома у тёплого очага. Пьют мёд, варят компот и угощаются яблоками в меду.

Издавна существовала легенда про капризную дочь Матушки-природы, коя несмотря на предостережения родительницы, отправилась в Саницу на улицу. Чтобы не замёрзнуть, девица танцевала. Со временем эта легенда облюбилась молодухами, и они сбегали к своим кавалерам пританцовывая. Те, исходя из традиции, должны были развести костёр и дожидаться своей возлюбленной.

Дворцовые подруги решили сделать нечто похожее. Поздним вечером, во время полной луны, они отправились за Цыпоград, развели огромное кострище (при помощи слуг разумеется) и укутавшись в меховые шубы по самый нос, созерцали танцующее пламя.

Мумей уже давно отринула план мести, и примирилась с устоявшимся положением вещей. Однако наблюдая за этим пламенем, ей невольно вспоминаются строки из колдовского трактата:

*«Когда луна поднимет взор,
приготовь большой костёр,
на ступе великана разожги цветы,*

и светом пусть горят они... »

Девушки стояли на широком лугу. Где-то вдалеке горели огни ферм, ещё дальше, ярким сиянием приманивал приезжих Цыпоград. Здесь, на этом лугу они были одни, исключая прячущихся от мороза в экипаже слуг.

Луна была полная. Сегодня было полнолуние.

— Гррр, как же холодно! Ну давай Мумей, ап-тяп, ап-сяп... Ну вот, ты уже смеёшься, это хорошо. Давай, как в той легенде. Танцуй!

Попытки Киары танцевать, не увенчались успехом. Из-за слишком толстой шубы, она свалилась лицом в снег, махая ногами и пытаясь подняться, как рыба на берегу. Мумей помогла ей, а после добавила:

— В легенде, говорилось, что дочь Матушки-природы, танцевала в одной рубахе.

— Ты бросаешь мне вызов!

— Что? Стой. Киара, остановись. Киара не нужно снимать шубу, ты же про... Киара, оставь в покое штаны!

Царица не слушала, заливисто хохоча и бросаясь одеждой. Она осталась в одной рубашке, едва прикрывающей ягодицы. Её бёдра быстро окоченели, ладони жгло холодом. Девушка распустила волосы, скинула диадему и подражая дочери Матушки-природы кинулась в пляс.

Танцевать Киара не умела, потому дурачилась. Это было одновременно умилительно и комично. Девушка прыгала, бегала, махала руками. В завершении танца, скокнула через костёр. Её волосы словно язычки костра летели по ветру. Рубаха пропиталась потом, глаза кричали о вызове. Она смогла! Сделала это! Сумела перепрыгнуть через костёр!

Но вся радость вмиг улетучилась. Стоило ножке девушки приземлиться в снег, послышался громкий хлопок. В небе, как кисть художника оставляющая белую линию на тёмном полотне, летели несколько снарядов. Через пару мгновений, они спикируют вниз стирая с лица земли ещё одно селение.

Мумей накинула шубу на подругу, и отащила к экипажу.

Лошади заржали, сорвались с места. Царица спешила в Цыпоград.

Змей кусающий свой хвост

Таканаши Киара и её верная советница вбежали в зал собраний. Это была большая комната, с широким столом, где располагалась карта Гиката. Военные министры, в том числе и Птиценот проводили громкие диспуты. Стоило девушкам зайти, они замолкли, но лишь для того, чтобы сильнее взорваться.

— На нас напали!

— Прорвали границу! Злыдни идут со стороны Уничтоженных земель!

— Западные селения уничтожены, беженцы рассказывают о железных демонах.

Киара подошла к столу, глянула на карту: половину Гиката сожрали красные полосы краски. Мумей заставляла себя быть хладнокровной. В отличие от Таканаши, совушка преодолевала волнение. Ей казалось, словно всё это страшный кошмар. Она ждала звона колокола, чтобы открыть глаза и сказать себе: «Ужасный, противный сон!» Но всё было наяву. На яву горели фермы, на яву проливалась кровь.

— Кто они?

— Ваше величество, у нападающих нет знамён, — отвечал Птиценот, тяжёлым как булава взглядом заставляя других замолкнуть, — По данным разведчиков, мы имеем дело с неопознанной расой.

— Пошлите запрос о помощи Аме, впускайте беженцев в город и готовьте войска. Все наши войска.

Военные министры побежали исполнять приказы. Оставшиеся наедине девушки, тупо глядели на карту.

Перед глазами Мумей проносились события шестилетней давности. Осада храма Кукукуку, огонь, крики, кровь. Всё это повторяется. Змей снова кусает свой хвост. Она давала обещания, что Гикат, её отчизна пусть и под другим стягом, будет процветать. Ради этого, совушка была готова на всё.

С момента вторжения прошло несколько часов. Мумей руководила силами беженцев. Те, кто мог держать оружия в руках, отправлялись в арьергард, остальные помогали по мере сил. Женщины и дети трудились в госпиталях, старики раздавали провиант и разжигали костры.

В зале совещаний, Киара принимала гонцов и отдавала приказы. Ей то и делс докладывали, об очередном сгоревшем селении, разрушенном заводе или разбитом полке. Жертвы были невообразимые.

— Ваше величество, мы потеряли отряд героев.

— Ваше величество, я из Сгорбунки. Сгорело всё, ох сгорело...

— Ваше величество, войска вступили в открытое столкновение. Держат противника у Крошрильда, но боюсь долго не протянут.

— Ваше величество, госпожи Аме нет на месте, но доверенные ей люди готовы помочь нам.

— Ваше величество, подтянулись резервы из Флайма.

— Ваше величество...

Ваше величество. Ваше величество. Ваше величество. Киара была готова кричать от отчаяния. Ей хотелось разорвать на куски очередного гонца, закрыть рот спорящим военным

министрам. Она была не готова к этому, она была не готова к поражению. Царица привыкла побеждать, привыкла быть первой и никогда не встречать сопротивления. Таканаши паниковала, словно маленький ребёнок встретившись с неизведанным.

— Мы справимся, — Мумей подкралась незаметно, положила ладонь на плечо, наклонилась к уху — Ты справишься Киара. Будь сильной.

Они вышли на балкон дворца. Ночной горизонт пылал алыми точками — это горели селения, фермы и заводы. Внизу кипел Цыпоград, а где-то вдалеке земля содрогалась при столкновении двух войск. В воздухе витал пепел, пахло гарью.

Киара приказала выпускать фениксов. Это была последняя надежда царицы. Советники разбежались, девушки остались одни.

— Я хочу защитить Гикат, — призналась Киара — Хочу, чтобы твоя земля прекратила питаться кровью.

— Это и твоя земля тоже, — совушка возложила ладони на плечи царицы, — И мы вместе её защитим.

На небе сияла полная луна. Издали доносился стук колокола. Дул ледяной ветер. Тени гуляли на свободе. Одна из них притаилась на дворцовом шпиле, подслушивая разговор девушек.

— Ради защиты своего народа, я готова на всё, — в глазах Киара блеснула холодная решимость, — Идём Мумей. Гикат должен устоять.

— Выходи, — потребовала Киара, поджигая потухшие канделябры; на непонимающий взгляд Мумей, ответила — Полнолуние. Время когда гуляют тени, время когда Смерть выходит на бал. Выходи Каллиопа Мори, владычица мёртвых, кошмар живых. Выходи и предстань перед нами. Выходи же!

Она появилась из темноты. Нагая, костлявая, с гривой белоснежных волосы, Каллиопа Мори явилась на зов царицы.

— Таканаши Киара.

— Прошу тебя без сцен. Перейдем к делу.

— Не позволю! — взревела Мумей, цепляясь за ладони Киары.

Царица ответила ей улыбкой, говорящей: «Мой милый друг, я вас так люблю, но всё уже решено.» Всё и правда было решено. Осознавая бедственное положение, Таканаши решила обменять свою душу на защиту Гиката. Она знала, что у Каллиопы были бессчётные (по крайней мере неизмеримые) войска, готовые при одном слове вступить в бой. Ей была необходима эта поддержка.

— Мумей, моя дорогая Мумей, это единственный шанс защитить твою родину. Нет, молчи, не перебивай. Когда ты рассказала мне про свою любовь к Матушке-природе, когда я поняла, как ты любишь свою отчизну, мне... — девушка силилась подобрать слова, крутила в воздухе ладошками — Я поняла, что жить можно не только ради себя. Поняла, что жизнь ради кого-то наполненная смыслом может сделать меня счастливой. Не мешай мне быть счастливой Мумей, это единственное о чём я тебя прошу.

Тени скалили клыки, пускали слюни. Калли бродила где-то в темноте, сверкая лезвием косы.

— Мумей, я люблю тебя.

— И я тебя, моя дорогая подруга, — совушка благоговейно целовала ладонь Киары — И я тебя люблю. Ты совершила много поступков, но пусть в истории останется лишь этот. Лишь этот миг...

Киара лежала на столе, как лежат мёртвые в гробу. Её хмурое личико разгладилось, зарумянилось. Она сжала ладонь Мумей, не открывая глаз произнесла:

— Я доверяю Гикат тебе. И ещё кое-что. Наклонись, — совушка послушно прильнула ухом к губам Киары — ...Я буду ждать тебя там.

Им помешал Птиценот. Ворвался в зал собраний, и сразу пал на колени, сражённый представшей картиной. Но Мумей слышала последние слова Киары. В это мгновение царица впилась ногтями в ладонь подруги, изогнулась всем телом, стала трястись. Совушка отпрянула, упала ничком. Она не видела как уста царицы выдохнули ослепляющий свет, как он птицей устремился ввысь прогоняя тьму, как вылетел на балкон, озаряя светом Цыпоград, как королева мертвецов пала на колени, ослеплённая божественным сиянием. Она ничего из этого не видела, лишь застала погибшую в неестественной позе.

— Верую вам свою жизнь, верую и пра...

— Птиценот, прошу, без сцен.

Мумей протянула рыцарю ладонь, тот кивнул, ухватился. Стал говорить прямо и по делу. А если говорить прямо и по делу, исключая народные крепкие слова и ругательства, всё шло как нельзя хуже. Вернее будет сказать:

— Мы проиграли.

— Мы проиграли бы, не будь наша царица счастливой. Птиценот, верь мне. Собирай войска и готовься к последнему бою. Гикат не падёт.

Каллиопа Мори сдержала своё слово. Через несколько часов, Цыпоград взяли в кольцо армии мёртвых. Скелеты горланили любимую песню, огры готовились стрелять из пушек, всадники без головы формировали строй. Позади них стоял ничтожных скоп воинов Флайма.

Рота смерти под неизменным командованием Фельдуса, эскортировала королеву мёртвых и Мумей. Совушка оседлала одного из фениксов; накинула привычный плащ поверх кольчуги; взяла меч и щит из личной оружейной Киары. Она чувствовала, что царица рядом, словно сидит позади неё, подбадривает и повелевает. Ей очень хотелось это чувствовать, но на самом деле в сердце девушки была пустота.

Мумей потеряла Фауну, Киару и теперь лишается отчизны. «Нет. Не позволю. Вы отняли у меня всё, но отчий край отнять не сможете.» Она была воодушевлена, наполнена решимостью и эти эмоции разделяла с войсками. словно не стало Мумей, а появился один большой зверь по имени Войско. И этого зверя загнали в угол; он ранен, но скалит клыки и рвётся покусать обидчиков.

На горизонте поднялся алый рассвет. Ветер волновал стяги войск. Стучали барабаны, маршировала пехота мертвецов.

— Идут! Идут! — верещали разведчики.

— Вперёд! Во славу Гиката, за царицу фениксов!

От поднятого крика заложило уши. Земля сотряслась — войска двинулись в атаку. В считанные мгновение две армии схлестнулись. Началась резня.

Существа пробрались в библиотеку. Тихо, не ступая на скрипучие половицы по которым денно ходит пожилая сова, а ночью бродят призраки, они миновали несколько стеллажей и юркнули в тёмный проход ведущий в архив. Там, среди запыленных свитков, запрещённых гримуаров, опасных фолиантов, они отыскивали нужную книгу. Название гласило: «Хроники Гиката». Зажгли свечу, открыли первую страницу...

..Страшный день настал. В шестьдесят третий день Саницы 1362 года, сошлись армии в королевстве Гикат. Почившая царица фениксов, заключила союз с королевой мертвецов. Бооольшое войско привела Каллиона Мори. Они живым щитом стояли за Цыпоград. Стояла живым щитом и Нанаши Мумей. Она первая ринулась в бой на фениксе, что при прыжке затмевал собой небеса, но было светло, ибо его перья светились лучами солнца даже через латы. Он и был солнцем. Испепеляющим врагов солнцем.

Армии сошлись близ Цыпограда поздним утром. Противниками гикатцев, были механизированные роботы под управлением членов неизвестного культа. Они не боялись боли, тараном шли вперёд, огнём и мечом прорубая себе дорогу. Перед тем как встретить ожесточенное сопротивление, культисты и их марионетки сожгли западные провинции Гиката, такие, как: Не-готер, Ко-сек, Фи-лован и другие.

Бойня стояла страшная. Снег окрасился в алый, небо заволокло тучей снарядов; где-то громыхали пушки, то там, то сям свистели ружья, и везде звенела сталь. Среди живых, по телам мёртвых скакали лошади, прыгали фениксы. Нанаши Мумей, впоследствии прозванная Светлой, а так же получившая звание «Герой войны за Гикат» рубила направо и налево. Она была символом защитников; за неё, за эту бешеную девицу пробивающую дорогу вперёд, идущую по головам, хотелось бороться. И боролись. Боролись самозабвенно, боролись забывая о жизни, боролись до последней капли крови. Друзья говорили друг другу: «Брось меня, иди за ней. Иди и победи»; «Умираю. Темнеет в глазах. Брось, брось меня, иди сражайся. Иди же, ну, вперёд...»; «Ко-ко! Кок-кококо! Бой! Бой!». Никто не думал о жизни, все шли на верную смерть.

Войска культистов, были волной, что пытается смыть дамбу. Но она...

Скрипнула ступенька. В архив спустилась толстая сова. Махая лампой, она без труда обнаружила детишек скрывающихся под столом. Испуганные, с лицами будто бы говорящими: «помилуйте», они держали на коленях книгу. Рядом стояла потухшая свеча.

— «Хроники Гиката», — прочла сова, скрипя спиной — Аа-аа-аа, помнится мне, да помнится. Было это ещё в прошлом веке. Мой отец рассказывал.:

Арьергард ринулся в бой. Курочки, цыплята и остальные пернатые, под предводительством Птиценота ворвались в толчею сражения. Они бились достойно, отважно, не жалея ни себя, ни врагов. Много их полегло. Отважные герои шли по телам своих союзников, рубить и сечь, махать и стрелять. Бабах. Бабах. Бабах. Позади то и дело стреляли пушки, над головой летели снаряды. Где-то вдалеке рубилась конница, по сторонам отбивалась пехота.

Вскоре гикатовцам удалось оттеснить противника. Наступил переломный момент, момент когда погибли несколько культистов. К этому приложили руку Мумей и Каллиопа. Им удалось прорубить себе путь к командованию и нейтрализовать «мозги» войска. И вот победа была уже близко, но внезапно раздалась весть: «Каллиопа Мори пала! Королева мертвых мертва! ». Случилось это...

— Аа-аа-а, вижу рты разинули, уши развесили, — сова поставила лампу на стол, села на стул — Интересно? Историей родины увлекаетесь? Киваете, значит оказалась права. Чтобы вы знали: моя прадед был никто иной как Птиценот! Он получил звания «Герой войны за Гикат», пережил бойню и умер от рака кишечника. Ох, бедный прадед... Он-то мне и рассказал, что случилось с королевой мёртвых. Хотите и вам расскажу. Хотите? Ну славно, тогда слушайте...

Случилось это в арьергарде культистов, в небольшой деревушке избранной, как временное убежище. Туда прорвалась рота смерти, идущая за Каллиопой и Нанаши. По словам лича Фельдиса (очень хорошего друга моего прадеда), ещё при подходе к цели, он понял что с королевой мёртвых что-то не так. Она валилась с седла, хваталась за грудь, словно задыхается. Сражалась повелительница Чумных земель в проклятой форме, пользуясь всеми доступными силами.

Не посчитайте за брехню, да только кто ж правду знает? В это время, на Чумных землях, то ли лопнул, то ли взорвался, короче похерился обелиск. Обелиск этот подпитывал силы Каллиопы. Без него она лишилась львиной доли мощи, и как итог проиграла в бою. Очевидцы, то была рота смерти во главе с тем самым Фельдисам, утверждают, мол, её убила культистка. Ага, девица. А девицу эту, засекала Мумей. На этом её бой закончился. Мой прадед лично обрабатывал ей раны, и транспортировал в столицу. Да, транспортировал, потому как Нанаши была сильно ранена, изнурена и вообще едва ли держалась в седле.

Когда они возвращались в Цыпоград, встречали ликующих гикатцев. Гикат победил, а вторженцы потеряв «мозги» так скажем, оступели. В книге «Хроники Гиката», об этом много написано. А в конце автор оставляет четверостишье:

*«Поля усеяны телами, под ногами друзья, враги,
отовсюду крики, хохот: «Братья, сёстры, мы смогли! »;
молодуха и старик, бродят в поисках родни,
не найти здесь никого, все ушли, в лоно земли... »*

Край света

Наступила Кряница 1363 года от рождения Матушки-природы. Снега ушли, оставив грязь и слякоть; на полях возводили курганы; появились предприятия по разборке механизированных кукол культистов. Гикатовцы вернулись на фермы, стали чинить заводы, обновлять жилища. Жизнь возвращалась в привычное русло. Через пол года, о волне захватчиков из Уничтоженных земель вспоминали, как о страшном сне.

Вспоминала об этом и Нанаши Мумей. Она приняла титул царицы, села на место Киары. Совушка занималась делами королевства, вместе с поверенным Птиценотом. Благодаря её правлению, Гикат расцвел, как расцветают цветы. Но она сама, увы, с каждым днём чахла.

В сражении с культистами, Мумей получила несколько свежих ран. Ничего серьёзного, однако они способствовали открытию старых. Как итог, состояния девушки было критическим. Каждое утро, перед тем как надевать платье, она принимала сильные обезболивающие, и каждый вечер перед тем, как идти ко сну, ей приходилось выпивать отвары.

Она посещала светские мероприятия, званые ужины и разного рода встречи. Однажды отправилась в Чумные земли, по приглашению Фельдиса. Совушка самолично пронесла тело Каллиопы до её замка, и там, войдя в гостиную, усадила за семейный стол. Теперь семья будет в сборе. Навсегда.

После этого Мумей носила траур, а офицер лич, командир роты смерти, предложил присоединить свою родину к Гикату. Это предложение было встречено положительно. К концу Кряницы 1363 года флаг Гиката гордо реял на Кальмаровыми берегах, Флайме, Чумных землях, и даже в Песках. Жителям песчаных дюн нечего было возразить; они радостно принимали новых хозяев, и принесённый ими прогресс.

Спустя семь лет правления, в 1370 году Нанаши Мумей передала права на трон и исчезла без следа.

Это случилось ранним утром, когда восходящее солнце стучится в ставни, когда Цыпоград спит усталым сном, когда петух-часовщик ещё не бьёт в колокол. Мумей по традиции приняла нужные лекарства, облачилась в неприметный дорожный костюм, накинула плащ и покинула дворец через чёрных ход. Она знала, что пора уходить, ощущала это всей душой. И она ушла, вслед за эфемерным совёнком...

За морем и сушей, за облаками и скалами, находится край мира. Это земля богов, владения духов. Там нет ничего, но там есть всё. Нет ничего для смертного, и есть всё для бога. За туманной вуалью Хранительницы, пролегает Чертог душ, путь к которому равен пяти ступеням шириною в лапу гиганта. Первая ступень — страх, вторая — сомнения, третья — неудача, четвёртая — смерть, пятая — жизнь.

Нанаши Мумей вступила на первую ступень. Страх. Она боялась великанов на горизонте, драконов над головой, дрожания земли, грозного рёва. И когда девушка сделала шаг назад, совёнок спикировал вниз, расплываясь на тысячу пылинок. В одночасье всё затихло, а пылинки приобрели форму девичьего тела. Это была Фауна. Фауна протягивающая ладонь, улыбающаяся томной улыбкой тонких губ, подбадривающая

взглядом медовых очей. Подруги взялись за руки и шагнули вперёд, поднимаясь на следующую ступень.

Сомнения. Сомнений не было, их не могло быть, ибо рядом шагала нимфа. Мумей безмерно ей доверяла, ощущала тепло её ладони и приятный запах еловых веток. Они поднялись выше.

Вступили на третью ступень. Неудача. Неудача постигла их неожиданно, порывом сильного ветра. Фауна вскрикнула, испарилась; Мумей пала ничком, сдирая пальцы в кровь пробиралась дальше, вопреки чудовищному дыханию Хранительницы. В одночасье ветер сменил направление, закружился кругом и бухнул в небесах. А после появилась птица, прекрасная алая птица. Она стала солнцем освещающим подъём. Совушка поднялась, глядя на свою спасительницу двинулась дальше.

Поднялась на четвёртую ступень. Смерть. Птица спикировала вниз, бухнула огненным смерчем. Мумей закрыла глаза, а когда вновь открыла на месте пернатой красавицы, стояла Киара. Совушка невольно вспомнила, её последние слова: «Фениксов невозможно удержать. Край света. Я буду ждать тебя там.». За спиной улыбающийся Таканаши стояла Фауна. Девушки взяли под руки подругу и повели дальше.

Они шли долго. Мумей больше не могло подниматься, рухнула наземь. Совушка на секунду смежила веки...

— Идём Мумей, ну же, — Киара протянула ладонь.

— Остался последний шаг. Живи Муми, живи с нами, здесь, на краю мира, — Лепетала Фауна, протягивая ладонь.

Мумей воспользовалась помощью подруг. Вскочила, рывком преодолела последнюю, пятую ступень и вступила в Чертог душ, оставляя земную юдоль позади, освобождая томящуюся внутри оболочки сущность.

— Фауна, Киара, вот мы и встретились.

Девушки взялись за руки. Души их обрели покой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net